

к84(2=411.2)6

к27

220

квартал

12+

Карташов Б.П.

Борис Каргашов

220-ый квартал

Документальная повесть, рассказы
(издание переработанное и дополненное)

г. Екатеринбург
2013 г.

- 0162478 -

Государственная
библиотека
Югры

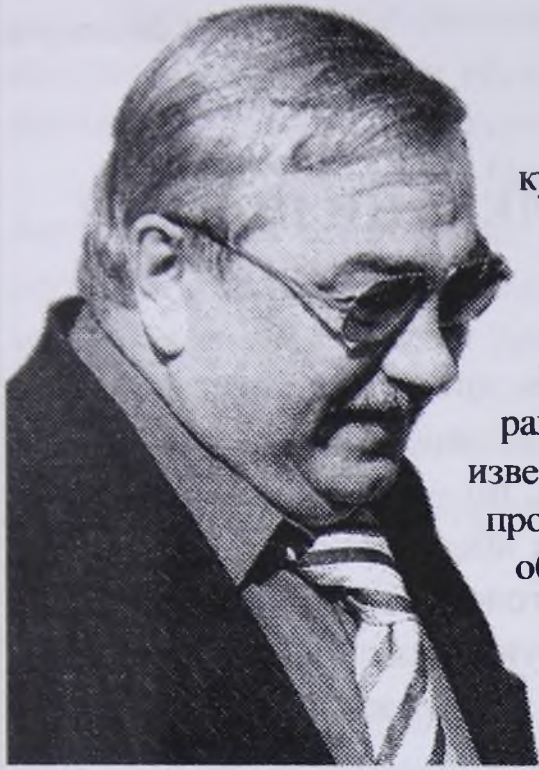
КО

ББК 84 (2 Рос=рус)
К 88

ISBN 5-94007-027-2

© Борис Карташов
ООО «Графические системы» г. Екатеринбург

Его малая Родина...

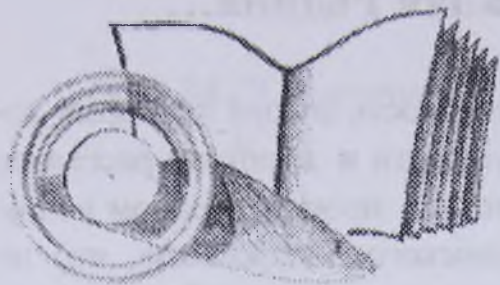
Детство и юность автора подборки документальной повести и коротких рассказов Бориса Карташова прошли в одном из поселков Сотринского леспромхоза, что на севере Свердловской области. Место таежное, малообжитое. По таксационной карте района оно значилось, как «220 квартал». Неизвестно почему, но этот населенный пункт на протяжении нескольких десятилетий так и не обрел официально другого названия. Но это не смущало жителей поселения, которые по воле Советской власти были высланы в эти края. Они быстро привыкли к необычному названию и стали между собой его называть лаконичнее: «Двадцатый».

Как юридическое лицо, этот лесопункт в настоящее время не существует. Не выдержало конкуренции дикого капитализма его производство. Нижний склад, лесозавод, тарный цех и узкоколейная железная дорога закрылись. Работоспособное население разъехалось. Остались в поселке старики, вдовы бабы, да инвалиды. Всего около десятка семей.

О том, что здесь когда-то бурлила жизнь, сейчас напоминает только размытая дождями и временем фраза «220 квартал», когда-то старательно выписанная белой краской на крыше конторы.

Другое дело человек. Он помнит свою жизнь по наиболее ярким событиям и эпизодам – смешным, трагическим, поучительным, обидным. Они, как репей, если вцепились в память, душу – не отдерешь. И странная вещь человеческая память – стоит только потянуть за ниточку, и клубочек начинает разматываться, а события, казалось, напрочь стершиеся, возникают вновь перед глазами столь явно, как будто то было только вчера.

С теплотой, проникновенно и с большой светлой грустью повествует автор об истории родного поселка – своей малой родине. Интересно и то, что рассказ о своем поселке он пишет не бесстрастным пером историка. Людей, дела, беды и радости таежного поселка пропускает через свое сердце. Оттого и читаются эти страницы на одном дыхании. Почти незаметно для самого себя вслед за автором начинаешь проникаться симпатией к людям поселка, а его историю воспринимаешь не отвлеченно, а как увлекательное путешествие в трагический мир одной из миллионов семей оказавшейся на северном Урале по воле Советской власти, где и примостился поселок лесозаготовителей.

ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН

Астрономы говорят, что свет погасших звезд летит до земли миллионы лет. А моей малой родины – лесного уральского поселка не стало за каких-то сорок лет. Но она, по – прежнему, продолжает излучать сияние в душах и сердцах абсолютного большинства моих земляков. Об этом красноречиво говорят их письма - отклики на мою книгу о родном поселке, которую я написал несколько лет назад. Она называлась «220 квартал». Ее тираж (500 экземпляров) я раздарил в считанные дни.

Прошло время, но читательская почта до сих пор не иссякает. Теперь уже на электронную почту мне пишут дети и внуки тех, кто когда-то жил в этом таежном поселении. Все просят прислать экземпляр издания. Этот факт не может не радовать. Ведь в обществе встречаются еще люди, которые, покинув родной очаг, тут же начинают проклинать его, в разговоре охаивать, стараются обо всем забыть. К счастью, не такими оказались переселенцы 220-го. Прошлое для них осталось ценным багажом пережитого, частью их биографии, наконец, занимательной историей. Каждый четко понимает: без памяти о прошлом невозможно полноценное будущее.

Так год назад у меня и зародилась идея переиздать книжку, естественно, дополнив, ее новым повествованием. И вот мечта сбылась. Надеюсь, издание займет достойное место не только на книжных полках моих земляков, но и в сердцах нового поколения «двадцатчиков».

Пользуясь случаем, я не могу не познакомить благодарных читателей с отдельными отрывками из писем, недавно присланных в мой электронный адрес.

«...Борис, здравствуй! Пишет тебе Николай Федоткин. Помнишь такого? Мои родители жили на одной улице с вами. Я тогда, хотя и маленьким был, но хорошо помню наш поселок – особенно клуб, танцплощадку, школу.

Огромное тебе спасибо за книжку, которую ты послал. Мы все семьей с огромным удовольствием ее прочитали. Мама даже расплакалась, вспоминая прожитые годы.

У меня уже внуки. Часто вместо сказок, рассказываю им о детстве, проведенном в на 220-м, природе, друзьях. Им нравится слушать о том времени, в котором мы жили. Многое уже стерлось из памяти, но после прочитанных твоих рассказов, все четко ожило.

Еще раз спасибо за книгу. Я словно побывал на своей малой родине, которая мне дорога...»

г. Ачинск, Красноярский край

« Боря, ты молодец, что написал книгу о нашем поселке и, тем самым, увековечил его. Я первые годы скучала по 220-му, даже во сне его видела. Потом поселок стал забываться. И тут твоя книга. Ее мне по почте выслала бывшая подруга и одноклассница Валентина Пантюхина. Прочитала за вечер. В памяти сразу всплыли незабываемые эпизоды детства и юности.

В твоих новеллах узнала многих наших поселковских ребят и девчонок. Ты точно подметил их увлечения и настроение, четко выписал характеры многих из них. Спасибо за то, что наш рабочий поселок теперь будет жить вечно в памяти потомков. О нем прочтут дети и внуки или те, кто когда-то слышал о 220-м...»

Наталья Латан, г. Запорожье, Украина

«...Я хорошо помню, как жители нашего поселка отмечали государственные праздники и свадьбы. Обычно гуляли всем поселком. На розвальнях, если зимой, обязательно катали нас, детишек, по поселку, летом - на бричке. До сих пор не знаю, откуда она взялась на конном дворе? Лошади всегда были разукрашены разноцветными лентами и красными попонами. В эти дни наши папы и мамы одевались во все лучшее. Ведь раньше «прикид» обязательно делился на праздничный костюм и рабочую одежду. (Это сейчас и в пир, и в добрый мир – один вид»).

220-ый квартал

Приходили вечером с работы наши родители, быстро управлялись по хозяйству - и вся семья дружно садилась за стол. По такому распорядку дня жили все. Это потом, после перестройки, началось расслоение жителей поселка.

Желаю тебе, Борис, крепкого здоровья и острого пера!...»

Любовь Кузетова, г. Советский, Тюменская область

«...Наша семья долгое время жила на 220-м. Мне очень часто снился поселок моего детства. А родни там никого-то и не осталось, чтобы порассказать, что там да как. Вот я и стала в прошлом году в интернете искать про наш поселок - 220 квартал. Да сразу и вышла на Вашу повесть и рассказы. Читала с упоением и придыханием. Описания людей, живших там, и местности живо воскресили в моей памяти то время. Многих я помню сама из своего далекого детства, да и по рассказам родителей и родни. Да что там говорить, без пафоса, Ваши рассказы о моей малой родине, таким теплом согрели мне душу, что проплакала весь вечер. Низкий поклон вам».

Галина Руселик, г. Витебск, Беларусь

«... Борис, приветствую тебя! Дома наших родителей стояли рядом. Хорошо помню твоих старших братьев – двойняшек Николая и Владимира. У меня есть фотокарточка, где я с ними стою в нашем огороде. Ребятам было по пять-шесть лет, мне – четыре года.

Спасибо тебе за память, всего хорошего в жизни.

Валентина Кватова, г. Североуральск, Свердловская область

«...Оказывается, как приятно узнать что-то новое о своей малой родине, ее жителях. Жалко нет отца в живых. Ему бы точно понравился рассказ о нем самом, который бы воспринял с юмором и пониманием.

С удивлением обнаружил, что очень многое, о чем ты на-

писал, я даже и не знал, хотя в поселке прожил пятнадцать лет. Читаю и диву даюсь – сколько в коротких рассказах собрано интересных сведений о 220-м и его жителях. Даже не предполагал. Правильно говорят: большое видится на расстоянии...

Твоя книга также дала мне возможность совершить путешествие в прошлое, мысленно повстречаться с многими земляками и осознать, как прекрасна и дорога земля, на которой родился. Это не красивые слова. Это - жизнь...»

Александр Слободян, г. Горячий Ключ, Краснодарский край

«...Книжку прочитал залпом. Многие эпизоды из нашего детства перед глазами. Например, случай с порохом. Я тогда был среди ребят.

А помнишь, Борис, у нас была еще игра в пуговки, дротики, стеночку. В лесу соревновались друг с другом, кто по верхушкам молодых густых сосенок пройдет дальше всех. Прекрасное время было...»

Александр Лобовиков, г. Называевск, Омская область.

«...Борис Пантелеевич! Огромное спасибо за книгу. Читали всем семейством. Всколыхнулись всякие воспоминания. Папа хорошо помнит вашу семью. Он на двадцатом работал мастером на узкоколейной железной дороге. Желаю творческих удач!...»

Нина Мартьянова, г. Москва

«...Книжку «200-й квартал» я распечатала на ксероксе, чтобы ее смогли прочесть Сергей, Татьяна, Альбина и Валера Пена. Они очень просили. Летом собираюсь приехать на Урал, в Краснотурьинск. Если погода позволит, обязательно съезжу в поселок. С ним у меня связаны незабываемые минуты детства...»

Елена Шпакова, г. Фергана Узбекистан

220-ый квартал

«...Здравствуй Борис! Нет слов, чтобы выразить свою благодарность тебе за книгу. Во-первых, узнала много нового о своих земляках, во-вторых, до глубины души тронули меня твои рассказы о людях, их судьбах, с кем когда-то жила в поселке. Все-таки наши родители были молодцы, как бы им не было трудно в жизни. Они всегда были жизнерадостными, умели трудиться, умели и отдыхать. Обидно, что молодежь сейчас совсем другая. Вроде бы и живут материально лучше, и быт разнообразнее, а жизни совсем не радуются...»

Людмила Коркунова, г. Измаил, Украина

Прочитала твою книжку о 220-м – будто, спустя много десятилетий, вновь побывала в родном поселке. Расплакалась, когда узнала о судьбе моей одноклассницы Варваре Пашкевич (по мужу Зимич). Я ее помню всегда жизнерадостной и веселой.

Моя сестра Татьяна в прошлом году была в поселке и встречалась с Варварой. Она после инсульта. Условия жизни у нее плохие. Но чем мы можем ей помочь? Сами давно пенсионеры и живем скромно.

Галина Рагозина, с. Загорье, Украина

«... Спасибо за книгу. С огромным удовольствием прочла повесть – как будто побывала в детстве. Душа помнит и болит о малой родине».

Валентина Руцак, г. Североуральск, Свердловская область.

Вот такие отклики моих земляков о книге. Говоря высшим «штилем», я несколько не сомневаюсь в том, что наш таежный поселок, в котором мы родились и выросли, не пустой звук. Это, хотя и погасшая, но все-таки наша путеводная звезда.

220-ый квартал

**Документальная повесть,
рассказы.**

ТАЙНА ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

Всю свою сознательную жизнь я слышал от родителей, что мы из раскулаченных. Что надо об этом помалкивать, стремиться жить тихо, чтобы, не дай Бог, на нашу семью не обратили внимания соответствующие органы. Пытался расспросить отца с матерью об их жизни до революции, но не получал вразумительного ответа. Единственное, что было известно – бабушку Катерину в зловещем 37-ом забрали и пропал человек.

- Ушла в галошах, надетые на босые ноги, со словами «Я скоро вернусь, дочка», - сказала как – то мама, поджав губы, чтобы не расплакаться.

Доходило до того, что я, пионер, советский школьник, стал подозревать своих родителей в том, что они действительно враги народа, сменили фамилию и затаились, выжидая, когда падет ненавистный режим и они смогут вернуться на историческую родину – в Крым.

Еще больше подогрело мое стремление узнать биографию своих бабушек и дедушек, родителей категоричные утверждения родственников, которые остались в Крыму и избежали высылки о том, что баба Катерина не была расстреляна, а умерла своей смертью. Что, в общем – то, выслали моих родителей правильно – дыма без огня не бывает – было за что...

Я, работая в газете, начал по крупницам собирать сведения

о своих родственниках. Это было сложно, но помогала профессия журналиста. Так, о судьбе своих родителей, их свадьбе и первые годы семейной жизни рассказал члену Союза писателей России поэту Евгению Федоровичу Вдовенко. Тот не только принял активное участие в розыске документов, но и на их основе написал поэму под названием «Свадьба шла», снабдив предисловием: «Другу моему Борису Карташову, подсказавшему мне сюжет, и его на редкость дружному сплоченному, славному роду».

... Свадьба шла. Это видеть бы надо!

Все в ней с миру – наряд и питье.

Для любви нет прекрасней наряда.

Чем само

озаренье ее...

Шла Мариюшка, Маня, Мария.

Матерь долгой судьбы и родни.

И ее Пантелей был всех краше,

Как ни рван

и мослы лишь одни...

... Долго – долго шла свадьба,

Так долго,

Что за ней зарастал ее след...

Но побегу от этого корня,

Разрослись и окрепли вразлет.

И твоя в них судьба, друг мой Боря,

И моя. Потому, хоть и в горе,

А Россия – то

Нами живет!

Это была первая публикация о моей семье. Ведь в конце семидесятых годов прошлого века все делалось с оглядкой, как бы чего не вышло. И только перестройка разрушила барьер страха. Как - то, будучи в очередном отпуске, я зашел в областное КГБ города Свердловска. По моим данным в его архивах должны были сохраниться сведения о родственнице. Надежды оправдались. После небольших бумажных формальностей офицер принес в кабинет тонюсенькую серую папку с грифом «секретно».

- Пожалуйста, знакомьтесь с делом вашей бабушки,- сказал он.- Просьба только не вырывать листы и ничего не вымарывать.

- Были случаи?- не удержался я.

- Конечно.

- Фотографировать можно?

- Не запрещается.

Работник архива вышел, оставив одного в кабинете.

ПРИГОВОР ПРИВЕДЕН В ИСПОЛНЕНИЕ

Передо мной дело № 31245 по обвинению Барановой Екатерины Ивановны по статье 58-6 УК РСФСР, арестованной, как агент германской разведки Надеждинским (ныне Серовским) городским НКВД Свердловской области. Это моя родная бабушка по материнской линии.

Наконец-то, стала известна последняя страница ее трагической жизни с 18 декабря 1937 года по 14 января 1938 года – с момента ее ареста оперуполномоченным третьего отделения управления НКВД г. Надеждинска Свердловской области Ивановым (имя и отчество не указано) и до осуждения особой тройкой ГУГБ НКВД по статье

*14/1-38 по делу особ. тр. ГУГБ НКВД
по ст. 58-6 УК РСФСР (нем. шп.)
протокол № 168.*

Приговор от 14/1-38

58-6 УК РСФСР к высшей мере наказания (расстрел), который был приведен в исполнение согласно протокола №168 14 января 1938 года.

Санкционировал расстрел начальник управления НКВД по Свердловской области комиссар госбезопасности третьего ранга Александр Дмитриев и прокурор Уральского военного округа бригадный военный юрист Юрий Петровский. На документе под фразой «Согласен» стояла также фамилия начальника Надеждинского ГО НКВД старшего лейтенанта Ивана Трубачева.

Я пытаюсь представить, что думала моя 56-летняя бабушка в застенках НКВД в то время, как себя вела, что на самом деле говорила на допросах. Ведь, согласно протокола, она созналась в шпионской деятельности в пользу Германии. Рассказала, как встречалась с резидентом германской разведки и получала от него задания. Сначала в Крыму, где жила до спецпереселения, затем уже здесь, на Урале - в глухом лесозаготовительном поселке. Удивительно, но резидент нашел ее и тут. Приказал поджигать тайгу, вести среди жителей антисоветскую пропаганду.

Поистине, бумага все стерпит. Этот абсурд запрототоколирован, подписан начальниками и аккуратно подшит в дело. Маразм, который сейчас трудно понять и объяснить. А ведь он длился в стране несколько десятков лет.

Впрочем, позволю процитировать часть протокола допроса моей бабушки Барановой Екатерины Ивановны, что впоследствии послужило основанием для высшей меры наказания. (Стилистика и орфография сохранена по оригиналу).

«До высылки на Урал меня и моих детей, я выполняла ряд поручений, даваемых мне, (далее вымаранное чернилами имя резидента Германской разведки) контрреволюционного характера. Он мне часто говорил, когда мы встречались, что задания, которые я выполняю, даются немецкой разведкой, и я выполнять их должна осторожно и аккуратно.»

В одном из разговоров он мне сказал, что он, начиная с 1925 года, находится на связи с одним известным немецким разведчиком Джековым. Когда в 1930 году меня и мою семью выслали на Урал (опять вымарано чернилами имя) – встречи временно прекратились, стала вести переписку с 1931 года, как я уже ска-

зала до 1935 года. А он до 1935 года проживал в Крымской АССР, а с 1932 года уехал в Германию, затем в Швейцарию.

Из Швейцарии резидент мне писал письма, посылал денежные переводы. (Это в тайгу что ли?) И так до 1935 года. Затем связь временно у меня с ним прекратилась. Причины мне неизвестны, почему он перестал писать и отвечать на мои письма.

По прибытию в ссылку в лесопункт Надеждинского района Свердловской области «Пасынки», я в 1934 году познакомилась и близко сошлась с немкой Розой. Также спецпереселенкой. (Фамилия вымарана чернилами). У нас с ней были частые и длинные разговоры на контрреволюционные темы. Мы всячески выражали свое недовольство и озлобление против Советской власти, руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Часто сходились во мнениях, что необходимо вести борьбу с Советской властью, путем насильственного свержения устранить ее. Причем, Роза обращала мое внимание, что в этом деле поможет ее родная страна – Германия, которой мы должны помогать.

Я уже помогала практически: по заданию германской разведки совершила три поджога леса на территории Сосьвинского леспромхоза, в результате чего выгорела значительная площадь тайги. Вывела также из строя дизель-электрогенератор, который подает свет в дома. Об этом я доложила Эльвейн. (Наконец-то, фамилию Розы следователь не вымарал. Видимо просмотрел.)

После чего она предложила быть у нее на связи и выполнять ее поручения. На что я дала согласие.

С иронией представляю: сидят две престарелые женщины в таежном, богом забытом поселке и планируют убить Сталина, свергнуть Советскую власть. И все это в 120 километрах от районного центра, где и дороги-то нормальной нет, пятистах километрах - от области и более 2000 километров от Москвы...

Это ж, как надо было издеваться над человеком, чтобы он признал эту чушь и подписался под ней. Однако продолжу цитировать протокол допроса.

Вопрос: укажите, какие поручения вы получали от агентов немецкой разведки?

Ответ: Вести контрреволюционную агитацию против Советской власти. Распространять всяческую клевету в адрес руководителей Коммунистической партии и государства. Совершать различного рода диверсии. С тем чтобы подорвать мощь

Союза Советских Социалистических республик.

Вопрос: Вы практически выполняли даваемые вам поручения?

Ответ: Да я практически выполняла даваемые мне поручения.

Вопрос: Укажите конкретные факты Вашей практической деятельности как агента немецкой разведки?

Ответ: Фактов было много и я их уже все не припомню...»

Горько читать строчки этого протокола полувековой давности, акты обысков, записки фискалов о том, что моя бабушка не тот человек, за которого себя выдает. Почему доносители среди сотен таких, как она спецпереселенцев, выбрали именно ее на закланье в НКВД? Чем привлекла внимание эта женщина, у которой на тот момент было четверо несовершеннолетних детей. Тощая папка уголовного дела под номером 31245, должным образом не проливали свет. Шпионка – и все тут.

И все - таки ключ к обвинительному заключению моей бабушки Барановой Екатерины Ивановны был найден. Правда, через год. Во время поездки в Крым.

НЕ ОПЛАЧЕННЫЙ ДОЛГ

Мне разрешили познакомиться с документами Государственного архива автономной республики Крым с 1920 по 1930 годы, направленные в Феодосийскую городскую комиссию по вопросам восстановления прав реабилитированных. В них я без труда нашел историю жизни моих близких родственников, раскулаченных и сосланных, как «врагов народа» на Северный Урал. Оттуда узнал, каким богатством они владели и как были (уже после смерти) реабилитированы.

Согласно выписке из протокола № 41 заседания ЦИК от 25 марта 1930 года Баранова Екатерина Ивановна была лишена избирательных прав на основании п. «П» статьи 15 Инструкции ВЦИК

о выборах, как находящаяся в материальной зависимости от лица, лишённого избирательных прав. В переводе с канцелярского языка на нормальный это означало, что она повинна лишь в том, что была женой Баранова Дмитрия Митрофановича (моего деда по материнской линии).

Моя бабушка не отказалась (как в те времена было принято) от мужа, который, кстати, был в плену во время империалистической войны у немцев. Впоследствии, расстрелянный чекистами за это. И была в 1930 году вместе с детьми выслана на основании решения общего собрания деревни на Урал, как спецпереселенка. Имущество семьи было конфисковано в неделимый капитал только что образованного товарищества по коллективной обработке земли. Пашни – 13,75 х 78,23 сажень, фруктового сада – 0,3 гектара, две лошади, две коровы, одна свиноматка, один плуг, один буккер, одна лобогрейка, одна бричка.

Сразу все стало на свои места. У чекистов четко прослеживалась «шпионская» связь Екатерины Барановой и Дмитрия Баранова в пользу Германии. Как говорится, был бы повод, а статья найдется.

На автомобильной трассе Свердловск–Ревда сейчас стоит обелиск в память жертв политических репрессий. Среди тысяч имен есть и Баранова Екатерина Ивановна: годы жизни 1881–1938 гг. Это моя бабушка. Она захоронена здесь. Обелиск постоянно утопает в букетах цветов. Около него всегда много людей. Стоят, обнажив головы. О чем они думают?

ПРОПАЛА БЕЗ ВЕСТИ

Политические репрессии 20-30 годов коснулись и родственников по линии отца - Карташова Пантелея Федотович. Некоторые из них были расстреляны, как враги народа, многие - сосланы на Соловки. В живых остались единицы.

Карташова Пелагея Яковлевна 50 лет. Мачеха отца. Лишена избирательных прав на основании «п. «а» статьи 14 Инструкции ВЦИК о выборах, как применявшая наемный труд с целью извлечения прибыли...». Раскулачена. Должна была быть сослана на Урал. Она сгинула в 1930 году безвести. Забрали работники ГПУ – и пропала.

В девяностых годах прошлого столетия была реабилитирована.

«РАССТРЕЛЯТЬ, КАК НЕМЕЦКОГО ШПИОНА»

Баранов Дмитрий Митрофанович. Дед по материнской линии.

Он был красавцем мужчиной. Не мог спокойно пройти мимо любой деревенской юбки. Для каждой из них у него всегда был в запасе ласковый эпитет. Балагур, весельчак, гуляка – дед нравился и замужним женщинам. Когда уходил на империалистическую войну 1914 года, многие украдкой вытирали слезы.

Первое время Дмитрий Митрофанович исправно писал жене письма. Затем переписка неожиданно прервалась. Пошел слух, что Баранов в плену у германцев. Его жена – баба Катя стойчески перенесла это известие, не переставала ждать мужа.

В конце 1918 года дед появился на хуторе. Такой же статный, красивый. После нескольких рюмок спиртного рассказал землякам о войне, друзьях – товарищах, плене. В минуту откровения, поведал что, будучи на чужбине, завел еще одну семью.

Баба Катя, поплакав, разговорила мужа. Оказывается, как военнопленный, дед Дмитрий был приставлен в качестве батрака на ферму к богатой фрау. Там в него влюбилась дочь фермерши. Вскоре стала его гражданской женой. Через год родились двое малышей – девочки. Закончилась война. В России произошла революция. Власть взяли большевики. Многие солдаты стали возвращаться домой. Затосковал солдат Баранов по родине. Все чаще и чаще стал вспоминать свою первую жену, трех сыновей и дочку. Этого не мог

ла не заметить немка. Она оказалась женщиной умной, не стала насильственно удерживать возле себя мужа. Сказала просто: «Съезди домой в Россию осмотришь. Не приживешься, приезжай обратно. Тут у тебя тоже дети. Ждать будем с нетерпением».

Как натуре деятельной, увлекающейся спиртным, Дмитрию Митрофановичу нередко доставалось от бабы Кати за несанкционированные любовные похождения. И однажды в ссоре бросил жене обидное: «вот уеду обратно в Германию, тогда узнаешь, как жить без мужа». Утром винился, просил прощения.

Вскоре хутор в подробностях знал о второй семье Дмитрия Баранова за кордоном. Как водится, одни завидовали, другие злобствовались: «Неспроста гражданская жена осталась у германцев, не иначе немецким шпиёном стал».

Если б знал тогда дед во что его трепотня выльется, язык бы на двух замках держал. После разгрома Врангеля, мобильные чекистские отряды, по приказу соратницы вождя мировой революции Владимира Ильича Ленина - большевички Землячки, фильтровали многие населенные пункты Крыма. Как следствие – без суда и следствия расстреливали не только участников белого движения, но и сочувствующих и просто не понравившихся людей.

Когда такая группа чекистов появилась в районе хутора, где жил дед Дмитрий, местные активисты тут же доложили прибывшему начальнику, что Баранов бывший военнопленный, что у него в Германии остались еще одна жена, дети, что он, может быть, немецкий шпион. Этот серьезный факт не мог проигнорировать командир чекистов. Так дед стал «членом контрреволюционного заговора» и был расстрелян.

УМЕР В ТЮРЬМЕ

Карташов Федот Иванович. Дед по линии отца. Согласно выписке из протокола № 177 Центральной комиссии при Крымском ЦИКе от 11 июня 1930 года сказано. «Карташов Федот Иванович 59 лет лишен избирательных прав на основании п. «а» статьи 14 Инструкции ВЦИК о выборах, как применявших наемный труд с целью извлечения прибыли. Состав семьи – жена Карташова Пелагея Яковлевна и сын Карташов Пантелей Федотович 1906

года рождения (мой отец). Имущественное положение: три коровы, три лошади, два вола, 15 овец и четыре улья, собственной земли свыше 400 десятин...»

Надо сказать, что Федот Иванович Карташов так же воевал в империалистическую, также, как и дед матери, попал в плен, где провел три года. Мой отец вспоминал, что деда отличали громадные усы, которые на ночь он закладывал за уши и обвязывал повязкой. «...У Буденного гораздо меньше были...» – говорил отец.

В отличие от деда Дмитрия он был образован, серьезен, немногословен. Не поступался принципами, до конца отстаивал свою точку зрения. Именно за эти качества пользовался среди сельчан непререкаемым авторитетом.

К свершившейся революции отнесся спокойно, никак не высказывая своего отношения ни к красным, ни к белым. Вступить в сельскохозяйственную коммуну, которая образовалась в селе сразу после гражданской войны, не спешил. Свое хозяйство ближе. Это не всегда нравилось сельским революционерам, но они терпели деда Федота – как – никак авторитет на селе.

Коммунизм на деревенском уровне быстро распался. Многие сельчане потеряли тогда последнюю живность, плуг, борону. Авторитет не члена коммуны деда Федота укрепился еще больше. Многие прямо заявляли: «как поступит Карташов, так поступим и мы».

В конце двадцатых дед Федот был вызван в район. Учитывая его агрономическое образование, местное начальство предложило поработать в сельскохозяйственной еврейской коммуне, которая образовалась в Мелитополе. Дед без обиняков заявил, что из этого предприятия ничего путного не получится. Не будут евреи

работать в поле, и наотрез отказался от всех должностей, которые ему были предложены.

Через неделю был арестован и посажен в Симферопольскую тюрьму, как злостный саботажник линии партии. Пока шло следствие, заболел. У него признали язву желудка. По словам земляков, после одного из допросов у деда открылось внутреннее кровотечение. Так и умер в тюрьме.

В ссылку попал только мой отец – Пантелей Федотович, который прожил 84 года. Он сумел не только выжить, но и создать семью, вырастить восьмерых детей. Умер в 1990 году, так и не узнав, что всю жизнь страдал зря – не виновен – вердикт комиссии в соответствии со ст. 3 Закона Украинской ССР о реабилитации жертв политических репрессий от 17 апреля 1991 года.

Вместе с мамой на Урал сослали и двух братьев Павла и Дмитрия.

Дядя Павел всю жизнь проработал на шпалорезке в леспромохозе на северном Урале. Умер через несколько дней после выхода на пенсию, когда ему исполнилось 60 лет. Но пенсию получить так и не успел, скончался за два дня до выплаты.

Дядя Митя получил звание стахановца на Серовском металлургическом комбинате в конце 30-х годов, в 1942–43 годах воевал на фронтах Великой Отечественной, был ранен, награжден орденами и медалями. Умер в возрасте 75 лет. Причем скончался, когда на мотоцикле (в качестве пассажира) ехал на похороны моего отца в соседнюю деревню.

Дядя Митрофан избежал ссылки, но судьба его была такой же тяжелой, как и у моих родителей. Во время раскулачивания он скрылся у дальних родственников. В годы Великой Отечественной войны был мобилизован на строительство укреплений линии обороны в Крыму. Там был взят в плен румынами и помещен в лагерь для перемещенных лиц. В начале войны противник был лоялен: за золото, драгоценности отпускал пленных родственникам или просто знакомым. Выкупили и дядю Митрофана те самые родственники, у которых он скрывался от ссылки. Женился на молодой девушке Вассе.

В 1944 году из Крыма власти поголовно выслают коренных жителей - крымских татар, греков, турок - месхетинцев за, яко-

бы, сотрудничество с немцами, в Казахстан. Тетя Васса – гречанка. И хотя их семью не трогают, они сами уезжают в Оренбургскую область. Причина: засилье западных украинцев, которые заняли сельхозугодья сосланных. Жить с ними в мире было не возможно. Местное население подвергалось постоянным нападкам со стороны бендеровцев. Так звали приезжих хохлов. Доносы в НКВД, уничтожение скота, птицы, даже убийства – вот неполный набор их деятельности. До 1957 года дядя Митрофан с двумя сыновьями и женой живет вдали от малой родины. Затем возвращается на Кубань. Постепенно жизнь налаживается. Но клеймо кулака, выкупленного военнопленного витает по станице. Он живет тихо. Работает сторожем на дальней бахче. Так и жил до самой смерти, вроде бы и нормально, а вроде бы и как чужой человек советской власти.

Мама – Мария Дмитриевна, святая женщина, родила и воспитала нас – восьмерых детей. Вся ее жизнь – была в нас. Уже в пожилом возрасте она говорила «...Еще неизвестно, что лучше – остаться в Крыму или здесь прожить на Урале. Здесь хоть вы все со мной, значит, прожила жизнь не зря. А останься там – Бог знает, как бы сложилась жизнь...» Когда она умерла, ей было 72 года.

Это было 8 марта 1983 года – день годовщины ее золотой свадьбы. В момент похорон шел обильный снег...

ЧТО ТАКОЕ «ДВАДЦАТЫЙ»

– Мама, ну когда наступит зима и выпадет снег? – нетерпеливо я дергал за руку.

– Скоро, скоро, сынок, еще несколько дней...

С каким восторгом я ждал этого момента. Вся земля покрывается белым, пушистым покрывалом. Вначале можно будет лепить снежную бабу, затем Новый год – мой любимый праздник с украшением елки, наконец, катание на лыжах – красота. И вот через несколько дней, зайдя с улицы, мама сказала:

– Однако, завтра снег выпадет.

Я взглянул на часы – было пять часов дня. Как долго ждать... И тут же мелькнула мысль, что если я рано лягу спать, то когда проснусь, будет уже завтра. И забрался в кровать.

– Не заболел, ли? – забеспокоился отец.

– Нет, – улыбнулась мама, – это он первый снег очень ждет.

Проснулся, а в доме темно, на улице тоже. Прильнул к окну – ничего не видно. Но чувствую, что–то должно произойти. Однако сон вновь сморил меня. Утром первым делом к окну. Ура! Вся земля в снегу. Одевшись, быстро выскочил на улицу. Снег лежал тонким слоем и уже не казался белым. То здесь, то там проступали темные пятна земли. Но все равно – зима пришла.

Это одно из ярчайших моих воспоминаний о детстве, о месте, где я родился, о поселке. Вначале – кулаков, затем – репатриированных, кто был в оккупации под немцами. Позже – “вербованных”: тех, кто по оргнабору государства бросали свои родные деревни в Белоруссии и на Украине и приезжали валить лес для Родины, чтобы жить получше. Политических, кто шел по ленинградскому и делу военных. Поселок тогда не имел названия. Даже это было не позволено. Он называлось просто “220-й квартал”. Название было написано известкой на крыше конторы лесопункта – градообразующего предприятия. Леспромхоз, в который входило наше подразделение, назывался “Сотринский”. Он объединял несколько населенных пунктов: железнодорожную станцию “Сотрино” (40 км от Серова), поселки – Первомайский, Ивановский и наш, 220-й квартал, который местное население сократило до просто “Двадцатый”.

Поселение состояло из “микрорайонов” – лесозавода, центра, заречья. Понятно, что лесозаводские работали на переработке древесины, центровые кучковались вокруг клуба, школы, больницы, конторы лесопункта. Поселок на окраине пересекала центральную и единственную дорогу речка Куликовская.

Итак, “Двадцатый”. Расположен в 25 километрах от железнодорожной станции. Основное занятие людей – лесозаготовка и лесопиление. Была еще узкоколейная железная дорога, по которой вывозили хлысты. Конный двор с 30-ю лошадьми, которые в пятидесятые использовались при погрузке и вывозке леса. В шестидесятые годы, когда появились новые современные агрегаты и механизмы, просто доживали: на них возили бочки с водой в школу, детсад, столовую, пахали огороды, доставляли сено с покосов.

Главной достопримечательностью поселка была спортивная площадка рядом с клубом и 14 бараков, в которых жили те, кто недавно приехал и пока не обзавелся собственным домом, а также бывшие зеки, неженатые, молодые ребята и девушки. Причем каждый номер барака определял, не только кто там живет, но и их социальное положение.

С 1 по 4-ый барак – это семьи без отцов, женщины, высланные за аморальное поведение из городов. Они базировались вокруг лесозавода.

В 5, 6, 7, 8-ом бараках жили семьи, которые вот-вот должны были получить казенное, отдельное жилье (дома на два, четыре хозяина) или строят собственное.

9-ый барак особый – жили в нем холостые. Здесь селились молодые специалисты из ремесленного, педагогического и медицинского училищ г. Серова. Находились они там, как правило, недолго. Женились, выходили замуж, меняя «общагу», на более цивильное жилье. Редко кто уезжал из поселка. Может быть потому, что в те времена в их родных деревнях и селах было не сладко.

10, 11, 12, 13, 14 бараки были предназначены для бывших зеков, коих приезжало немало, просто лихих людей. Туда редко кто захаживал в гости. Драки, пьянки, поножовщина.

Однажды бывшие зеки забили насмерть моряка, пришедшего в отпуск. Терпению местных жителей пришел конец. Собралось человек 60–70 взрослых, женатых мужиков, вооружились кольями,

220-ый квартал

железными прутьями и ночью ворвались в 14-й барак. Били смертным боем. Когда барачные поняли, что их убивают, кинулись, кто в чем, в сторону железной дороги. Гнали их уже из всех пяти барачков. Кто-то сообщил об этом начальству (милиции у нас не было). Быстро подогнали несколько товарных вагонов и увезли их в город (так называли Серов).

Случилось это в середине пятидесятых. Но с тех пор, ни один вновь прибывший на работу к нам зек, услышав историю про 14-й барак, не вел себя вызывающе, да и местные ребята прямо на вокзале кулаками доказывали кто хозяин в поселке.

ЭКСКУРС В ПРОШЛОЕ

Любой населенный пункт образовывается для определенной цели. В 1947 году Сотринский леспромхоз открыл новый лесопункт в 220-ом квартале, согласно лесотаксационной карте Серовского района. Туда после ликвидации комендатуры НКВД моя семья (уже не спецпереселенцев, а свободная как все советские люди, переехала на новое место жительства). Отныне не надо было каждый вечер отмечаться у местного чекиста, что ты дома – не сбежал и ничего не натворил с точки зрения закона.

Вообще, система уничтожения человека, как личности, превращение его в “винтик” государственной машины была в то время очень изощренной и сволочной. Так, например, с 1930 по 1947 годы наша семья меняла четыре раза место жительства. Причем делалось это насильственно.

Отец рассказывал, что первый раз привезли в тайгу километров за 15–20 от железной дороги Свердловск–Серов (где-то в районе Верхотурья) и приказали через неделю уже заготавливать древесину. По шесть кубометров на человека в день. Причем дерево надо было свалить, очистить от сучков, раскряжевать на шестиметровые бревна и сложить в штабель. Только тогда выдавалась суточная пайка еды на работающего. Не выполнил норму – ничего не получил.

Всю неделю рыли землянки, строили шалаши. Шел декабрь, надо было выживать, потому что человеческая жизнь “врагов народа”, кулаков ничего не стоила. Папка вспоминал, что “хохлы”, приехавшие с ними с Украины, отказались валить лес, мотивируя тем, что они хлебоборобы и не умеют работать на лесосеке. Жгли костры, питались тем, что привезли с собой. Но вскоре еда кончилась: стали пухнуть с голоду, ослабели до того, что не могли вставать. Мороз заканчивал дело. Каждое утро несколько трупов “активировали” и куда-то увозили.

– Хорошо, что мы с мамой еще не поженились, и детей не было, – говорил отец, – а вот у других и дети умирали.

С муками, невероятными трудностями, но поселение возрождалось. Весной раскорчевали лес, посадили картошку, построили бараки, появилась живность. Через три года это был уже крепкий поселок со своей инфраструктурой. Тяжело, но жить можно. Однако, как только власть это замечала, тут же отдавался приказ – осваивать новое место жительства. Обязательно километров за 30–50 от прежнего вглубь тайги. И все повторялось заново. Только люди уже имели опыт: адаптировались на новом месте быстрее.

Вот так мы осваивали лесозаготовки в четырех населенных пунктах, пока советская власть не решила что мы стали “лояльные” к ней и милостиво разрешила жить там, где мы желаем. А желали мы жить в 220-ом квартале, позднее который стал называться “Печеневка”, “Боровой”. Сейчас это богом забытый уголок без всякого производства, где доживают свой век старики.

Итак, главной задачей “Двадцатого” была заготовка леса и частичная его переработка. В лесосеках вначале валили лес поперечной (двуручной) пилой, затем – “лучковой”. Кстати, “лучковая” пила в свое время сделала революцию на заготовке. По сравнению с «поперечкой», которой управляли два человека, производительность увеличилась в два раза.

Забыл сказать, что тогда не было бригад: каждый трудился на своем переделе работ – сучкоруб, вальщик, помощник вальщика, отгребщик снега и т.д. И соответственно зарплату каждый получал независимо от результатов другого.

Так вот, всех больше зарабатывал вальщик. Отец рассказывал, что один из них по фамилии Чабан таскал деньги в полевом планшете с собой на работу. Это было несколько десятков тысяч рублей. Он прятал сумку под кустом и забывал где. Потом искали, все кто мог. Находили, он делился на выпивку с мужиками. А когда спал, сумку под голову клал, чтобы не украли.

Такие люди были, скорее всего, исключением, так как надо было нравится начальству, для того чтобы выбирать для валки “кубатуристее” дерево.

Позже появились электропилы и бензопилы. Трелевали лес, то есть вывозили с делян и укладывали в штабеля вначале с помощью лошадей, потом лебедками, первыми газогенераторными тракторами.

Зимой по “ледянке”: дорога, которую поливали водой. Посредине делалось углубление шириной сантиметров 30–40 и глубиной до 20. На однополосные сани накладывались бревна, и лошадка тянула воз в поселок. Там он либо отгружался в вагоны МПС, либо разделялся на доски, шпалы, тарную дощечку и т.д. Причем, вначале бревна в вагоны тоже грузили с помощью лошадей. С годами их поменяли лебедки и краны.

Спустя время от ледяных дорог отказались. Стали строить узкоколейные дороги и “лежневки” – деревянные тротуары, по которым на автомашинах вывозили хлысты. А по УЖД на паровозах, мотовозах в специально оборудованных турникетах.

Надо отметить, что в свои лучшие годы лесопункт заготовлял до 150 тысяч кубометров в год, в шпало-лесо-пилении, тарном производстве перерабатывали до 30 процентов.

О СТОЛОВОЙ И ПЕРВОЙ ЗАРПЛАТЕ

В поселке проживало около трех тысяч человек, которые были обеспечены всеми необходимыми социальными нормами тех времен. Работали детские сады, школа, клуб. Были баня, водокачка, магазины, пожарная часть, рабочая столовая. Вот о последней хочется отдельно вспомнить.

Ее основной контингент были “вербованные”, зеки, холостые парни и девки – те у кого не было постоянного угла. Местные в столовой не питались – дома жены готовили. Так вот, столовая открывалась в пять утра, потому что по УЖД вагончики с рабочими уезжали на деляны в половине седьмого. В четыре утра же по “Двадцатому” раздавался заводской гудок – будил всех на работу. Заведовал тогда столовой украинец по фамилии Слободян. Люди приходили, кто позавтракать, кто взять с собой “тормозок” в лес.

Рассказывали такой случай: бывший зек кушает борщ. Черпает ложкой и видит в ней таракана. Подзывает завстоловой и грозно спрашивает: – Это что?

– Где? – удивленно отвечает Слободян.

– Зыркай сюда, – трясется от гнева зек.

– Да это лук, пережаренный, – заведующий тут же съедает таракана...

Немая сцена как по Гоголю. Фактов нет. Зек не зная, что делать дальше, вставая из – за стола бурчит: “Теперь пережаренный лук всегда тебе отдавать буду – я его не люблю”.

Нам, малолеткам, всегда хотелось что-нибудь попробовать в столовой, хотя дома готовили лучше и качественнее. Скорее всего, тут срабатывало то, что это общественное место для коллективного питания. Ведь вначале надо было изучить меню. Затем буфетчице сказать, что желаешь: в основном, это мясная котлета с картофельным пюре и компот. Она заказ писала на бумажке. С ней подходил к раздаче... Затем с такими же, как сам пацанами, чинно сидели кушали и слушали разговоры поварих, буфетчицы, взрослых посетителей. В этом, видимо, и заключалось необычность приема пищи, которая нас так притягивала.

Прошло совсем немного времени и подростки ребята, в 12–13 лет на летние каникулы устраивались на взрослую работу.

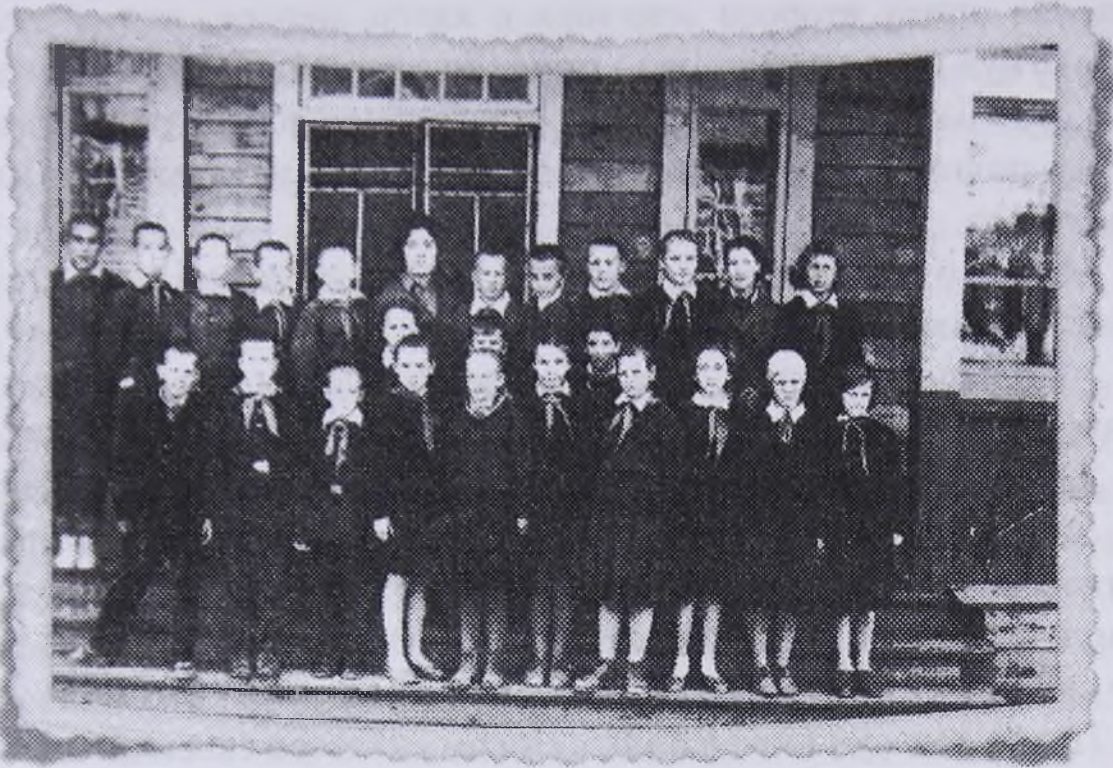
Это либо “рассыльным” (мальчик на побегушках при начальнике лесопункта) – в его обязанности входило вызывать на работу людей в экстренных случаях, разносить всякого рода указания и распоряжения руководства по домам нужным специалистам, так как телефонная связь через коммутатор была ограничена. Можно было поработать и телефонистом на коммутаторе, слесарем на нижнем складе, “на дорожке” – ремонтировать УЖД. Работали, правда, согласно законодательству. Тем, кому было 12–13 лет – 4 часа, 14–15 – 6 часов в день.

Помню, получил первую зарплату: что-то около 60 рублей. С какой радостью я нес ее домой. Казалось, что весь “Двадцатый” смотрит и гордится мною – как же, “добытчик” в семье. Дома не знал, куда их девать. Предложил маме, а та в ответ: “Ты же их заработал, куда хочешь туда и девай”. В конце концов, мы собрались за столом на кухне, долго думали с родителями, на что потратить мою первую зарплату, решили: купить мне лыжный костюм и китайские кеды (это был шик моды в начале шестидесятых). Пять рублей я истратил на угощение своих собратьев по компании: накупил пастилы, халвы и пряников. В лесу развели костер, кипятили чай и “пировали со сладостями”. Было мне тогда 13 лет.

ШКОЛА

С особым чувством хочу рассказать о нашей знаменитой, вначале четырехлетней, затем семи – и восьмилетней, школе. Надо сказать, что было два здания школы: в одной (“старой”, – так мы ее называли между собой) учились дети с 1 по 4-ый классы. В другой – (“новой”, которая была построена много позже первой) с 5 по 8-ой классы.

Первые мои воспоминания о ней были связаны с тем, что я еще дошкольник приходил в класс, где учились братья, которые упрашивали учительницу оставить меня на занятиях. Она, конечно, соглашалась и я, забравшись на свободную парту, тоже “учился”. Вернее учительница давала мне бумагу, карандаш и в свободном творческом порыве на листе бумаги появлялись какие-то каракули, рисунки, просто абстрактные линии и, вообще, черт те что. Но главное было то, что мальчик творил как ему хотелось.

Потом раздавался звонок на перемену. Наблюдать, как отдыхают «взрослые» ученики – одно удовольствие. В основном, это были различные игры. В – первых, “чехарда”. Суть ее заключалась в следующем: один человек становился на четвереньки, следующий с разбегу прыгал ему на спину. Затем третий, четвертый и до тех пор, пока очередной прыгун не сваливался с этой живой кучи тел. Тогда он становился в известную уже позу, и все повторялось сначала. Игрище пользовалось успехом.

Ребята постарше уходили на улицу “подымить”. Некоторые играли в “пристенок”: это когда монеткой били о стенку, второй игрок должен был так же ударить монеткой о стену, но так чтобы она упала рядом с первой не более чем на расстояние вытянутых пальцев: большого и мизинца на руке. В этом случае монета партнера переходила сопернику. Еще была игра, которая называлась по разному, но суть была одна: человек левой рукой прикрывал свои ухо и правый глаз, другую ладонью кверху клал подмышку и становился спиной к играющим. Кто-то ударял по ладони своей рукой и, когда ведущий оборачивался, чтобы угадать, кто ему приложился, все поднимали большой палец руки, показывая, что ударил именно он. Если “галящий” угадывал, то менялся местом с этим человеком, если нет – опять получал оплеуху.

А вот 1 сентября я, первоклассник, в школу не ходил – за-

болел. Но придя второго сентября в класс, первое, что сделал – перепрыгнул через парту. Дело приняло серьезный оборот. Оказывается, это было страшное нарушение ученической дисциплины. Об этом долго со мной беседовала моя первая учительница Нина Арсентьевна.

Может быть, именно тогда я научился, опустив голову, тупо бубнить под нос:

– Больше не буду, – не придавая значения произнесенным словам, не понимая, что плохого сделал, и почему меня ругают.

За восемь лет учебы обещаний по различным проступкам было несметное количество. Я их давал и директору школы, и участковому инспектору милиции, и матери, кому угодно. Но уличную или школьную жизнь поселкового паренька это не меняло. Там были свои законы и правила.

Похвалюсь, учился неплохо. Восемь классов закончил на “хорошо” и “отлично”. Но и тут умудрился отличиться. Дело в том, что я пел и, говорят, хорошо. Но пришла новая учительница в восьмом классе. Что-то ей не понравилось, и она выгнала меня с урока, поставив в журнале жирную “двойку”. Вскоре уволилась, и уроков по пению у нас больше не было. А поскольку “два” была единственной оценкой, то соответственно в свидетельство о восьмилетнем образовании записали “удовлетворительно”.

Очень волнительный день был, когда принимали в октябрюта. Тогда еще не было специальных магазинных значков: звездочки с изображением мальчика с кудрявой головой. Поэтому мама вырезала из картона пятиконечную звезду и обтянула ее красным материалом. Я так гордился звездочкой. В школу пришел, пришив ее на гимнастерку. Но принимавшая ребят в октябрюта пионервожатая, (фамилию уже и не помню – проработала у нас недолго) увидев меня, сказала:

– Кулачат не принимаем, – и сорвала звездочку...

Горе было неподъемное. Никак не мог понять: почему? Дома родители тоже ничего не объяснили, сказали “потом поймешь”. Так продолжалось неделю или две. Затем на урок в класс пришла директор школы, вызвала меня к доске и вручила звездочку октябренка. Вот такая грустная история.

Позже приняли в пионеры. В комсомол я уже сам вступать не стал (к этому времени уже кое-что понимал в нашей жизни) да

еще сагитировал свой 8 “б” поддержать меня. Так что из нашего класса вступило всего три-четыре человека. Реакции со стороны заинтересованных органов не было, видимо, потому что вскоре мы окончили школу и разъехались. Только пять лет спустя перед уходом в армию мне все-таки выписали комсомольский билет, который, кстати, хранится у меня до сих пор: оставлен на память при вступлении в КПСС...

Вообще, наша школа была уникальна в своем роде. Ведь это был классический образец школ 50–60-х годов: только учеба, согласованные школьные мероприятия, одна спортивная (лыжная) секция и никакой инициативы. Возможно, следствием того, что педагогический костяк составляли люди, приехавшие сюда по воле советской власти, то есть, принудительно. Они пережили войну, репрессии и вели себя соответственно. Помню, кто-то принес в класс, запрещенный тогда сборник стихов Сергея Есенина. Боже, как мы зачитывались. Особенно,

*“...ты сама под ласками
сбросишь шелк фаты,
унесу я пьяную
до утра в кусты...”*

– Сплошная аморальщина, – заявила на педсовете тогдашняя учительница русского языка и литературы – человек, который жил во времена Есенина.

В результате книга была безжалостно изъята. По всем старшим классам прошли пионерские и комсомольские собрания, осуждающие кулацкого поэта –пьяницу.

Был еще один контингент учителей: девчонки, только что закончившие Серовское или Тагильское педагогические училища. Им 18–19-летним главное было отработать положенные 2–3 года после распределения, и, если удастся, по возможности выйти замуж. Мне кажется, что за ними следили так же, как за нами: как бы чего не натворили.

В заключение, несколько слов о наших учителях. Ведь какие бы они не были – хорошие, плохие, добрые, злые, равнодушные с нашей точки зрения – это наши наставники.

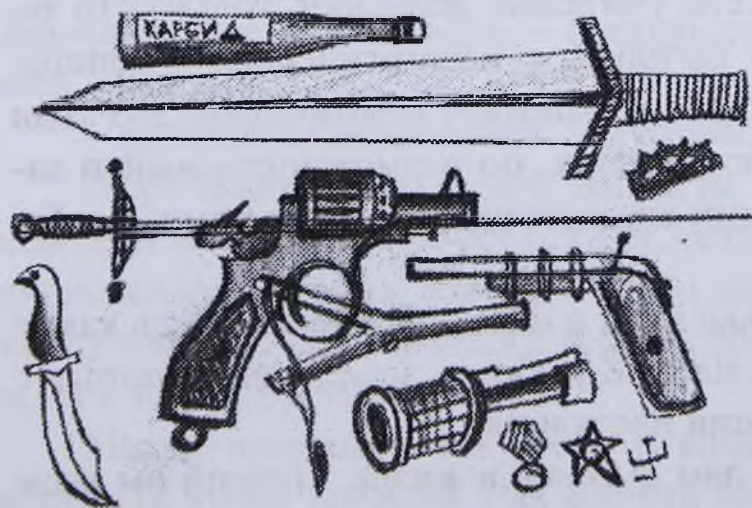
Именно учителя дали нам путевку в жизнь. Низкий им всем

поклон за любовь к нам, ученикам, за то, что заложили в нас то - доброе, хорошее, что мы, дети, “Двадцатого” пронесли через свою жизнь. Это бессменный завуч школы Мария Павловна Томилова. Василий Васильевич Калеганов по прозвищу “Вась-Вась”. Федор Анатольевич – учитель рисования – “Федор Большое Ухо” – на фронте был контужен и плохо слышал. Алевтина Федоровна Дружинина – директор школы “Альфа». Тамара Васильевна – математик “Швабра”. И, наконец, мой классный руководитель, удивительной души человек – Нина Александровна Рожко. Она научила меня понимать и любить русскую литературу, дала первые правдивые представления о великих поэтах и писателях, помогла разобраться в азах классической музыки и т.д.

Судьба ее была трагична – после нашего выпуска Нину Александровну уволили из школы за “непедагогические методы” воспитания детей. Это несанкционированные сборища нашего класса у нее на квартире, где пекли печенье “хворост” и она читала нам Блока, Есенина, Ахматову. Это и походы с ночевкой на реку Сосьва (ужас! – мальчики и девочки спали в одной палатке), и свободололюбивые высказывания на педсоветах.

НАШИ ИГРЫ

Но, несмотря на школьное воспитание, мы были все-таки вольнолюбивые дети, то есть, делали, как предписывали негласные законы улицы и поселкового мальчишеского братства. Курить пробовали лет в 6–7, пить брагу (на более цивилизные напитки просто не было денег) лет с 9–10. Благо ее готовили почти все жители

поселка. В карты умели играть еще до поступления в первый класс. Матерились, пели похабные частушки. В общем, было две жизни: одна школьная – чинная, порядочная и другая – настоящая, по правилам которой вступали в самостоятельную

жизнь.

Поэтому рассказывая о школе, о ее месте в нашей жизни, никак нельзя обойти Улицу. Именно с большой буквы, так как она, в основном, жила как раз “по-настоящему”, и учила нас жить так же: жестоко, честно, по понятиям, со своим кодексом чести.

Я уже говорил в начале своего повествования, что поселок делился на три основных группы: “лесозаводские”, “центральные” и “зареченские”. По тому же принципу делились и наши ребячьи компании. Причем, возраст и пол здесь играл не главную роль.

“Лесозаводские”, как правило, свои игры проводили в своем районе или на отвалах опилок – отходов от лесопиления, горы которых были недалеко от лесозавода. Причем и за ягодами, грибами, кедровыми орехами они ходили в “свою сторону”, то есть от окраины их бараков и домов в лес.

У нас “центральных” была своя сторона – район кладбища и вдоль железной дороги на Ивановск. “Зареченские” же – соответственно, вдоль УЖД (узкоколейной железной дороги), по которой вывозили хлысты для разделки на сортименты на нижнем складе и лесозаводе.

Главной, нескончаемой игрой была в “наших и не наших”, в “войну” и “шпионов”. Правил как таковых не было. Просто наши команды сходились периодически в рукопашных схватках. Этому, конечно, предшествовала тщательная военная подготовка: изготавливались деревянные мечи, гранаты, конструировался даже пулемет, изучалась азбука Морзе. Придумывались различные пароли для своей ватаги, которые даже под страхом быть “отколоченным” противником, получив “бланш” под глаз или разбив нос до крови, не должен сообщать “врагу”. Ну, а если это все же происходило, то ты становился вечным предателем и изгоем.

О месте боя договаривались заранее. Чаще всего это были отвалы опилок. С годами они слеживались так, что покрывались коркой толщиной в несколько сантиметров, что позволяло бегать по ним, не опасаясь провалиться. Кстати, основной “пыткой” для выбивания пароля было следующее: в опиле выкапывалась яма, и туда помещали “врага”, засыпая его по плечи. А несколько лет, пролежавший в куче, опил, имел свойство нагреваться до температуры 60–70 градусов. Так что человек, помещенный в него, долго не вы-

держивал. Бывало, пацанов с ожогами приводили домой...

Еще мы строили свои “штабы”. Где-нибудь в лесу вырывалась землянка, маскировалась. В ней мы проводили много времени: рассказывали всякие истории, играли в карты, опробовали различное оружие: поджиги, «чакалки», самодельные гранаты, обрезы от ружей, винтовок, бог знает, откуда взявшихся.

Как-то принесли обрез охотничьего ружья: сначала стреляли из патронов, затем кто-то догадался снять ствол и попробовать поставить на боек капсюль “жевелю” – при нажатии на курок его разрывало на кусочки, а звук выстрела был слабый (чтобы не слышали чужие). Витька Юркевич как обычно поставил капсюль (была его очередь стрелять) и спустил курок. Один кусочек капсюля попал ему в глаз. Витьку отвели в больницу, строго-настрого наказав ему ни в коем случае не сознаваться, где получил травму. Глаз удалось спасти, а вот обрез до сих пор покоится в болоте у речки Куликовская, разобранный на запчасти.

“Война” для меня закончилась, как ни странно, тоже ранением. В то время у нас была мода на ношение воинской формы. Мне нравилось звание “гвардии капитан”, хотя я плохо разбирался в них.

Теперь представьте. На черной шинели, которая была выдана старшему брату в ремесленном училище, были пришиты с помощью мамы голубые погоны с четырьмя звездочками. В зеленой пограничной фуражке и двумя орденами “Материнской славы” первой и второй степени на гимнастерке (ордена я попросил у мамы) – так я выглядел, когда последний раз пришел в штаб.

Кто-то притащил пачку дымного пороха и, заряжая поджиг, просыпал его на пеньке. Кто подожжет?! Риторический вопрос. Ведь я “гвардии капитан” да еще с орденами. Кто кроме меня! Чиркнул спичкой. Очнулся, рядом с пеньком, с сильной болью на лице. Вокруг меня копошились ребята, пытаюсь помочь. Глаза ничего не видели, все лицо было черным (порох-то был дымным). Кое-как в луже его протерли водой, сразу же местами стала слезить кожа. Вот в таком виде: “гвардии капитана”, “орденоносца” привели в поселковую больницу.

Санитарка, моя родная тетя, раздевая, любопытствовала:

– Чей же ты мальчик? – я пальцами раздвинул опухшие веки, увидев тетю Клаву, ответил:

– Ты что, тетя Клава, не узнаешь чо ли? Та упала в обморок.

По “Двадцатому” уже гуляли слухи: “Борьке Карташову глаза выбило, видимо, что-то взорвалось или из поджига...”.

“Гвардии капитана”, положив на больничную койку, убедившись, что видеть будет, обмазали толстым слоем вонючей мази и сверху покрыли лицо и руки марлей: на руках были ожоги первой степени, а вот лицо – второй и местами третьей. Все было в пузырях.

Как-то незаметно у кровати оказались все братья и сестры во главе с мамой. Чувствуя их, я сказал:

– Все нормально мам, я вижу.

В ответ услышал только вздох:

– Хорошо, сынок, – и погладила по голове.

Что творилось в душе матери, одному Богу известно. Ведь совсем недавно Славка (один из старших братьев) стрелял из поджига: ему почти оторвало большой палец на правой руке. В Серове врачи спасли парню руку, вовремя пришив палец. А еще до этого, двойняшки (тоже старшие братья Колька и Вовка) испытывали самодельный автомат, только чудо спасло их. Автомат разорвало на куски. В соседнем лесопункте, Ваньке Ухнылеву оторвало кисть руки: пытался взорвать капсюль с бикфордовым шнуром. С помощью них взрывают пеньки в лесу “осмол” называется. Из него делают канифоль, скипидар.

Мама осталась со мной ночевать, беспрестанно меняя марлевые повязки, давая лекарство и воду. К утру я заснул...

Две недели провел на больничной койке. За это время пузыри полопались, выросла новая кожа, отросли брови и ресницы. В общем, пронесло на этот раз. Больше я в войну не играл. Правда, до сих пор, при сильном морозе правая щека краснеет пятном и немеет.

Но жизнь продолжалась. Мы становились взрослее. Увлечения менялись. Уже компании без девчонок не мыслились. Мы учились “дружить” с ними, писали записки, при встрече вздыхали. И что интересно, у нас и мыслей не было, как сейчас говорят, о сексе. Вернее, конечно, были, но где-то там, далеко-далеко, что даже себе признаться боялись. Первый поцелуй – это предел храбрости и доказательства любви. Все было целомудренно. И этому тоже воспитала Улица.

КАК ОТДЫХАЛ «ИНТЕРНАЦИОНАЛ»

Хочется немного рассказать как на “Двадцатом” не только работали, но и отдыхали по большим праздникам. Это 1-е Мая, Пасха, 7-е ноября. Кстати, а вот Новый год – семейный праздник – каждый отмечал в своем доме, но затем после его встречи все сходились в клубе, где веселье длилось до утра.

Итак, красный день календаря... В начале компании собирались в барачных комнатах, домах. Затем весь барак перебирался к кому-то одному, а из дома – в другой. В результате вся улица оказывалась в одном месте. Брага и самогон лились рекой. Закуска была самой распространенной: квашеная капуста, соленые огурцы, грибы, жареная или вареная картошка. Кто побогаче – выставял отварное мясо или котлеты, холодец.

Ближе к вечеру в разных концах поселка раздавались крики, шум, мат, женский визг. Из какого-то дома или барака вываливалась пьяная толпа, где обязательно был некто, у кого до пупа разорвана рубаха или майка, лицо в крови. Толпа уже плохо помнила, кто, кому и за что въехал в рожу. Однако, в финале битыми оказывались, как правило, жены.

Одна из таких, по имени Мальвина, постоянно пряталась от пьяного мужа у нас в подполье. Прибегала независимо от времени года в одной комбинации и сразу же прыгала под крышку подвала.

Проходило часа два-три, за ней никто не приходил. Тогда просила мать пойти посмотреть как там “ее мужик” себя чувствует. Тот как всегда спал и женщина тихонько возвращалась домой.

Всю следующую неделю “Двадцатый” гудел от слухов – кто как погулял, хорошо ли угощал, не разбавлял ли самогонку водой, и не настаивал ли брагу на табаке или курином помете. Синяки, шишки, ссадины в счет не шли. В основном “разбор полетов” женщины проводили в магазине, а мужики за игрой в домино или карты.

Надо сказать, что активным отдыхом на “Двадцатом” считались отнюдь не рыбалка и охота, сбор ягод и грибов – это была необходимость, чтобы не голодать. А волейбол, футбол, русская лапта, игры в домино и карты на деньги (играли как взрослые так и их дети, порой даже за одним столом и ничего особенного в этом не было).

Вечером, обычно перед сеансом кинофильма старые мужики (с моей точки зрения, которым было за 30 лет) азартно «резались» в волейбол, благосклонно позволяя нам, пацанам, подбирать мяч за пределами площадки и отдавать в игру, которая зачастую заканчивалась мордобоем между игроками, выясняя, таким образом, кто победитель. Рядом был помост со штангой, на котором тренировались ребята старшего возраста. Я редко подходил к нему, потому что больше 60 кг поднять не мог. Хотя одной рукой поднимал 50 кг. До сих пор не могу понять, почему так получалось.

Все это заканчивалось, когда начинался кинофильм. Мне повезло, я видел “Красных дьяволят” и “Смелый, как тигр” – немое кино. Пускали бесплатно, так как в мои обязанности входило крутить «динамо». Не знаю, что это такое, но надо было за кривую ручку крутить колесо, которое стояло позади киноаппарата, равномерно и непрерывно.

Билеты, как ни странно, на вечерние (взрослые) фильмы продавались с указанием мест. Взрослые приходили чинно, опрятные, только почему-то в сапогах, а женщины с накрашенными губами. Мода что ли была такая?

На дневные дети садились, как попало, даже умудрялись (опять же, чтоб бесплатно) за несколько часов проникать в кинозал под подиум. Затем, когда начинался фильм, вылезали за экраном-

полотном и смотрели там сидя на полу. Одно неудобство, титры приходилось читать задом наперед.

На “Двадцатом” нормальных улиц было три, остальные – переулки. Это было заметно зимой: чистили только эти улицы, на переулках были набиты тропы к домам. Названий улиц тоже не было. Помню, когда учился уже в техникуме, руководитель дипломного проекта решил написать письмо моим родителям: пригласил их на защиту диплома. Долго выпрашивал адрес: название улицы и номер дома. Пришлось соврать, указав улицу Победы, дом 3. Спросите почему? А черт его знает. Может быть потому, что любимая моя игра и моих сверстников была “в войну”.

Правда, мы не делились на немцев и наших. Это было невозможно, потому что в поселке жил полный интернационал. Вот некоторые фамилии друзей моего детства: Мюллер, Клепфер, Бимлер, Кочинский, Кунайка, Пепа, Королевский, Чабан, Шурхай, Ходос, Руселик, Бровцев, Карташов, Петухов, Намавичус, Ефименко, Мубаракшин, Ханин, Вишницкий и т.д. Какое уж тут деление по национальностям.

Хотя запросто могли друг друга обозвать “немчурой”, “бандерой”, “жидярой”. Однако больше общались по кличкам. Их носили все мои сверстники и сверстницы. Причем, иногда кличка была абсолютно не совместима ни с фамилией, ни с именем, ни с привычками. Они были сочные, колоритные: “Колода”, “Обцуги”, “Зюта”, “Кашей”, “Баба рисовая”, “Бурундук-говешка”, “Кулема”, “Лютеранка”. “Читатель”, “Хрен с редькой” (братья). И не было никаких обид. Так было положено.

АВАНС ПЛЮС ПОЛУЧКА

Однако, продолжу об особенностях жизни «Двадцатого». Если кинофильмы, как правило, привозили на субботу и воскресенье (это было большое событие и для мужиков, и для женщин, и для детей), то день получения зарплаты – особый женский день. Дело в том, что деньги в кассе лесопункта получали жены, матери, сестры, так как мужики все были на работе, да и считалось, что это не мужское дело – стоять в очереди за заработной платой. Жен-

щины же подгадывали так, чтобы в этот день у них был выходной либо работа в ночную смену.

Очередь бабы занимали в конторе с утра. Хотя все знали – деньги привезут только к вечеру. Стояние в ней это своего рода «общее женское собрание» поселка. В клубе не очень-то поговоришь, в магазине тоже. Здесь же практически общение было несколько часов в тесном коридоре конторы. Разговоры велись обо всем, кроме политики; это было табу, и все об этом знали. Делали вид, что ее просто нет. «Перемывали кости» жене нового технорука, приезжих медичек и учительок. Защищали своих отпрысков, то бишь, нас – «мой-то Боря в школе хорошо себя ведет да и учится прилично»...

Так-то оно так, только мать не знала, что я в это время уже неделю не ходил в школу, а в заброшенном сарае играл в «буру» на деньги с пятью такими же, как я, «хорошими мальчиками». Домой приходил четко после окончания уроков: подждал свой класс у дверей школы, чтобы списать домашние задания по предметам. Вечерами корпел над учебниками так, что мать иногда жалела: «Да хватит себе голову забивать – свихнешься еще».

Это продолжалось до тех пор, пока моя «классная» не пришла к нам домой поинтересоваться, почему я так долго болею (я ей наврал об этом)... Кончилось все жутким скандалом и очередным, тысячу первым обещанием, что больше это не повториться.

Между тем такие инциденты повторялись с завидной постоянностью, только в разных вариациях: то взрывпакет в туалете взорвем, где в то время находилась школьная техничка тетя Дуся, то дымовую шашку подожжем в коридоре школы и с криками «Пожар! Горим!» создавали панику, то... впрочем, об этом чуть позже.

Итак, разговоры женщин, их «общее собрание» в день получения длилось долго. Но чем ближе наступал момент, когда кассир открывала окошечко и громко говорила: «Только не толкайтесь, по очереди...», тем беспокойнее становились женщины. Наконец все взрывалось. (Мы, пацаны, всегда ждали именно этого). Оказывалось, что «Катка очередь не занимала», «Дуська пришла, вишь-ты, показала и весь день больше не появлялась, а сейчас претендует на очередь». «А ведь Верка точно сказала, что она деньги завтра придет получать». Крики, шум, визг, наконец, кто-то вцеплялся в волосы соседке, припоминая ей кокетливые взгляды на «моего му-

жика», и козла, которого она специально пускает к ней в огород. В ответ были встречные обвинения. Круг воюющих увеличивался. Очередь перепутывалась. Ну, а самые хитрые успевали в это время, как у нас говорили, «отовариться».

Вообще, женские скандалы по эмоциям, жестокости, накалу страстей намного отличаются от мужских. В них нет и тени благородства, чувства достоинства, нравственности. Мне кажется, что в этих драках – скандалах женщины делали своеобразный энергетический выброс накопившихся отрицательных эмоций. Это и тяжелая физическая работа, и постоянная забота о хлебе насущном – как поделить мизерную зарплату на целый месяц, умудриться при этом, отложить на сапоги сыну, дочери на платье, да и себе из одежды тоже что-то прикупить. А тут этот «алкаш» (муж) пропил почти десятку и взял в долг пятерку, и больная мать, которую всегда нет времени навестить...

Однако, к восьми вечера «показательные выступления» заканчивались, потому что единственный смешанный (продовольственно-промтоварный) магазин закрывался в 22 часа, и надо было успеть сделать покупки «с полочки».

У нас в доме это происходило так: все садились за большой обеденный стол. Мама доставала пачку денег и начинала раскладывать по кучкам. Она делила деньги, по только ей, понятным критериям. Отец в это время демонстративно уходил на скотный двор – дать коровам сена, убрать навоз и т.д. Нас же интересовала всегда последняя кучка: именно она предназначалась на сладости. Как только мама отдавала ее старшим братьям, тут же всегда возникал спор – что купить? Сходились на сладостях. Как правило, это были помадки: «Школьные», «Коровка», «Премьера», сгущенном разливном молоке и каких-нибудь восточных сладостях. В магазин шли все вместе. Затем наступал праздник...

А в конторе, у кассы можно было наутро обнаружить клочки волос, оторванные пуговицы, разорванный на лоскуты платок, каблук от женской туфли. Все это говорило, что «общее собрание женщин» удалось.

МОЯ СЕМЬЯ

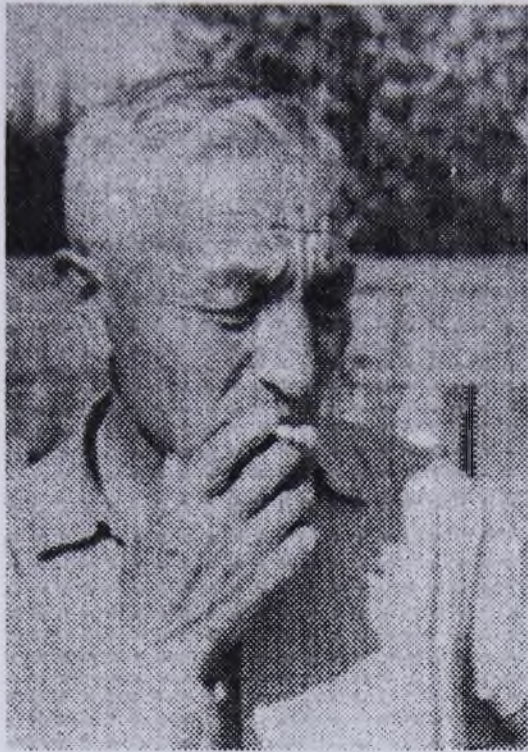
Родители... мама – Мария Дмитриевна – вечно озабоченная семейными проблемами, болезнями, полученными на лесозаготовках. – Отец Пантелей Федотович – которого я видел только по воскресеньям, потому что в обычные дни недели он уходил на работу, когда я еще спал и возвращался когда я уже спал. Плюс свое подсобное хозяйство: козы, корова, дрова, да мало ли в доме работы. Только изредка видел его вечером, читающим на кухне “Роман-газету”, журнал очень популярный в то время и любимый им.

Впрочем, всем большим семейством – воспитанием, контролем за учебной, поведением детей руководила мама. Но делала она это очень умно: от имени отца. Например, говорила: “Папка просил передать тебе (мне), чтобы сложил дрова в сарай и наносил воды в кадки”. Конечно, это тут же выполнялось. Таким образом, мама поддерживала авторитет отца, который и понятия не имел об этих просьбах. Мудрая женщина, она сумела создать в семье атмосферу доброты, взаимопонимания и взаимовыручки.

На улице, в школе мы (ее дети) могли быть в разных компаниях, с разными интересами и делами, но дома это была монолитная Семья, где каждый был готов защищать своего брата, сестру даже в тех случаях, когда они были не правы. Это сохранилось и до сих пор – если член семьи в беде – помогут. В этом основная заслуга мамы.

Надо особо отметить, что нас никогда не наказывали физически, т.е. не били. Самое крепкое ругательство у папки было “итти твою мать”. Пьяного я его видел всего один раз: тогда по приказу Хрущева урезали огороды, ради которого мы осушили болота, ре-

зали скот и сдавали мясо государству в счет немислимых и не понятных налогов. Вот отец и напился... Хотя дома всегда было спиртное в праздники, выходные он за обедом выпивал пару рюмок граммов по 30 водочки. Но чистую не любил, обязательно настаивал ее на каких-нибудь ягодах.

Последние двадцать лет он работал пилотчем: точил цепи к бензопилам, циркуляркам, нарезал полотна для “лучковой” и поперечной пил, делал топорщица, клепал разорванные цепи. Как следствие от наждачной пыли получил тяжелейшую водяную

экзему, от которой страдал до своей кончины. На “Двадцатом” его уважали все слои населения. К Пантелею Федотовичу ходили за советом, приглашали быть мировым судьей в каком-то споре, просто поговорить. Он был одинаково ровен в отношениях и с зеком, и с семейным мужиком, и с подростком. Если что-то обещал – знали, обязательно исполнит.

Построил дом практически в одиночку: помогали только мы – дети. Три комнаты, кухня, прихожая, веранда, большой ухоженный двор – это все заслуга отца.

До самой смерти он практически никому не рассказывал о той “старой” жизни до раскулачивания. Даже когда его по доносу забрали в НКВД и увезли в Нижний Тагил, продержали там три месяца и почему-то выпустили??? Всем говорил, что ездил в командировку. Слово “кулак” не любил, при случае рассказывал, как он в 30-х годах служил в “трудармии”... На самом деле это означало то же самое, что “спецпереселенец”.

Считался охотником-любителем (имел все охотничьи припиндалы, начиная с ружья), но за все годы не убил, ни одного зверька или птицу. В лес ходил, как говаривал, пообщаться с природой.

Мама же хорошо пела, играла на музыкальных инструмен-

тах, неплохо на семиструнной гитаре. Старинные романсы в ее исполнении всегда вызывали шквал оваций на семейных торжествах. Особенно, “Черная роза – эмблема печали...”, “То не ветер ветку клонит...”.

Длинными, зимними вечерами рассказывала нам сказки, всякие истории. Помню одну “Про маму и двоих ее детей»: мама заболела и просила их подать ей кружку воды. Дети расшалились и не слушали ее. Тогда она превратилась в птичку и улетела...”

Со слезами на глазах кинулся к матери со стаканом воды: – Только не улетай мамочка, – всхлипывал я, принимая сказку как укор невнимания к ней.

Часто заставляла нас читать какую-нибудь книжку вслух. Первые стихи тоже декламировала мне она.

*У меня ль плечо шире дедова,
Грудь высокая – моей матушки.
На лице моем кровь отцовская,
В молоке зажгла зорю красную.
Кудри черные лежат скобкою,
Что работаю – все мне спорится!..*

Позже я основательно познакомился с творчеством поэта 19 века Алексея Кольцова. Но эти строчки запомнил лет в пять. Будучи взрослым, приезжая в отчий дом, любил положить ей голову на колени и рассказывать о своем житье – бытье. Она ничего не советовала, кивая в такт моим словам головой, что-то думая про себя.

Похоронены мама и папка рядом в одной оградке. Как просила мама, рядом с могилкой посадили рябину. Сейчас она уже дает плодоносит, разрослась... И осталось нас восемь сирот: четыре сестры и четыре брата.

Валентина – сейчас ей уже за 70 лет. Она помнит, как арестовывали в 37-ом бабушку. Сестре досталось трудное детство, хотя, наверное, время было такое. Закончила семь классов, курсы бухгалтеров и до пенсии проработала на этой должности.

Но основная ее профессия – жена. Дело в том, что замужем

она за руководящим работником, что в корне меняло устои семейной жизни. Это и частые командировки, и появление домой под утро нередко “подшофе”, и частые гости в квартире непонятно откуда и кто такие, и многое другое, что в обычных семьях вызывает скандал, а то и развод. А они вот уже 50 лет вместе. И чем старше становятся, тем, мне кажется, любят друг друга все больше. Может, конечно, возраст сказывается.

Еще одна отличительная черта старшей сестры – доброта и щедрость. Пока были силы, и возможность помогала всем нам. Сейчас “луч света” – это ее внук и правнучка. Вот так и живет.

Лидия на год моложе старшей сестры. Рано вышла замуж (17 лет), как всем казалось, за хорошего парня: высокий, стройный, красивый плюс мастеровой – все делать умел. Однако российская беда – водка, не обошла ее семью. К 35 годам стала вдовой, муж “сгорел” от пьянства. Осталось двое детей – надо жить дальше. Вроде бы судьба улыбнулась ей опять: вышла второй раз замуж. Человек попался хороший, родили девочку, но диагноз “рак” разрушил семью: в 54 года она опять стала вдовой. Сейчас все дети живут хорошо, но отдельно. Лида тоскует, гадает на картах... Очень рада когда к ней приезжают гости – наговориться не может, видать сказывается одиночество.

Алевтина родилась в страшном 37-ом году. О детстве не любит вспоминать, хотя одно светлое пятно в нем есть. С будущим мужем познакомилась... в три года. Его родители тоже были раскулачены и сосланы из Курганской области в наше таежное захолустье. Закончила десятилетку в Серове (в поселке тогда была четырехлетка). По тем временам это было исключение из правил. Затем Нижнетагильское педагогическое училище.

Подавала надежды..., но жизнь распорядилась по-своему. Полностью посвятила себя мужу, двум сыновьям. Дома всегда уют, умиротворение, согласие и любовь. В этом видит свое счастье. Сейчас осталась вдвоем с мужем. “Они живут долго и счастливо, и умрут в один день...”

Старшие братья Владимир и Николай – двойняшки. Абсолютно разные, как по характеру, так и внешне. Первый – невысокого роста, характер напористый, второй – статный, профиль лица греческий (видимо сказались гены предков), спокойный и рассудительный. Оба в 14 лет пошли работать на строительство УЖД (дорожку).

...Зима, мороз градусов 30. В пять утра мама будит их на работу: “Вставайте дети, пора...”, а у самой слезы на глазах. Возвращались из леса в 6 вечера. Я всегда ждал их прихода: приносили замороженный хлеб, говорили, что “зайчик тебе послал”. Вкуснее его я не кушал до сих пор.

Через год Вовка поступил в Талицкий лесотехнический техникум, а Колька в ремесленное училище в Серове. С тех пор дороги братьев разошлись.

Володя, закончив техникум, ушел в армию, откуда поступил во Львовское высшее военно-политическое училище на факультет журналистики. После его окончания был распределен в Хабаровск – окружную пограничную газету, где прослужил до выхода на пенсию. Сейчас пишет мемуары о своей армейской жизни.

Николай остался в леспромхозе. Работал шофером, мастером нижнего склада, техноруком нижнего склада, в последние годы – директором филиала училища, в котором когда-то сам учился. До пенсии не дожил восемь месяцев: инфаркт – болезнь века – забрала

его в мир иной.

Вячеслав (Славка) – тоже закончил Талицкий лесотехникум (кстати, я учился там же). Служил на Сахалине, остался на сверхсрочную. Затем по семейным обстоятельствам перевелся в Киргизию (тогда еще союзную республику), где и живет до сих пор. Так получилось, что родной брат за границей, и даже российского гражданства не имеет: иностранец. Вот такие издержки “дермократии”.

Галина – младшая из сестер. Мое детство переплелось с ее (всего на два года старше). Закончила десятилетку, культурно-просветительное училище. Много лет работала в библиотеке им. Белинского в Екатеринбурге. Стала горожанкой. Однако, она центр всех наших родственных встреч. Сейчас, когда письма не в моде, с ней по телефону общаются из Хабаровска, Киргизии, Серова, Верхнего Уфалея, Советского... Благодаря ей мы не растеряли сегодня себя и друг друга.

Последним в нашей семье родился я (поскребыш). Маме было уже 41 год, отцу 46. Может быть, поэтому всегда был любим, балован, ко мне относились снисходительно. Эту любовь и я пронес к своим братьям и сестрам до сих пор...

Вот и закончилось мое повествование о 220-ом квартале, его людях, быте, работе, учебе, отдыхе и моей семье. Будто заново прожил то трудное, но по-своему счастливое время. Жизнь «Двадцатого», его обычаи и привычки считались тогда чем-то обыденным, частью собственной судьбы. Хорошая она или плохая не берусь судить, но и другой мне не надо. Я любил свой «Двадцатый». В моей памяти он останется добрым, светлым. Это часть моей жизни, это мое.

У каждого человека есть воспоминания о своем детстве, рассказы родителей о прошлой жизни. С годами память все ярче и ярче высвечивает те моменты, которые, так или иначе, составляли часть твоей жизни. Это и люди окружающие вокруг, веселые, смешные и трагические случаи с односельчанами. Вот такие истории, происходящие в нашем поселке, в те далекие годы я попытался изложить на бумаге. Назвал их:

«БЛИКИ ПАМЯТИ».

СВАДЬБА

Отец женился на матери в 1933 году. По всей стране был голод. Голодали и раскулаченные, к коим причислялись мои родители. Мать, чтобы не умереть с голоду, продавала свои вещи, так что на момент официального предложения отца сочетаться законным браком имела только ватные штаны и фуфайку. Отец сделал ей царский подарок. Он выпросил у знакомой домотканую нижнюю рубашку, которая в умелых руках невесты приобрела вид платья.

Свадебный обед был богатым: бутылка технического спирта, шесть сушеных вобл, полбуханки хлеба и брусничный чай. Ела, в основном, мама, а спиртом отец угостил соседей из барака. Они прожили пятьдесят лет, вырастили восемь детей. Когда мама умерла, отец положил ей в гроб икону святого Пантелеймона.

ПРО КОМЕНДАНТА

Комендатурой, за которой числились мои родители, командовал человек по фамилии Шальцман. Отец вспоминал: когда привезли раскулаченных с Украины – они приехали с вилами, граблями, косами. Но их послали заготавливать древесину. Делать этого они не умели. Пайку – хлеб, постное масло, крупу – выдавали только тем, кто выполнял норму. Шесть кубометров «кругляка» на человека. Конечно, украинцы не могли ее выполнить. Начали пухнуть с голоду. Сидит такой человек у костра, двигаться не может, а комендант командует: «Марш на работу!» Бедняга настолько слаб, что

даже глаза не открывает. Тогда комендант пнет его ногой – тот в костер... Много так людей померло.

ДОПРОС

Очень любил Шальцман красивых женщин. Понравится какая – добьется своего. А что не добиться, если за кусок хлеба могли человека убить. Знали об этом все на поселении. Однажды зашел разговор об этом в присутствии мамы. Та, с горечью плюнула:

- Вот кобель, на горе человеческом удовольствии имеет.

Кто – то донес коменданту. Он стал вызывать маму на допросы каждую ночь. Она брала с собой старших сестер и шла в комендатуру. Там изверг все пытался выяснить, кто это ее научил так говорить о нем. Так длились неделю. Наконец, мама не выдержала и заявила:

Делайте со мной что хотите, но я больше не приду, у меня маленькие дети.

Неизвестно почему, но с тех пор мучитель перестал вызывать на допрос. А через несколько лет его арестовали свои же и расстреляли.

А ТЫ КИРОВА УБИЛА

В 1935 году в поселок, где жили родители, пригнали много людей из Ленинграда, в связи с убийством Кирова. Одну женщину с девочкой поселили в комнату рядом с нашей. Встречаясь с мамой, она обязательно называла ее «кулачкой». Мама однажды не вытерпела, отпарировала:

- А ты Кирова убила!»

Женщина опешила, испуганно заозиралась и, вдруг, заплакала. Потом они помирились. В 1938 году ее вновь забрали в НКВД. А девочка стала жить в нашей семье. Правда, через два года об этом узнали и ее увезли в детский дом.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ

Кулаков выслали с родных мест с лишением гражданских прав. Когда были торжественные собрания по поводу красных дат Советской власти, председательствующий всегда говорил:

- Лишенных гражданских прав прошу покинуть зал.

Мать вставала и уходила. Следом шли мы, ее дети. Вслед шипели: «кулачье проклятое». Нам, ее детям было ее очень жалко. На собрания – то мы ее уговаривали пойти. Затем родителей восстановили в правах. Мы стали полноправными гражданами своей страны. Но мама перестала ходить на общественные торжества.

ВРАГ НАРОДА

Мамин родственник-дядя Леша – в ссылке сразу же попал на металлургический завод, где проработал до пенсии. Однако, в страшном 37-ом на некоторое время работу пришлось оставить. На него написали донос, что было обычным делом тогда. Вызвали в НКВД. Следователь предложил:

– Подписывай бумаги быстро. Ты, враг народа, должен сознаться, что украл два мешка пшеницы и поджег кузницу.

Дядя Леша заартачился: не делал, не совершал. Его сильно избили, бросили в карцер, где можно было только стоять, причем по щиколотку в ледяной воде. Сколько там пробыл, не помнил. Очнулся в камере, перед ним люди в военной форме и белых халатах. Слышит голос:

– Не жалец, крупозное воспаление легких. Дня три протянет.

– Ну и выбросите его на улицу, пусть там поддыхает,–

кто-то поддерживает разговор.

Как дядя Леша оказался на воле, как шел к племяннице (моей маме) на поселение не помнит. Мой отец нашел его в нескольких километрах от дома без сознания. Мама видимо чувствовала это, послала в это время в город передать посылочку дядьке в тюрьму.

Дядя Леша несколько месяцев выздоравливал. Мама говорила, что его спасло горячее молоко. На завод он вернулся. Никто не задавал ему никаких вопросов. Все и так было ясно.

«АННА КАРЕНИНА» В ПОРТФЕЛЕ

До четвертого класса Вовка учился плохо. Не потому, что не делал уроков или являлся отъявленным шалопаем, просто, как

говорят, был запущенным ребенком. До школы, кроме мячика и рогатки, других игрушек не было, азбуке и цифрам не учили, карандаша или кисточки для рисования в руках не держал. Обвинить в этом только родителей — было бы несправедливо. Семья большая, дети: мал, мала меньше. Мать целый день, как белка в колесе. Не до занятий с дошкольником, не до акварелей. Работник один — отец.

Таких слабых учеников в школе было большинство. К этому равнодушно относилась не только наша учительница, но директор школы. Не было ученика, который бы стремился учиться на «отлично», быть школьной гор-

достью. Наоборот. Многие ставили себе в заслугу плохое поведение и плохую учебу.

В отличие от сверстников, брат хотел быть отличником, но не получалось. Не хватало ни мозгов, ни усидчивости. А как желал лестных отзывов старших по поводу своей учебы! Даже фантазировал.

Как-то, укладывая перед школой учебники в сшитый из кирзы портфель, обратил внимание на несколько толстых книжек, появившихся в доме. Их старшая сестра принесла из библиотеки. Название одной из книг «Анна Каренина». Не раздумывая, записал книги вместе с учебниками. Портфель раздулся. Вовка вышел на улицу и медленно побрел к школе. Груз невероятно оттягивал руку, заставлял изгибаться, но он не сдавался. В голове пульсировала одна мысль: «Вот сейчас увидят меня взрослые, и непременно скажут, какой умный мальчик – толстые книги читает».

К его огорчению, никто из прохожих не обратил внимания, никаких лесных слов не сказал. В классе, на переменах, горе – ученик демонстративно вытаскивал толстые книги из портфеля, вертел их, затем укладывал на место. Ребята, учительница – ни малейшего внимания. Первые – в перерывах носились по школе, как угорелые, вторая – уходила сразу в учительскую после звонка. Один раз только Витька Ефименко устремил взор на одну из книг. Он выхватил «Анну Каренину» и ударил ею по голове соседа по парте за обидное слово.

Еще пару недель мальчик упорно носил толстые книги, испытывая физические нагрузки, но, ни один из взрослых или друзей не остановил его по дороге в школу: просто не замечали.

... Брат с облегчением вздохнул, когда сестра отнесла книги в поселковую библиотеку.

«...ВАЛЬКА ПРОВАЛИЛАСЬ»

Купили родители козу и козла. Пуховых. Мать всю семью снабжала свитерами, беретами, перчатками, носками. Вязала и на продажу. Так что парочка была очень кстати. Звали козу «Валька», а козла «Борька». Ну, так вот получилось: совпало с именем старшей

сестры и моим.

Умные были твари. Козел сам открывал ворота во двор: ставал на задние копыта и зубами тянул за веревочку, привязанную к щеколде. Та приподнималась, и он рогами толкал ворота. Коза же могла запросто взобраться на сеновал по лестнице и угощаться сеном.

Однажды вечером отец зашел в дом (давал скотине сено) и говорит:

– Там Валька в туалете в дырку провалилась. Закрывать дверь забываете что ли? Еле вытащил.

– Двумя ногами? – всплеснула руками мать.

Отец недоуменно поглядел на нее.

– Да нет, всеми четырьмя, это же коза. А ты что подумала? Мы покатались со смеху. Мама – то решила, что это дочь...

БОРЩ С СЮРПРИЗОМ

Мама себя плохо чувствовала, и надо же, что именно в это время на каникулы съехались Володя, Слава, я, а Коля из армии в отпуск приехал. Полон дом гостей, шум, гам, музыка. В общем, убедили ее пожить немного у старшей дочери Валентины.

Все домашние дела легли на плечи младшей – Галины. Это завтраки, обеды, ужины, мытье полов, грязной посуды. Конечно, мы помогали ей, но это было «капля в море».

Наступила суббота. В клубе танцы. Как всегда толпой приперлись туда. Домой возвращались каждый отдельно. Провожали девчонок, хохмили на улице. Я имел долгое разбирательство со своей подружкой. Причиной послужило мое игривое отношение с другой знакомой. Домой пришел, когда уже все спали. Тихонько пробрался на кухню. Нашупал кастрюлю с борщом. Не включая свет, чтобы не беспокоить остальных, налил себе в тарелку. Ел с аппетитом. Зачерпнул очередной раз ложкой, чувствую, поднял что-то вроде мяса. Попробовал, что-то не то. Пришлось включить свет. Боже... в тарелке плавала тряпка, которой моют посуду. Взял кастрюлю, захожу в комнату, где спала сестра.

– Что это? – свирепым шепотом интересуюсь.

Галя проснулась:

– Обнаглели совсем, мало того, что я как служанка у вас, так еще и борщ не хотят. Зажрались совсем. Завтра совсем ничего не буду готовить.

Утром устроили разборку: как все-таки попала злополучная тряпка в борщ. Никто не сознался. Но в темноте уже никто не ужинал.

БОЧКА

Во дворе, около крыльца стояла двухсотлитровая деревянная бочка для дождевой воды. Лето было засушливое – дождей не было, и бочка простаивала без толку. Мама прикрыла ее домотканым половиком, который сушился таким образом. После обеда трехлетняя Аля вышла поиграть на крыльцо. Заинтересовалась домотканым половиком: стала его разглаживать, наклонилась и... очутилась в бочке. Сверху, как одеялом ее накрыло этой домотканой материей. Пыталась вылезти – не получилось. Кричала, звала маму, папу, сестер – бесполезно, никто не слышал. Выплакавшись, незаметно уснула. Мама спохватилась часа через два: дочка пропала. Обежала все более значимые места, где могла играть Аля. Не нашла. Бесполезно. Близкая к истерике, она устало присела на крыльцо. Вдруг слышит что-то шеборшит в бочке. Моментально заглянула туда. В бочке увидела спящую дочку. Та проснулась от прикосновения мамы и пробормотала:

– Мама, ты, где так долго была. Я уже устала ждать, – и протянула ручонки к ней.

ПОЖАР

Лиде было скучно. Она разругалась с подружками, ее облаяла соседская собака, даже собственный козел попытался боднуть острыми рогами. Девочка подобрала длинную палку и стала стучать ей по забору. Случайно попала в раму соседского дома. Из окна выглянула тетя Фрося. Лида испугалась и неожиданно прокричала:

– Пожар, пожар, – и от страха побежала вдоль домов, стуча уже в каждое окно, продолжая кричать: – Пожар, пожар, – и так до конца улицы.

Люди выскакивали из домов, спасаясь от мнимого пожара:

– Где? У кого? Что горит? – Паника, мат, слезы.

А Лида юркнула под корягу и спряталась.

– Да это Лидка Карташова баламутит, – ругается тетя Фрося, – вот чертова девка, что удумала.

Позже отца дважды вызывал уполномоченный НКВД, пытаюсь выяснить, для чего его дочь устроила эту провокацию. Откуда ему было знать, что Лиде было скучно, ведь ей всего шесть лет, и через два месяца начнется война.

РОЗОЧКУ СПАСАЙТЕ

Брат Володя подобрал где-то щенка. Он уговорил маму оставить его. Со временем тот превратился в дворнягу, которую называли Розой. Стала любимой собакой брата. Роза отвечала взаимностью. Однажды мама послала за водой для коровы. Для этого недалеко от дома на болоте был вырыт небольшой водоем, к которому вел дощатый тротуар. Брат взял ведра и пошел туда. Собака крутилась у его ног. Стал набирать воду, поскользнулся, упал, столкнув Розу с узкого тротуара в водоем. Дворняга от неожиданности нырнула с головой под воду и стала барахтаться. А Володя метался по тротуару и сквозь слезы кричал:

– Розочку спасайте, Розочку.

Это услышал сосед. Прибежал, стал искать Розу, считая, что это девочка. Не нашел. Сходу прыгнул в воду, пытаюсь найти ребенка. Дворняга в этот момент подплыла к берегу. Вылезла, отряхнулась, справила малую нужду и стала ласкаться о ноги Вовки.

– Розик, Розик, – брат не верил своему счастью.

Сосед понял, в чем дело, смачно выматерился и пошел домой. А вечером все смеялись над Вовкой, передразнивая его:

– Розик, Розик иди сюда, – он обижался.

СУКА ЛЫСАЯ

Муж старшей сестры Валентины Петр работал секретарем парткома леспромхоза. В его кабинете висел огромный портрет тогдашнего первого Секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Никиты Сергеевича Хрущева. В октябре 1964 года его отправили на пенсию за перегибы и ошибки. Для Петра это был шок. Он, детдомовец, воспитанный комсомолом и партией, безоговорочно веря руководителям государства, вдруг узнает, что Хрущев был не прав. Зять снял портрет со стены и унес его к себе домой. И в этот же день до чертиков напился со свояком – любителем выпить по любому поводу.

Валентина вечером пришла к нам расстроенная данной ситуацией. Побыв в доме некоторое время, попросила меня сходить к ним на квартиру – узнать, что делает ее муженек. Я подхватился тут же: было очень интересно понаблюдать за пьяным зятем, и побежал к ним. Стучусь. Тишина. Стучусь сильнее. Из-за двери раздается пьяный голос Ивана – собутыльника:

– Вам кого?

– Открывает, это я, Борька.

Иван долго возится со щеколдой, наконец, открывает и, глядя сквозь меня, спрашивает:

– А вы кто будете?

– Ты, что не узнаешь, – возмущаюсь я, захожу на кухню. Бардак, какого свет не видел: огрызки закуски, пустые бутылки, опрокинутое помойное ведро с картофельными очистками. У стены – портрет Хрущева, рядом секретарь парткома с кухонным ножом в руках. Взмах, и на полотне появляется большая дыра.

– Что, сука лысая, получил, – размазывая по лицу пьяные слезы кричит Петр, на еще, волюнтарист долбаный, – и так, пока до тех пор, пока портрет не превратился в лохмотья.

На следующий день зять пришел к маме домой, виновато пряча глаза, извиняться. Потом, улучив момент, тихо спросил меня:

А кто портрет Хрущева порезал?

Вскоре его перевели начальником лесопункта. Прошло более сорока лет, но Петр до сих пор считает, что это сделал не он.

ТОРТ НА 8-е МАРТА

В начале шестидесятых годов, зять Петр работал начальником лесопункта. То ли время было такое, то ли работа накладывала свой отпечаток, но стал он частенько прикладываться к сорокоградусной. Пил без удовольствия, по необходимости: то с инспектором по технике безопасности, то с директором, то с работником лесхоза. Наутро сильно болел, клялся, что больше не будет. И, правда, в последнее время изменил тактику: приглашал своих гостей на обед. Там прилично накачивался и тут же уходил спать к теще, т.е. к нам. Отсыпался до вечера, возвращался домой помятый, но трезвый.

Дочери мать об этом не говорила, но шила в мешке не утаишь. Валентине все стало известно. И она решила проучить муженька. Когда в очередной раз Петр Федорович пришел укрыться от собутыльников и улегся отдыхать, Валентина вооружившись иголкой с ниткой, пришила его к матрасу, подушке, одеялу. Затем резко разбудила спящего. Петр, видя перед собой жену, попытался встать. Но не тут-то было. Какая-то неведомая сила вновь и вновь укладывала его в кровать. В общем, с ним случилась истерика, было уже не до шуток. Обиделся он сильно почему-то на тещу: перестал приходить в гости. Так продолжалось несколько месяцев. И только на 8-е марта принес ей торт, (что было в диковинку в те времена) пробурчав что-то о поздравлении. С тех пор с тещей жил душа в душу. До самой ее смерти.

ЕЛКА В «РАССОЛЬНИКЕ»

Двойняшки Вовка и Колька не только внешне не походили друг на друга, но и характер имели разный, особенно в учебе. Если первый был просто лентяем, хотя и способным, то Николаю учеба давалась с трудом, несмотря на то, что к ней он относился серьезно. Ну не дано было. Была еще одна причина – Колька всегда очень волновался, когда сдавал экзамены или просто отвечал на уроке. Дома, когда готовит какой либо предмет, все хорошо: чеканит как по писанному, а на людях терялся. Рассказывали, что ему поручили выучить наизусть и рассказать на новогоднем празднике стихотво-

рение о Ленине под названием «Елка в Сокольниках». Мало того, что брат толком не знал что такое «Сокольники», он очень разволновался и, выйдя на сцену, объявил:

– Елка в рассольнике.

Зал взорвался от хохота. Больше Николай никогда не увлекался чтением стихов со сцены.

БУРУНДУК - ГОВЕШКА

Клички нам в детстве, как правило, давались не случайно. Бывало неосторожное слово или какое-нибудь действие тут же интерпретировалось в определенное прозвище. И чем больше малый объяснял, что это не про него, тем быстрее эта кличка прилипала.

Однажды мы пошли в лес собирать бруснику. Мы – это отец, два брата, сестра и я. Целый день ударно трудились: собрали несколько ведер ягод. На последнем перекуре я увидел, как по дереву спускается маленький полосатый зверек.

– Кто это, – закричал я.

– Бурундук, – ответил папка.

Я схватил первый попавшийся под руку сучок и ударил по дереву. Бурундук замер, затем быстро скрылся в кроне дерева. По стволу потекла, какая жидкость. Я машинально обмакнул в нее палец:

– Так это же говно, – рассмеялся я.

– Эх ты «бурундук – говешка» – засмеялся Славка.

Так я получил эту кличку. Правда существовала она только среди моих сестер и братьев. На улице, среди сверстников меня звали по-другому.

ГОВНОБОЙ

Перед нашим домом была большая поляна, где мы играли, а родители отдыхали на скамеечке, которая находилась у забора палисадника. В общем, место очень нравилось нам. И не только. Облюбовала ее и наша корова Зорька. Она легла посреди поляны, и лениво жуя, дремала. А когда уже пора идти в стойло, Зорька на-

валила большую лепешку и с достоинством удалилась. В это время Володя со своим школьным товарищем Сашкой Андреевым появились у поляны, о чем-то споря. Они всегда спорили по любому пустяку. В порыве полемики Сашка предложил Вовке:

– Сможешь ударить кулаком со всего маху по коровьей лепехе, а?

Брат немного подумал:

– Хорошо, только затем я намажу этим кулаком у тебя под носом.

На том и порешили. Вовка опустился на одно колено, держа за штанину друга, чтобы не убежал и со всей силы шлепнул по свежей лепешке. Брызги разлетелись метра на полтора. Но в этот момент Сашка вывернулся и побежал к нам в дом с криком:

– Тетя Маруся, Вовка говном меня обмазать хочет.

Мать ничего, толком, не понимая, стала стыдить сына. Андреев в это время перемахнул через забор и был таков. Брат долго бегал обрызганный коровьим навозом, ругался, грозя всякими карами Сашке. В это время Галина (младшая сестра) как само собой разумеющееся произнесла историческую фразу:

– Ну, ты «говнобой», иди в баню умойся.

Все, эта кликуха тут же прилипла к Володе.

Сейчас он живет в Хабаровске, подполковник в отставке.

«ТАЗ РАЗДАВИЛИ...»

Каждый год, в начале июля у нас начиналась сенокосная страда. Покосы были километров за 15 по УЖД. Добирались мы туда, как правило, на мотовозе в вагончике, который возил рабочих на заготовку леса. Но однажды в воскресенье братья договорились со знакомым, что бы он дал на выходной нам дрезину. Это такая штука, которая ездила на моторе от бензопилы «Дружба». Представляет – четыре колеса, деревянная лавка, под которой установлен мотор. В общем, вчетвером можно было спокойно двигаться по узкоколейке.

Надо сказать, что вечером в субботу мы отмечали день рождения знакомой. Разошлись поздно, вернее, прямо с праздника и

на покос. С нами напросился зять Иван. Он собирался поискать чернику. Володя, как самый домовитый с вечера попросил мать собрать «тормозок», прихватив у сестры трехлитровую банку браги.

Поехали. Впереди сидел Вовка, давя на газ. Рядом Славка, затем Иван и я. Под монотонный стук колес все задремали. Вдруг, открыв глаза, я с ужасом увидел, что одно колесо от дрезины отвалилось. Дальше раздался грохот, и мы разлетелись по железнодорожной насыпи. На какое-то время потерял сознание. Когда же очнулся передо мной была сумка с едой, из которой вытекали остатки браги. Запах был резкий, но приятный. Тупо смотрю на сумку, ничего не соображая. Сквозь звон в ушах слышу голос Ивана:

– Ой, таз раздавили, таз раздавили.

Откуда таз, соображаю я. Банку с брагой брали, сумку с едой тоже. А таза не было. Поднял голову и увидел рядом зятя. Он, охая и ахая, ощупывает свою задницу облитую брагой, приговаривая:

– Ой, таз наверно раздавили.

Тут расхохотался Володя:

– Это банку с брагой раздавили, а не твою задницу.

На покос мы, конечно не попали. А над Иваном подшучивали:

– Ну как твой таз, раздавился?

КАК Я ЛУК ПРОДОВАЛ

В огороде уродился лук – бутун. Его было много. Мама наготовила из него пучки и предложила мне:

Сходи в пятый барак продай лук, вот и будут тебе деньги на конфеты.

Сгоряча согласился – ведь в пятом бараке было двадцать комнат. Но чем ближе подходил к месту торговли, тем больше меня охватывала паника. В – первых, я никогда не торговал, во – вторых, было почему-то очень стыдно нести сумку с пучками лука, в – третьих, не знал цену. Перед входом в барак смелость совсем покинула меня. В голове билась одна мысль: что делать, как выйти из сложившейся ситуации? Тут пришла гениальная идея – быстро

разложил пучки перед каждой дверью, и с чувством выполненного долга, отправился играть в карты на деньги (благо была заначка в десять копеек).

Мне повезло – выиграл еще пятнадцать копеек. Купил в магазине двести граммов карамели – подушечек, заявился домой.

– Ну как торговля? – поинтересовалась мать. Вместо ответа вывалил из кулька конфеты:

– Кушайте, я уже объелся (хотя съел всего одну конфету).

– Вот молодец, добытчик, – засмеялась мама.

Много позже узнал, что матери сообщили о моей проделке почти сразу же. Вот только откуда у меня оказались деньги, она не догадалась.

ДИВЕРСИИ И ДЕМОКРАТИЗАТОР

Основной игрой у нас в поселке была «в войну». Соответственно почти у каждого имелись готовые к употреблению охотничьи патроны, обрезы, бикфордовы шнуры, аммонийные капсюля и другое вооружение. Мы с Вовкой Кочинским выменяли у парня с Ивановска аммонийный капсюль, который применялся для подрыва пеньков на осмолозаготовках.

Долго решали, где его взорвать. Договорились: во время урока в туалете, который находился на улице. Спросив разрешение отлучиться в туалет, где быстро подожгли бикфордов шнур, который торчал из капсюля, и бросили взрывное устройство в очкодырку.

Надо сказать, что в те времена удобства в школе были на улице, причем буква «М» всегда соседствовала с «Ж» под одной крышей. Поэтому взрыв детонировал и в женской половине. К нашему несчастью в это время там находилась наша техничка тетя Дуся или как мы ее звали между собой «Дуська – однозубая». В общем, она вылетела из туалета со спущенными трусами, в кирзовых сапогах на босу ногу и вся в дерьме. Нас же «арестовали» и отвели на допрос к директору школы.

Между тем, неделей раньше, мы в том же составе приобрели тлеющий фитиль (это такая веревка: ее поджигаешь, а она не

горит, а тлеет, выделяя много едкого дыма). Применение ему нашли быстро: воткнули его в щель стены в коридоре школы, вывернули электропробки (дело было рано утром) и подожгли. Дым стал наполнять коридор. Но нам и этого показалось мало. Стали бегать туда – сюда и кричать:

– Пожар, пожар, – создавая панику.

И так нам смешно было. Особенно когда все кинулись к выходу, падая друг на друга, крича и плача. Это потом мы поняли, что натворили. А тогда все казалось забавно.

Итак, директор школы, видимо уставшая от наших выходок, решила на крайние меры: пригласила бессменного нашего участкового милиционера, которого местная шпана звала «дядька Безденежных». Вернее он нас пригласил к себе в кабинет, находившийся в конторе лесопункта.

Надо отметить, что в те знаменитые шестидесятые годы – годы так называемой хрущевской оттепели, было разрешено применение резиновых дубинок к нарушителям общественного порядка. В народе их называли «демократизатор».

Так вот захожу я в кабинет, а там во главе стола сидит участковый с «демократизатором» в руках и ласково улыбается мне. Проходи мол. Делаю шаг вперед и получаю сильнейший удар дубинкой по спине. Нырять под стол, а там уже дружбан сидит, сопли распустил.

Вот так прошла профилактическая беседа, кстати, санкционированная нашими родителями. Это была самая убедительная беседа о недопустимости плохого поведения не только в школе, но и на улице.

ХАЛТУРА

Сестра Алевтина вышла замуж. Муж Александр был ей знаком давно, еще с детства. (Его родители тоже были «враги народа» и сосланы на Урал). Жить они решили отдельно. Им выделили комнату в семейном пятом бараке. Работал ее муж помощником машиниста паровоза на УЖД, а Аля воспитателем в детском саду. В общем, жили небогато, впрочем, как и все. Со временем сестра

стала замечать, что ее благоверный приходит с работы на два-три часа позже обычного. Поинтересовалась, где задерживается?

– Да халтуру одну делаю, отмахивался муж.

И вот в конце месяца Санька принес большой пакет денежных купюр, завернутый в майку.

– Что это? – удивилась Алевтина.

– Зарплата за халтуру, – хитро улыбнулся Саша.

Молодая женщина радуясь, стала пересчитывать деньги, не обращая внимания, что почти все купюры были мятые. Пересчитав, охнула. Тут было несколько зарплат мужа. Тут же побежала похвастаться маме. Но там ее ждал «ушат холодной воды». Матери уже донесли доброхотные соседки, что Сашка Кокорин выиграл в карты у вербованных мужиков из девятого барака много денег. В слезах прибежала в комнату, молча, собрала все деньги:

– Неси обратно, рубля не возьму, – вытолкала мужа из квартиры!

Горе – картежник вернулся уже к вечеру навеселе:

– Отдал, – Аля вопросительно смотрит на Александра.

– А как же, все так обрадовались. Долго дуться на мужа она не могла.

Прошло время. Случай почти забылся. Как-то Алевтина полезла в кладовку, откуда-то сверху выпал газетный сверток и из него посыпались те самые мятые деньги. Хотела сжечь, но рука не поднялась, нужно было приобретать обувь на зиму, да и пополнение предполагалось в марте. В общем, оставила она вознаграждение за «халтуру» в семье.

ЗАВТРАК НА УРОКЕ

Из школьных воспоминаний до сих пор перед глазами кусочки хлеба, посыпанные сверху сахаром. Их давала нам мама на занятия. Мы бережно заворачивали их в чистые тряпочки и укладывали в портфели.

Какая это была вкуснятина! Особенно, когда набегаясь на перемене. Сахар, растаивая на хлебном ломте, превращал его поверхность не только в сладкий деликатес, но и, в своего рода, пи-

рожное (так мне казалось).

Открыто съесть это лакомство на перемене, было не так-то просто. Его могли запросто отобрать ребята постарше. Не каждый имел возможность принести в школу бутерброд. Да и вечно голодных пацанов было немало. Вместе с моим вторым классом в одной комнате находились и четвероклашки. Учительница вела сразу два класса вместе. Первый и третий, второй и четвертый. Поэтому, спокойно съесть на перемене, принесенный из дома хлеб, было невозможно. Приходилось использовать урок. Я выжидал, когда учительница, оставив нас в покое, переходила к четвероклассникам, осторожно вытаскивал хлеб. Отщипывал маленькие сладкие кусочки и незаметно заталкивал их в рот. Даже сосед по парте ничего не замечал.

Однажды моя четко отработанная «тактика» не сработала. Из-за невнимательности на уроках учительница пересадила меня поближе к себе, за приставной столик, чтобы не отвлекался. Поскольку табурета не было, вместо него пришлось использовать обыкновенную чурку, которая из-за невозможности истопником ее расколоть, валялась в коридоре у печки.

Как-то во время очередной «трапезы» я неловко повернулся и потерял равновесие. Чурка оказалась у стены, бутерброд – в середине класса, а я – под столом учительницы. Все громко засмеялись. А Танька Гладких на весь класс сказала:

– Надо же! Тайком на уроке ест!

Я готов был провалиться сквозь землю. Ведь всего полчаса назад говорил ребятам, что из дома поесть ничего не брал. Обстановку разрядила Октябрина Ивановна. Она помогла подняться с пола и разрешила снова сесть за свою парту.

ВЗРЫВ НА ПУСТЫРЕ

Как-то я и сын директора школы Колька Бровцев пошли на пустырь, взорвать патрон от немецкого ружья «Зауэр три кольца». Его привез с фронта Колькин отец в качестве трофея.

Друг же периодически понемногу воровал боеприпасы у родителя, когда тот был пьяный. Если потом папаша предъявлял пре-

тензии о пропаже патронов, сын, не моргнув глазом, брехал:

– Да ты дяде Федору давал, я видел.

Так воровство сходило нам с рук.

...Разожгли костер, положили в него патрон, отошли метров на двадцать, залегли и ждем взрыва. Между делом закурили: пару папирос я спер у своего отца (он курил только «Казбек»). В это момент видим, из леса выходит дядька по фамилии Серебрянский и гонит свою корову точно на наш костер. (Заблудилась, наверное, стерва). Кричать поздно. Да и что? Спасайся, сейчас рванет? В общем, лежим ни живы, ни мертвы. В это время, как бабахнет...

Удирая, заметили, что Серебрянский от испуга присел, а корова, задрав хвост, пролетела мимо нас.

Прибежали в поселок – домой идти опасно. Наверняка дядька нас узнал и пожаловался родителям. Однако поздно вечером явился перед «ясные очи» бати. Тот грозно посмотрел и приказал:

– Чтобы к утру стайки у коров и коз были вычищены, скот накормлен и напоен.

Так он наказывал – трудотерапией. Молча, помчался исполнять указания, радуясь, что на этот раз пронесло. Ложась спать, через двери услышал, как папка маме говорит:

– Серебрянский – то в штаны от страха наложил, Дарья вон стирала вечером.

Что ответила мать, я уже не слышал – спал, устал очень.

УКРОТИТЕЛЬ ВЕЛОСИПЕДА

Первый велосипед в поселке появился у Лешки Антоновского. Он работал, поэтому деньги водились. Затем двухколесные агрегаты купили родители Сашки Серебрянского и Вадьки Конюхова. Если Лешку мы видели только по вечерам, когда раскатывал с подругой по поселку, то Серебрянский с Конюховым своим транспортом просто мозолили глаза, вызывая всеобщую зависть.

Детально разглядеть и потрогать велосипед ребята нам еще разрешали, но дать прокатиться – ни за что. Правда, через некоторое время этой чести все-таки удостаивались некоторые пацаны, но... за определенную услугу или плату.

Свою принадлежность к велосипеду Сашка с Вадькой обычно подчеркивали тем, что постоянно ходили по поселку с бельевой прищепкой на правой штанине. Она якобы необходима для того, чтобы не намотались брюки на велосипедную цепь. Мы завидовали товарищам. Я, например, даже мысленно выстраивал линию поведения, если вдруг повезет, и мне доверят руль. Теоретически твердо знал, как рулить, если велосипед вдруг потянет в ту или иную сторону, как держать равновесие.

– Ты Вовка, не проси у меня прокатиться, – важничал Сашка Серебрянский, – не сумеешь. Это тебе не самокат!

– На спор, сумею! – возмутился я, хотя в душе не был уверен в успехе.

– Не сумеешь! – ставил точку в соре Сашка, степенно отъезжая в сторону.

После этих слов еще больше хотелось доказать, что езда на велосипеде это не ахти какое трудное дело, только бы сесть за руль!

Как-то Лешка Антоновский подъехал к нашему дому и, оставив велосипед у калитки, прошел во двор. Увидев меня, поинтересовался, дома ли отец.

– Дома, проходи!

Заметив, как жадно смотрю на его транспорт, сказал:

– Если умеешь, прокатись!

Вот оно – счастье! Дрожащими руками подвел велосипед к небольшому пеньку, чтобы легче сесть в седло, крепко сжав руль, оттолкнулся. Переднее колесо сразу завалило из стороны в сторону, задергался руль. Еще секунда и я был бы на земле. Но выручила изгородь. Она не дала мне упасть. Еще и еще пытался проехать, хотя бы несколько метров. Наконец, удалось, и я покатился по дороге.

МАМИНЫ ПАПИРОСЫ

Обрывочные воспоминания раннего детства нет – нет, да и возникают в моей памяти. Как правило, это связано с каким-то неординарным событием. Помню, как безутешно плакал у мамы на коленях, когда соседская девочка отобрала игрушечную лошадь, сделанную из папье-маше. А в семилетнем возрасте, после того как

разрезал стеклом ладонь так, что стали видны белые сухожилия, бросает в дрожь и сейчас.

Однажды, зайдя на кухню, увидел маму с папиросой в руках. В то время я уже знал, что курить вредно. Стал уговаривать затушить ее. Однако она выпроводила меня на улицу, ничего не объяснив. Спустя много лет, когда напомнил ей об этом эпизоде, мама обиделась:

– Да не курила я никогда, – затем подумала и добавила, – правда, был случай, когда очень болели зубы. Никотин же успокаивает. Тогда как ты можешь помнить об этом, ведь тебе было года два – три?

Позже я узнал, что в те далекие годы в поселке не было элементарного медицинского пункта. Болезни, в том числе и стоматологические, лечили народными средствами.

«МЫ ИЗ БРЯНСКА»

Так представились четыре брата – косая сажень в плечах, молодые и красивые – знакомясь с молодежью поселка. Особенно среди них отличался старший – Иван, в дальнейшем ставший мужем моей сестры. Она, семнадцатилетняя девушка, без памяти влюбилась в него. Несмотря на ворчание родителей, создали семью.

Иван оказался домовитым мужиком. Устроился лесником. В те времена это была престижная должность. Но вскоре, «благодаря» ей, же стал алкоголиком, как и дядя Митя. В семье начались разлады: кому нужен вечно пьяный муж. Со временем стал «распускать» руки, жена в ответ вызывала участкового милиционера. В общем, пришло время, когда семья распалась. Иван подался на Север осваивать новые земли, но каждое лето приезжал к бывшей супруге на сенокос.

Запомнился последний его приезд. Мы, братья всегда помогали с заготовкой сена сестре. Появление Ивана нас обрадовало: скорее закончим. Вечером собрались у Лиды за столом. Бывший зять был на удивление трезвый. Разговор как – то не клеился. Нас больше волновали встречи с девушками, танцы. Вскоре собрались уходить. Иван вышел провожать. Прощаясь со мной, с тоской в го-

лосе сказал:

– Знаешь, мне уже 40 лет, а до сих пор как неприкаянный: нет ни кола, ни двора, ни семьи настоящей. И все водка проклятая. Ты запомни это.

Он вскоре уехал и больше его уже не видел. Иван «сгорел» от пьянства спустя год. Я в это время служил в армии.

КЛАД

Семья мужа сестры Алевтины тоже была раскулачена и выслана из Курганской области на Урал. Глава семьи - дед Яков Кокорин по тем меркам был богатым. Говорили, что у него где-то было припрятано золото. Когда он заболел, его сын Кузьма, который жил в городе, поспешил к родителю за наследством. Надо отметить, что он был любителем «зеленого змия», а также доморощенным поэтом и большим ловеласом.

Время шло, дед не помирал, а Кузьма Яковлевич широко гулял под будущее богатство. Он щедро обещал всем, кто давал ему в долг, рассчитаться, как только станет законным наследником.

Дед Яков наконец-то представился. Но вот клада, как оказалось, у него не было. Его сын Кузьма срочно скрылся из деревни, так как те, кто одалживал ему деньги, собирались его побить.

ЛАМПОЧКА

Электричество появилось у нас в доме в конце сороковых годов прошлого века. До этого в доме была трехлинейная керосиновая лампа. (Линия – старинная мера длины, равная 1/10 дюйма).

Помню, как ежедневно перед сумерками мать снимала стекло с лампы, брала чистую тряпочку и тщательно протирала. Убедившись, что оно безукоризненно чистое, клала на полотенце. Принималась за фитиль. Маленькими ножничками аккуратно обрезала нагар, измеряла уровень керосина. Ставила стекло на место и зажигала лампу. И сразу же на стенах комнаты причудливыми бликами теней начинали двигаться наши силуэты.

При свете трехлетней лампы мои старшие сестры готовили

уроки, читали книжки, вышивали. Мы сидели с братом рядом и внимательно наблюдали за ярким язычком пламени, который - то уменьшался, то увеличивался в размерах, то вспыхивал, то тускнел. Почему так происходит, мать отвечала просто: это делает Боженька. Потом добавляла:

— Если он доволен нами, язычок светит ярче и пламя его выше, если нет — светит тускло.

Мы старались не расстраивать Боженьку своим поведением. Хотели, чтобы в доме всегда было светло.

Но в новом поселке, куда мы переехали в 1947 году наша трехлетняя лампа больше не понадобилась. Впервые здесь увидел электрическую лампочку. Она висела высоко под потолком. Часами разглядывал ее со всех сторон. Мучил вопрос: почему так ярко светит и потухнет ли, если подует сильный ветер?

Однажды, когда в доме никого не было, подтащил к абажуру стол и взобрался на него. Роста не хватало. Поставил табурет. Теперь она была перед лицом. Я набрал полные легкие воздуха, и что есть мочи подул на нее. Лампочка не потухла. В комнату вошла сестра.

— Ты лучше лбом об стенку... Может, тараканов меньше было бы в доме! — рассмеялась она. - Слазь, невежа!

Вскоре у нас появилось радио — большая черная тарелка из плотной бумаги. Отец прикрепил ее к стене на кухне, объяснив, что она также работает от электричества. Глядя на нее, у меня уже не возникало желания к экспериментам.

СВИДЕТЕЛЬ

Было, мне шесть лет. Любил ходить по улицам, переулкам. Заглядывал в окна домов, во дворы в поисках чего-нибудь интересного — надо же было коротать день. Это вечером собирались ватаги, начинались различные игры, происшествия, истории. Днем же основной контингент поселка был на работе, дети в школе, и только такие как я, неприкаянные, болтались без дела.

Около двухквартирного дома, через забор, ругались две женщины — соседки. Начало склоки не видел, слышал только ругань.

Вдруг заметил, как одна схватила поганое ведро и вылила содержимое на голову другой. Та, вся в дерьме и моче, облепленная бумагами и еще бог знает чем, запричитала, призывая жителей улицы быть свидетелями несправедливого отношения к ней. Но, увы, таковых не было. Ее затравленный взгляд упал на меня.

– Мальчик, ты будешь свидетелем? – я с радостью согласился.

– Ты видел, как она меня говном обляпала? В суд на нее подам.

Ее противница, с видом победительницы, покрутила пальцем у виска, показывая какая дура соседка:

– Он же маленький, его слушать не будут.

Вечером дома поведал матери об инциденте, про который уже знал весь поселок. В ответ получил щелчок в лоб и приказ нигде об этом не болтать.

О БЕЛОЧКЕ

В поселке, где мы жили, возле каждого дома обязательно красовались две-три огромные поленницы дров. Рядом еще лежало несколько Сухих деревьев, ожидая, когда их распилят, расколуют и уложат в поленницу. Три таких больших лежали и у нашего дома. У отца все не доходили руки, разделаться с ними. Однажды, играя с братом возле этих бревен, обнаружил в одном из них большое глубокое дупло. Тут же показал его Николаю. Он без размышлений заключил: в дупле обязательно должна жить белочка. Нам очень хотелось увидеть и приручить ее сделать все для того, чтобы она жила у нас. (Старшая сестра недавно прочитала нам одну из сказок А. Пушкина, где белочка жила в золоченом домике, пела песенки и грызла орехи) Главное, достать ее из дупла.

Одно дело мечтать, совсем другое - воплотить

мечту в реальность. Нам необходимо было отпилить от огромного бревна чурку, где было дупло. Тогда можно будет быстро достать белочку.

Взяли в кладовке старые рукавицы, рогожный мешок, несколько горстей кедровых орехов. Это на случай, если белочку добудем быстро. Главное - нашли наточенную двуручную пилу. К работе приступили с раннего утра. Мать, увидев, что мы с братом отпиливаем от сухары чурку, похвалила: молодцы - какая ни есть, все отцу подмога.

С перерывами пилили целый день. Пропил составил всего несколько сантиметров. Однако это нас не смущало. Не поддалось нам бревно ни на второй, ни на третий, ни на четвертый день. Мы не сдавались, упорно продолжали работу. Отец с матерью хвалили за трудолюбие, но не спешили помочь. Пусть, мол, приучаются к труду. Мы же все держали в тайне. Хотели преподнести родителям неожиданный сюрприз.

Прошла неделя. Наш пропил достиг почти метрового размера. Работы оставалось всего на один день. С вожделением мечтали, как эта чертова чурка отделится от ствола, и мы увидим белочку. Рогожный мешок, рукавицы и орешки - наготове. Тут уж не подкачаем.

Последнюю ночь плохо спали. Все мысли были только о нашей красавице. Мы страстно ее любили, мысленно возводили ей золоченый домик в нашей комнате, кормили орешками, учили петь.

После завтрака сразу же побежали на улицу. Пилили из последних сил. Наконец, тихонько пискнув, наша чурка отвалилась. Схватив мешок, тут же закрыли им отверстие. Прошла минута, другая - к нам в мешок никто не прыгал.

- Нет белочки! - заплакал брат.

- Может, она где-нибудь в глубине дупла спряталась? - успокаивал себя я.

- Нет ее здесь, - сквозь слезы сказал Николай, - пойдём домой.

Нам не хотелось верить, что белочка здесь никогда не жила, что труд был напрасным. Придумывали разные оправдания и тем успокаивались.

Дома мать сразу обратила на нас внимание:

– Что, надоело пилить? – поинтересовалась она, – не болтайте без дела, найдите себе другое занятие.

Если б мама знала, что искали в дупле ее дети. Но мы молчали. Об этой истории я рассказал родителям, спустя много лет.

– А мы - то с матерью, думали, какие у нас трудолюбивые сыны растут – не смутило их метровое в диаметре бревно. Полторы недели пилили одну чурку, – улыбнулся он.

МАЛАЯ РОДИНА

В 1958 году мои родители впервые за тридцать лет ссылки решили съездить в отпуск на малую родину в Крым. С собой взяли меня с сестрой Галиной. Нашей радости не было предела. Ведь мы впервые не только увидели паровоз, но и пассажирские вагоны. Да и поселок покидали первый раз.

Ехали долго. В общем вагоне было многолюдно и душно. Мы с сестрой, раздевшись до трусиков, с упоением смотрели в открытое окно на меняющийся ландшафт и пели песни. К вечеру черные от паровозной сажи, но довольные, укладывались на верхние полки, болтали, пока родители не начали ворчать: «Замолчите, галчата, людям отдохнуть не даете».

Первое, что меня потрясло в Крыму до глубины души – фруктовые деревья (яблони, груши, абрикосы и т.д.) Росли они прямо у дороги. Можно было до отвала кушать их плоды как дома вареную картошку. И море: теплое – теплое. Песок такой горячий, что если закрыть в него сырое куриное яйцо, через несколько минут оно становилось испеченным всмятку.

Вначале мы посетили маминого брата дядю Митрофана и его жену тетю Вассу. Дядька был веселый, спокойный, тетка, суровая с виду, оказалась добрейшая душа. Домик их был небольшой. Без пола, в моем понимании, то есть без досок. Он был глиняный. А когда увидел, что тетя Васса развела коровий навоз с глиной и стала натирать им пол, возмутился:

– Мама, она же говном пол мажет, как по нему ходить?

Взрослые долго объясняли, что здесь так принято, что нет леса, из которого можно напилить доски, что это совсем не пахнет.

Мы купались в море, загорали, ели шелковицу, яблоки, ходили на бахчу за арбузами, за медом на пасеку. Месяц пролетел незаметно.

Домой, на Урал, возвращались с грустью. Не только мы, дети, родители тоже были необыкновенно тихи и спокойны. Видимо, ностальгия их уже не мучила, малой родиной стал Урал с его лесами, болотами, комарами, детьми, родившимися в северном краю. Не было у них уже и обиды на власть. Было умиротворение – едем домой.

ВИЛКА

Несмотря на то, что жизнь в поселке была тяжелой – работа, личное подворье, опять работа – молодость брала свое. Девушки ходили на свидания, танцы, парни ссорились из-за прекрасного пола, влюблялись. Все старались, выходя на люди, выглядеть красиво и оригинально.

Тогда у девушек в моде были кудри. Но поскольку они от природы были не у всех, а в то время просто не знали современных методов завивки, применяли простую столовую металлическую вилку: нагревали на огне до определенной температуры и накручивали волосы на нее. Получались неплохие локоны.

... Сестра Валентина, собираясь на свидание, с упоением завивала волосы таким способом. Младшая Галина, которой было года два, ползала тут же на столе. Старшая одной рукой поддерживала ее, а второй священнодействовала горячей вилкой. Затем положила, чтобы причесаться.

В это время малышка подползла к вилке и неуклюже шлепнулась попкой прямо на нее. Крик ребенка услышал отец, находившийся на улице. Прибежала мама, еще кто-то. Оказалось, что горячая вилка прилипла к телу девочки. Срочно Гале сделали присыпку, дали конфетку. В общем, успокоили. Через некоторое время со смехом вспоминали этот случай. У Галины же отпечаток вилки на ягодице остался на всю жизнь.

«КОЗУЛЯ»

Вовка всегда был напичкан различными идеями, которые непременно старался внедрить в жизнь. Видимо сказывалось его самообразование: чтение книг без разбору. То принесет кучу грампластинок с классической музыкой – заставляет нас слушать, объясняя, что без понимания музыки человек не может жить, то начнет готовить себе манную кашу три раза в день, убеждая всех, что она не только полезна для организма, но и улучшает память. Каждый раз придумывалось что-то новое, необычное.

... В семье стали замечать, что последнее время брат как-то сосредоточился, все время колукает в носу, постоянно жуёт. При этом практически перестал умываться, периодически выколупывая из носа «козули», которые с брезгливостью отправлял в рот и жевал.

– Ты что, с ума сошел! Зачем это? – всполошился я.

Тот смутился, покраснел до корней волос:

– Мне сказали, что если есть регулярно «козули», при этом не умываться, то зубы всегда будут здоровыми и белыми.

Так у него появилась кличка «Козуля».

БИЗНЕСМЕН

Зятя Ивана всегда мучила проблема, как заработать много денег, затратив минимум средств. Однажды он подсчитал, что если купить свиноматку, то на продаже будущих поросят можно не только возместить затраты на содержание, но и получить хороший барыш. Занял в долг нужную сумму, (своих, как всегда не было) купил опросную свинью. Соорудил ей стайку из досок, утеплил. Спустя некоторое время та принесла неплохой приплод: то ли восемь, то ли десять поросят.

Тут-то и начались напасти. Сразу же матка придавила двух. Затем еще несколько простыли и сдохли.

Оставшиеся, запоносили. В общем, до месячного возраста (когда можно продавать) дожило всего два поросенка. В то же время свинья сожрала уже столько комбикорма, что затраты возместить было невозможно. С горя зять заколол свинью, устроив громкие на весь поселок поминки, на которых побывали практически все мужики, сочувствующие ему, не забывая при этом закусывать жареной свиной.

Горе было недолгим. Как-то вечером Иван объявился у свояка Александра с очередным планом быстрого обогащения. Суть была в следующем: они берут у начальника лесопункта бензопилу на прокат – на 15 дней, на работе – отпуск. Едут в дальние деревни района, где, в основном, живут старики. Для них заготовка дров впрок вопрос выживания. Поэтому появление свояков с услугой распилить бензопилой хлысты на чурки, да еще расколоть – это уже хороший заработок для обоих мужиков... «Потому что, – рассуждал Иван, – каждый двор заготавливает на год около 20 «кубов» дров. И если брать за заготовленный куб с хозяина три рубля, то... В общем, они возвращаются домой с такой суммой, что можно не работать полгода».

И ведь уговорил рассудительного Саньку. Через неделю уже бойко ходили по дворам, предлагая свои услуги. Жители деревень с удовольствием приглашали поработать, но вместо вождеденных купюр предлагали натуру: мясо, сало, самогон и т.д. Денег у них просто не было. Пенсий же еле хватало на прожитие. Так что дело, которое затевал бизнесмен Иван, не выгорело.

Сваяки за время халтуры проехали до десятка деревень. Занимались распиловкой хлыстов, получая взамен самогонку и продукты, изредка несколько рублей, которые тут же тратили на папиросы. В конце концов, это надоело. Для того чтобы вернуться восвояси, пришлось продать бензопилу: на вырученные деньги уехать. Купили билеты, а остатки как всегда пропили.

Дома появились по – тихому. Некоторое время отлеживались. О приезде узнал начальник лесопункта. Тут же потребовал вернуть бензопилу... Скандал был вселенский.

ДАЛЕКО ОТ ДОМА

Средний брат Вячеслав с раннего детства любил петь. Но поскольку детских песен не знал, умело воспроизводил взрослые шлягеры. Помню, сидит он, шестилетний, на подоконнике и почему-то низким голосом распевает: «Далеко от дома, от родных сердец...» Пел и про синее море, и про белый пароход, на котором поедет на Дальний Восток...

Как-то сосед научил брата нескольким блатным песням. Славка их также с удовольствием исполнял. Особенно про прокурорского сына – бандита, мотавшего срок на Сахалине.

Не расставался он с песней и в юности. Пел в художественной самодеятельности в школе, лесотехникуме, в армии. Под баян лились песни про ЛЭП-500 и горы Тянь-Шаня, Дальний Восток и ласковые волны Тихого океана. Славку всегда тянуло петь о романтике дальних стран и дорог. Наверное, песенный репертуар в какой-то мере определил его судьбу.

После армейской службы он с семьей на десять лет осел на Сахалине. У самого синего моря. Затем переезжает в приграничный район Киргизии, где живет до сих пор. Мать как в воду глядела: Славка точно «напел» свою судьбу. Стал жить далеко-далеко от нас.

В конце 80-х пытались его уговорить его вернуться в «родовое гнездо». Однако, он не захотел. А потом – развал Союза, безработица, беспредел... В этих условиях переехать стало нереально. Так и живет, правда, уже не у синего моря, а у синих гор.

ПРО БЫКА

Каждую осень отец колол скотину. Как правило, это был годовалый бычок. Для этого всегда приглашался мужик по имени Тихон, который пил бычью кровь сразу же после забоя. Но в эту осень его не было в поселке.

– Да, ладно, – успокоил зять Иван, – я не хуже Тихона справлюсь.

На семейном совете решили стрелять из мелкокалиберной

винтовки, правда, подстраховавшись колуном. Выпустили быка в загон, привязали к изгороди.

Иван объясняет:

– Значит так, я бью обухом колуна между рог. Он теряет сознание. В это время Вовка стреляет ему в ухо. Все. Дальше остается только перерезать горло и спустить кровь.

Итак, зять со всего маху бьет бедному животному по голове. Тот вместо того, чтобы потерять сознание, так рванулся от своих мучителей, что выворотив изгородь, задрав хвост, бросился «нарезать круги» по огороду. За ним с колуном и винтовкой бегут Иван с братом, пытаясь вернуть в загон. В общем, кончилось тем, что сосед (он был охотник) застрелил быка. Целую неделю горе – забойщики были мишенью для шуток.

ПАТЕФОН

Из всех ценных свадебных подарков сестры был патефон. По тем временам он был страшный дефицит. Естественно, ценился выше, нежели, скажем, доступный сервиз или набор постельных принадлежностей. По достоинству оценила этот подарок и наша семья. По вечерам собирались и с наслаждением слушали музыкальный ящик. Пластинки зять привозил из города.

Меня манил, прямо - таки притягивал светло – зеленый диск патефона, загадочное отверстие в углу ящика, ласкал глаз хромированный блеск головки звукоснимателя. Почему из такого небольшого чемоданчика слышится музыка и песни? - не переставал думать я. Неужели в патефоне находятся певцы с оркестром? Как они там помещаются?

Однажды, когда дома никого не было, я осторожно достал из шкафа патефон, открыл его. Вход внутрь ящика наполовину закрывал диск. Пришлось немало повозиться, чтобы устранить препятствие. Протиснул руку в отверстие. Провел ладонью по днищу вправо, затем влево – ничего! Исследовал внутренности ящика по центру. Здесь тоже ждало разочарование. Тут неожиданно вошла в комнату мать.

– Ты почему без спроса взял инструмент? – строго спросила

она, – сломать хочешь?

– Мам, а кто играет в патефоне?

– Как кто? – удивилась та, – оркестр!

– А поют?

– Артисты!

– Но где они там помещаются?

– Их голоса записаны на пластинке!

– Странно, зачем тогда патефон?

– Поставь инструмент на место и марш на улицу, – поставила точку в диалоге мама, нечего летом в комнате торчать.

Я выскочил из дома. Во дворе уже ждали пацаны с нашей улицы.

БУРКИ

Это были сшитые из белого фетра сапоги. Своеобразный шарм обуви придавали вшитые в голенища узкие полоски кожи. Иногда они представляли собой замысловатый орнамент. Оттого ценились дороже и, конечно, были мечтой каждого мужика. Для справки: счастливыми обладателями такой обуви в поселке были два человека - начальник лесопункта и главный бухгалтер.

Приобрести в свободной продаже бурки в те времена было невозможно. Это был, что называется, номенклатурный товар. А если и появлялся у рядового сельчанина, то, конечно, не из первых рук.

Нашему отцу повезло. В поселок приехал агент по заготовке шкур. Те сельчане, у которых имелся домашний скот, понесли ему шкуры некогда «забитых» домашних животных. Был этот товар и у нашей семьи, поскольку родители всегда держали корову, теленка, с десяток коз и овец.

Несколько коровьих и полтора десятка овечьих шкур отец привез агенту. Как назло, у последнего кончились наличные деньги, и тот предложил обувь. Среди резиновых и кирзовых сапог, рабочих ботинок отец неожиданно увидел новенькие бурки.

– Беру бурки! – сразу заявил он.

– Ты что? Это моя личная вещь. Достал по случаю.

– Тогда за товар давай деньги!

– Я же говорю, деньги кончились.

– Шкуры забираю обратно.

Агент стал уговаривать отца. Родитель мертво стоял на своем.

– Ладно, забирай обувку, – не выдержал мужик, – Себе достану еще. Только сделай доплату, не тянут по цене твои шкуры.

– Без проблем!

Так отец в поселке стал третьим обладателем начальственной обуви. Это было важным событием в нашей семье. Родителю завидовали соседи, знакомые, друзья. Он гордился обновой, тщательно ухаживал за ней, еженедельно натирая фетр мелом, следил за тем, чтобы, не дай Бог, на бурках появилось пятнышко.

Правильно говорят: крепко бережешь – не вечна вещь. Весной, просушив бурки, отец вложил их в мешок и спрятал на горнице. Мол, там больше продувать будет – моль не поест.

Не угадал. Мешок, оказалось, изначально был заражен молевой личинкой. Когда глубокой осенью, перед первым снегом, отец торжественно вынул из мешка бурки, то увидел огромные дыры на голенищах. Личинкам моли эта обувь оказалось очень даже по вкусу.

– Обязательно справлю другие бурки, – успокаивал себя отец.

Но не суждено было сбыться мечте. Подобных случаев уже не представлялось. Один раз, правда, в районной комиссионке увидел бурки, однако они были крайне изношены. От покупки пришлось отказаться.

Вскоре пришли другие времена, другие обувные приоритеты.

НАТЮРМОРТ

В детстве считал, что вкуснее отварных макарон с жареными яйцами ничего нет. Мы со сверстниками всегда кружили у рабочей столовой. Она будоражила всеми известными, но не всегда доступными для нас запахами вареного мяса, жареной рыбы, печеных пирожков. Не говорю уже об аромате ячменного эрзацкофе, от запаха которого начинала приятно кружиться голова. И с удвоенной энергией работали слюнные железы. Иногда я видел, как посети-

тели оставляли недоеденный кусочек мяса в тарелке, булочку с повидлом. Не понимал этого. Удивлялся, когда Вадька Калачев, сын поварихи, выбрасывал пенку кипяченого молока из стакана.

К ужину в столовую заходил еще и потому, что случалось зарабатывать. Я высматривал столик, за которым мужики распивали спиртное. «Светился» перед ними. Ждал, когда у них закончится водка, чтобы сбегать в магазин за следующей.

Помню, бежал из магазина с бутылкой, а в голове билась мысль: «Отдам водку, и если дядьки не пожадничают, сдача останется у меня. Обязательно куплю кулек карамели». Однако не пришлось полакомиться конфетами: деньги отобрал местный хулиган Васька Фадеев.

В памяти осталась картина, висевшая в столовой на стене. На ней – ваза, наполненная фруктами, среди них гроздь винограда. Большая, черная. Я никогда не видел настоящего винограда и не пробовал его. Представлял единым плодом и был удивлен впоследствии, что он состоит из отдельных ягод.

ВОРОНА И КУКЛА

У Али игрушек не было. Поэтому она вылепила с подружкой куклу из хлеба, который спрятали за обедом. Игрушка подсохла, девочки с удовольствием играли с ней: наряжали, укладывали спать, разговаривали.

Вечером, спрятав куклу во дворе, ушли домой. Наутро побежали к своей игрушке. Но их опередила серая ворона. Она подлетела к кукле и склевала ее. Горе подружек было неопишваемым. Весь день, плача, гонялись они за вороной, чтобы наказать ее, но поймать ее так и не смогли.

СОЧИНЕНИЕ НА ТЕМУ...

Литература, особенно русская, была для меня самым любимым предметом в школе. Знакомство с творчеством того или иного писателя погружало не только в мир его героев, но и позволяло изучать истории нашего Отечества.

... Тема «М.Ю. Лермонтов – великий русский поэт» была для меня особая. Может быть потому, что биография поэта заканчивалась в 28 лет, а может, что в это время по радио шел цикл передач писателя И. Андроникова (лермонтоведа и великолепного рассказчика) о великом человеке и поэте. Я получал знания как бы из двух источников. Один – школьный, поставленный в цензурные рамки, второй – в свободной интерпретации, с большим объемом неформальной информации. В школе тогда было принято завершать знакомство с Михаилом Юрьевичем заучиванием отрывка из поэмы «Мцыри». Чаще всего это отрывок под названием «Бой с барсом». Помните?

...Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный как стон,
Раздался вдруг...

На эту тему, как правило, писали сочинение. Хотя не запрещали брать за основу любой другой отрывок. Я так и сделал. Взял главу, где рассказывалось о любви к девушке, которую главный герой поэмы впервые увидел.

... Держа кувшин нал головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
...И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пылкие мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звон, - когда струя
Вливалась медленно в него,
И ...шорох больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла, хоть тише – но легко,
Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь ее полей!

Все было хорошо: учительница даже похвалила за нестандартное мышление. Вот только спустя время, мое сочинение попало на глаза другим педагогам... И началось. Как? Семиклассник пишет о любви! Неслыханная дерзость! Как могли допустить? В общем, кончилось все тем, что любимая литераторша получила выговор, а мне было указано на недопустимость пошлых сочинений.

Для чего так подробно вспоминаю? Просто тогда первый раз в жизни мне публично плюнули в душу. Оскорбили в святых чувствах. Но самое страшное, что я так и не понял, за что? За любовь вообще? За любовь к поэту, к Родине, к прекрасному? Не знаю. До сих пор мучаюсь этим вопросом.

ГРИБЫ

Николке семь лет. Отец его работает в леспромхозе, а мать дома, по хозяйству. Она все время болеет. Идет тяжелый и голодный послевоенный 1946 год. Деревню сожгли фашисты, поэтому отец сутками не бывает дома – все время на лесосеке.

Мальчишке всегда хочется хлеба. Кусочек белого или черного, пахучего, который тает во рту. Но его нет. Иногда отец приносит краюху, однако ее хватает ненадолго. Поэтому мать с утра уходит в лес, собирает грибы: их в этом году много. Они разложены по всей хате: сушатся. Есть соленые, маринованные, жаренные. А Николка хочет кусочек хлеба, которого нет.

Вечером все садятся за стол ужинать. Мать достает маленькую краюшку хлеба, похожего на кирпич. Делит его на три части. Мальчик вмиг проглатывает, не дожидаясь грибницы. У него на глазах появляются слезы. Знает, что сейчас придется, есть грибы, которыми Николка постоянно давится. Мальчик смотрит, как родитель степенно съедает ложку за ложкой и начинает плакать.

– Мама, не могу я их кушать, дай хлебушка.

Но хлеба нет, и ребенок, со слезами, тоже приступает к еде. Через несколько минут он выскакивает из-за стола. Его сильно рвет. Мать с жалостью смотрит на сына.

– Потерпи, сынок, скоро будет много хлеба, а пока вот грибы.

– Не хочу их, они скользкие и противные, – плачет он.

Потом пьют чай, настоящий на чаге, горький и без сахара. Полуголодный, вернее, всегда голодный, мальчик ложится в кровать. Спит малыш беспокойно, постоянно вскрикивая, обливаясь потом. Мать стоит возле него и, тяжело вздыхая, плачет.

– Господи, когда все это кончится, – поправляет спадающее одеяло и уходит чистить грибы, собранные днем.

А Николке снится хлеб. Он растет на деревьях, лежит на лавке в доме, на столе. Хлеб разный – белые булки, о которых он только слышал от матери, буханки ржаного, пряники. Мальчик ломает его большими кусками и глотает, не жуя. Вдруг... давится. Он вытаскивает хлеб изо рта и видит, что это грибы. С плачем бросает Николка их на пол... и просыпается... Подушка вся мокрая от слез, а в кухне мать при свете керосиновой лампы чистит грибы.

ВОЙНА С РЕЛИГИЕЙ

Самый противоречивый, трудный возраст - 12-15 лет. В это время мы впитывали, как губка, различную информацию. Причем, из любых источников, в том числе, кино. У нас существовала традиция, после просмотра очередного фильма тут же пытаться киношные сюжеты обыгрывать в жизни. Так было после «Фатомаса», «Трех мушкетеров», «Тимура и его команды». Мы помогали пожилым людям, мастерили «шпаги» и сражались на стороне королевы, делали страшные маски, которыми пугали девчонок.

Не остался не замеченным фильм «Тучи над Борском». Сюжет прост. Послевоенное время. Семья-мать и дочь (отец погиб на фронте). Заботы, тяжелая работа вынуждает мать вступить в религиозную секту. Но злым сектантам мало одной женщины. Они уговаривают ее, чтобы их членам стала дочь – школьница. Финал, конечно, оптимистический: руководство школы, партия, комсомол помогают семье преодолеть все невзгоды и начать новую жизнь.

Наша дворовая компания тут же стала выискивать подобных сектантов в поселке. Нашли один дом, со ставнями на окнах, которые хозяева закрывали на ночь. Это было подозрительно хотя бы потому, что никто из жителей так не делал. Вспомнили, что слышали поздно вечером молитвенное пение. Да и хозяйка, бабка Иг-

натиха, своим видом очень напоминала отрицательную героиню из фильма.

... Поздно вечером подкрались к дому. Точно – ставни закрыты, пения, правда, не слышно: значит притаились. Вооружившись обломками кирпичей, мы одновременно запустили их в окна. Убегая, слышали звон разбитого стекла, «охи» и «ахи» хозяев.

На следующий день пытались узнать есть ли резонанс от нашей акции. Шума в поселке не произошло: то ли хозяева не стали жаловаться, то ли мы и вправду напугали сектантов.

РАДИ СПАСЕНИЯ

Наступление летних дней молодежь отмечала открытием купального сезона на пруду. Там образовался небольшой пруд. Сюда приходили не только дети, но и взрослые. Когда было прохладно – жгли костер, грелись. От огня ноги покрывались красными пятнами и долго не исчезали. Прекратить водные процедуры нас могли заставить заморозки или трагический случай: кто-то тонул в нашем неглубоком водоеме. Тогда пустел берег, и до следующего года никто уже не купался.

Но однажды произошло событие, потрясшее всех. Отец с двумя сыновьями пошли на покос, который находился в нескольких километрах по узкоколейке. Ушли и пропали. Искали несколько дней. Обнаружили случайно: увидели детскую одежду около небольшого, вырытого у железной дороги карьера, заполненного водой, а по отмелям затравившего. Все трое утонули в нем. Судя потому, что отец был в одежде, а ребята раздетые, люди предположили, что, купаясь, мальчишки стали тонуть, отец кинулся их спасать. По словам родственников, он совсем не умел плавать.

ДРУГОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Карточные игры на деньги среди взрослого населения процветали всегда. Особенно летом. В воскресные дни возле своих бараков собирались мужики, играли в «буру» или «очко». Больших выигрышей не было. Самому удачливому к концу игры едва хватало

ло на бутылку водки, которая тут же распивалась.

Зимой играли в железнодорожных теплушках, во время следования на лесосеки. Здесь выигрыш также не превышал нескольких рублей. Главное, хоть на час, но отвлекались от однообразного изнурительного труда.

Это увлечение не обошло и нас. Распространенными были игры в «66» и «1001». Каждый барак, двор имел свою команду. Собирались группами по четыре-шесть человек, уединялись в укромные места и играли по несколько часов подряд.

Наш дом находился по соседству с шестым баракком, поэтому с братом состояли в этой дворовой команде. Было излюбленное место – чердак барака. Здесь никто не мешал, а отсутствие посторонних исключало всякую подсказку со стороны.

Нас было шестеро. Играли трое на трое. Партия длилась обычно около двух часов. Каждая команда старалась, как можно больше одеть «шуб», вбить «клиньев» противнику. Успех сопутствовал той команде, у которой были надежные тайные условные знаки при игре.

... Петьке Фадееву, члену нашей команды, предстояло первым начать ход. Он мучительно размышлял: с какой масти зайти, чтобы карты соперников были «перебиты» своими и взятка ушла к нам? На помощь пришел Васька Цуканов. Он незаметно показал Петьке кончик языка. Ясно, ход нужно сделать червями. У Цуканова много этой масти, причем, высокого ранга. Сколько не перебивали Петькину масть соперники, цукановские туз с королем перебили всех. Взятка досталась нам. Такая же картина случилась и с моим ходом. Теперь Петька Фадеев подал знак: подмигнул левым глазом. Это означало, что ход нужно начинать с тrefей. Так и сделал. И на этот раз взятка была наша. На середине игры темп сбился, как говорится, не та пошла карта. Несколько взяток ушло соперникам, однако к концу партии мы наверстали упущенное и «зашубили» противника.

Игра в «66» считалась интеллектуальной. Она развивала не только абстрактное мышление, учила нас быстрому счету, но и помогала видеть перспективу карточной игры. Были членами команд одно время девчонки. Прекрасно играла в «66» Люська Поливцева, Наталья Пивоварова, Динка Королькова. Они задавали тон, вытаскивая порой своих из проигрыша.

...Как - то во время отпуска я встретил Поливцеву. Вспомнили детство. Естественно, игру в «66».

– Помнишь еще, с какой масти нужно делать первый ход? – спросил я.

– Конечно, нужно следить за условным знаком!

– Молодец!

Мы рассмеялись.

– Пыталась научить своих детей этой игре, – продолжала она, – не получилось. Не оторвешь их сейчас от телевизора и музыкального центра. Совсем другое поколение.

ОТГОЛОСКИ ВОЙНЫ

Для нас, рожденных в середине и конце сороковых годов, Великая Отечественная война не была абстрактным понятием. Она оказала мощнейшее влияние на весь уклад жизни, мышление, поведение, коснулась наших детских игр. Например, всех отрицательных киношных и книжных персонажей обязательно называли «немцами», положительных «русскими».

Помню, младший брат посмотрел кинофильм «Пятнадцатилетний капитан». Дома с увлечением рассказывал, как «русские» побили «немцев», которые хотели забрать в рабство пассажиров корабля. Да и сами играя в войну, делились на «русских» и «немцев», поэтому набрать противников «русских» было не просто. Никто не хотел ими быть, так как это определение автоматически приводило в стан «немцев». Побеждали, как правило, первые. Нередко из-за расклада в игре возникали драки.

Посмотрели кинофильм «Тарзан». Его сторонников сразу определили к «русским», недругов – к «немцам». Сам главный герой фильма для нас был, конечно, «русским». Каждый из нас был патриотом.

ЯГОДНЫЕ МЕСТА

Погода Северного Урала не баловала теплом. Поздняя весна, короткое лето не позволяли сельчанам в открытом грунте выращивать овощи, обзавестись плодово-ягодными растениями. На зиму

витаминовой продукцией обеспечивал лес – черникой и брусникой, кедровыми орехами и грибами.

Наша семья стремилась впрок запастись брусникой. Она без всяких консервантов прекрасно сохранялась круглый год, не утрачивала витамины и в пищу употреблялась в любом виде. В начале сентября начинался сбор брусники. Жители поселка устремлялись в лес с пайвами, ведрами, коробками. Попадешь на ягодное место, за световой день наберешь несколько ведер без всяких приспособлений (намного позже был «модернизирован» сбор ягод, стали использоваться всевозможные проволочные совки, «хапалки», «комбайны»).

Отдельные семьи были настоящими ягодниками. Они возвращались в поселок с полными коробками. На вопросы, откуда столько брусники, отвечали «места надо знать!» И действительно, на огромном лесном массиве, простиравшемся на сотни километров вокруг, у них были заветные места, на которых с избытком родилась эта ягода. Посторонних туда не брали.

Брусничный бор был и у нашей семьи. Но в отличие от других, за ягодами ходили с друзьями. Брусники хватало всем. Меры предосторожности предпринимались обязательно. Сначала петляли по лесу, затем некоторое время собирали ягоды на общеизвестных брусничниках, только к обеду, усыпив бдительность посторонних, быстро выдвигались к нужному бору и за час-полтора наполняли емкости отборной ягодой.

... Со слов Вовки Руселика, он знал в лесу несколько богатых ягодных мест – брат показал, который работал в лесничестве. Мы часто просили товарища, чтобы тот взял нас с собой: зачем одной семье столько ягодных мест? Вовка тайну держал крепко. Однажды, сговорившись, с ребятами решили проследить за ним.

С ночи установили дежурство за домом. Менялись каждые полтора часа. Наконец, с рассветом увидели у ворот пацана. Он с сестрами готовился в лес. Мы были начеку. Как только они вышли за околицу, прячась, двинулись вслед. Более часа крались за ними – никаких ягод.

– Может, следы замечают? – недоумевали.

– Ну, прямо дорога к нашему бору, – неожиданно заметил Андрей Пашкевич, – несколько дней назад там были.

Прошло полчаса. Компания точно вывели нас к месту, которое, по словам Андрюхи, знала только их семья. Ягоды были здесь обобраны. Мы затаились. Сестры Вовки Руселика зароптали.

– Да не знал он никаких ягодных мест, – в сердцах сказала одна из них, – видимо, подсмотрел у кого заветный бор. А еще хвастался – сам нашел. Болтун!

– Нас опередили, – оправдывался Вовка.

– Правильно и сделали, – сказали девчонки, – ничего на чужое пялиться! Идемте домой!

Они медленно поплелись обратно. Мы, перебежками, – впереди.

– Вот болтун, – ругала Руселика наша компания, – мало того, нам наврал, так и домашних обманул.

– Мы тоже хороши, – сказал Сашка Серебрянский, – на халяву хотели...

– Но Вовка, же говорил, что у него несколько секретных ягодных мест, мог бы поделиться, – резонно заметил Андрей Пашкевич.

– Вот и поделился! – съязвил Серебрянский.

Домой прибыли к обеду. Голодные, злые. Утешала мысль, что если только врун заикнется о заветных борах, мы ему рот – то и заткнем конкретным фактом.

ДИССИДЕНТ

Социальный и национальный состав ссыльных отличался разнообразием. Среди русских и украинцев, белорусов и татар, молдаван и латышей, по той или иной причине завербовавшихся на лесозаготовки, наибольший процент составляли в прошлом пораженные в правах люди. Это бывшие уголовники, реабилитированные и репатриированные граждане. Особая часть населения

– выпускники ремесленных училищ, практиканты институтов и техникумов. Абсолютное большинство ребят и девушек органично вписывались в многонациональный колорит поселка, не выделялись из общепринятых норм поведения. Но были и такие...

Гера Шипков, выпускник Уральского лесотехнического института, с первых дней пребывания на лесопункте стал костью в горле для большинства жителей. Все началось с фуражки. Она один в один напоминала головной убор, который носили немецкие полицаи. С длинным козырьком, накладными ушами, загнутыми вверх. Именно эта фуражка и длинные волосы, собранные на затылке в пучок, раздражали местных.

Вслед молодому инженеру нередко слышалось: «Бендеровец, проклятый! Разве может у русского человека быть имя Генрих! Нет, не может. Немецкий прихвостень он, точно!»

На выпады инженер не обращал никакого внимания. Держался обособленно. Однажды увидели на Шипкове узкие брюки. Тут же окрестили «стилягой». Эта кличка прочно закрепилась за ним. Как - то молодой человек в своем неизменном головном уборе появился в клубе. Хотел зайти в зал. Тут перед ним грудью встали

несколько парней.

– Здесь попугаев к танцующим не пускают, – без обиняков заявили они, – приведи себя в порядок!

– Да пошли вы... Больные, что ли? – Генрих развернулся и пошел домой.

Вскоре набатом по поселку прошел слух: молодой инженер ночами ловит по радио «голос Америки», слушает заграничную музыку. А что это такое сельчане представляли, по словам партийного секретаря лесопункта.

Не реагировать на явное «антиобщественное» поведение не могло и руководство. На приватную беседу Шипкова пригласили начальник лесопункта и председатель профсоюзного комитета леспромхоза. На просьбу старших товарищей изменить свое поведение тот ответил отказом. И когда ему попытались поставить в вину саботаж строительства коммунистического общества, подчеркнул, что не разделяет политику партии и правительства. Что у кукурузника Хрущева реформы – чистый волюнтаризм! Мужики аж поперхнулись от таких слов.

– Я так и знал! – загремел на весь кабинет начальник лесопункта, – вот к чему приводит преклонение перед Западом! За бендеровскую кепку Родину продаешь! На прямые работы отправлю!

– Отправьте лучше в Канаду, там леспромхозы не чета нашим.

– Василий Петрович, успокойся! О случившемся надо немедленно доложить куда следует. Пусть разбираются, – поставил точку в разговоре председатель профкома. — Но терпеть такого инженера на лесопункте нельзя!

Через пару дней в поселке появилось объявление, извещающее, что в конце недели состоится товарищеский суд над инженером Шипковым. Будет обсуждено его политически вредное поведение.

В воскресенье клуб был забит до отказа. На сцене сфинксами восседали начальник лесопункта, приехавшие на собрание секретарь райкома партии, представитель КГБ. Генрих сидел в зале в первом ряду один.

С информацией выступил председатель профкома. Он рассказал о политических вредных высказываниях обсуждаемого в отношении партийных и советских органов, заострил внимание о том,

что тот не хочет признавать ошибочность своего поведения в обществе, продолжает гнуть свою линию. Взял слово и представитель КГБ. Он остановился на происках зарубежных разведок, которые только и мечтают, как бы завербовать в помощники неблагонадежных людей.

Поступили предложение заслушать самого Шипкова. Гера вышел на трибуну, немного помолчал, затем подтвердил, что он действительно любит зарубежную музыку и слушает по ночам «голос Америки», однако не видит в этом ничего предосудительного.

– Вы знаете о том, что своим поведением льете воду на мельницу мирового империализма? – То ли констатирует факт крамолы, то ли задал вопрос бывший спецпереселенец Анатолий Корольков.

– Нет, не знаю.

– Очень плохо! Запад только и подыскивает для своих целей таких людей. Ты же готовый материал для вербовки.

– Ты поосторожней с определениями, – заступился за парня механик Саломатин. – Не вижу связи с вербовкой спецслужб и слушанием «вражеских» голосов по радио.

– Ты знаешь, что инженер издевательски отзывался о Хрущеве? – парировал Корольков.

– Ну и что?

– Как что? Например, в присутствии рабочих на нижнем складе говорил, что у Никиты Сергеевича на затылке, как у поросенка, растут волосы в обратную сторону.

В зале послышался смех.

– Товарищ выступающий, мелкие подробности здесь ни к чему, – вмешался сотрудник госбезопасности. – Давайте по существу.

– Так вот, по существу! Шипков постоянно хвалит леспромхозы Канады. Готов поехать туда работать.

– Жополиз ты, Корольков, громко крикнул из зала Николай Овсянников, чокеровщик верхнего склада. – Забыл, как последними словами крыл Советскую власть за то, что тебя, безвинного, выслали сюда? Почему при начальстве поешь по другому?

Желающих выступить было много. Как стая шакалов, терзали они молодого человека. Каждый подчеркивал свою лояльность партии, Советской власти, руководителям государства. Стремился

дать правовую оценку «отщепенцу» (так назвал Шипкова секретарь парткома Вархромеев). Генриху припомнили всё: Фуражку, брюки дудочкой, цветастую рубашку на выпуск, длинные волосы, антисоветские высказывания. Но были и такие, которые пытались встать на защиту. Всем им быстро навесили ярлыки пособников антисоветчика. Люди словно сдурели. В одночасье забыли, что все когда – то пострадали от государственного произвола.

В заключение высказался сотрудник КГБ. Он похвалил аудиторию за единое мнение, что дала достойный бой отщепенцу. Решение товарищеского суда было однозначным: направить инженера Шипкова раскряжевщиком на нижний склад. На год. Только физический труд облагораживает человека!

... С Генрихом Шипковым я встретился вначале 90-х годов. Он успешно работал генеральным директором одного из леспромхозов на среднем Приобье.

ЭХ, МОР-Р-РОЗОВА!

Телевизионные антенны у нас появились в конце пятидесятых. Телевизоры были только у нескольких семей. Они назывались КВН, и были предметом не только белой, но и черной зависти многих жителей. Поэтому, когда профком купил для клуба телевизор, мы восприняли это подарком судьбы. Не нужно придумывать предлог забежать к владельцам ценного ящика, чтоб хоть одним глазком посмотреть на голубой экран. Теперь каждый мог пойти в клуб «на телевизор».

Развлекательных программ еще не было. Вещание велось несколько часов: союзные и спортивные новости, кинофильмы. Зажились этим действием и мы, мальчишки. Вечером бросали все уличные игры и опрометью бежали в очаг культуры. От нас не требовал никто входных билетов, каждый усаживался, где хотел.

Большой, по размерам телевизор, с маленьким экраном, ставился на табурет. Вблизи рассаживались рабочие и школьники, домохозяйки и маленькие дети. Места хватало всем. Никто никому не мешал, не шуршал бумажками, не разговаривал. Все внимание – на светящийся экран.

Первый раз телевизор я увидел зимой 1958 года у соседей. Стоял он на видном месте посреди комнаты, на столе с занавешенным экраном. Хотелось, чтобы он засветился, на экране появилось изображение. Но по каким - то причинам техника не работала. Только два года спустя, в клубе, увидел, как этот «ящик» работает. В голове не укладывалось, как на маленьком стеклянном пространстве проявляются картины нашей прошлой и нынешней жизни, а диктор наблюдает за нами.

Несколько раз в неделю я бегал в клуб на «телевизор». Не смущали ни холод в зрительном зале, ни неудобства, когда зрителей собиралось больше, чем могло вместить помещение.

Незабываемым событием в жизни поселка явился показ первого многосерийного телефильма «Вызываю огонь на себя». Главной героиней там была подпольщица Морозова, к которой приставал полицаи, начиная с фразы: «Эх, Мор – р – розова». Его посмотрели все без исключения жители. Неделю с девятнадцати до двадцати часов жизнь лесопункта замирала. На улицах ни пьяных, ни празднующихся.

После фильма долгое время у мужиков была фраза: «Эх, Мор – р – розова!»

РОГОЖКИН, БЕСОНОГОВ И ДЕД ПАДЕРИН

Колоритных, по - своему интересных личностей было много. На лесопункте они появлялись с каждым оргнабором. Местные копировали их повадки, привычки, над ними посмеивались. В своем большинстве это были люди беззлобные, услужливые и одержимые. В хорошем смысле слова.

Одно время жили у нас «конструктор», «авиатор» и «геолог». Первый всем рассказывал, что вот - вот сконструирует машину – робот, которая будет замещать лесорубов на деляне. Дело осталось за двигателем, который сжигал бы не больше литра бензина за рабочий день. Так и конструировал он несколько лет мотор, пока не закончился контракт по вербовке. Уехал.

Второй – «работал» над сверхсекретным дирижаблем. Третий – все искал спрятанное золото Адмирала Колчака. По интуиции.

А вот Рогожкин, Бесоногов и дед Падерин в поселке запомнились не творческими изысканиями, а оригинальностью поведения и манерой разговаривать.

Рогожкин хотя и имел начальное образование, работал на лесопункте мастером нижнего склада. По местным меркам этой высокой должности сподобился благодаря членству в партии. Вступил на фронте. В те времена, все «партейные» при «портфеле» были. Привлекал внимание маленьким ростом, огромной плечиной на голове и суетливостью. А что представляла его речь? Это был быстрый набор нечленораздельных звуков, перемешанных матерными словами, которые понимал только он сам. На любых собраниях Рогожкин всегда просил слова и «светился» за трибуной до тех пор, пока председательствующий не начинал стучать по стакану, мол, хватит – твое время вышло.

О чем говорил мастер? Разобрать, как уже говорилось, было трудно. Но отдельные слова: «поняешь» и «ептать» слышались отчетливо. Первое слово он употреблял так часто, что в поселке его очень скоро стали называть «Поняешь»

Еще деталь, мат у мастера был «трехэтажный». Не каждый мог, например, додуматься до словосочетания «ебенахуй». Рогожкин мог!

Жизнь «Поняиша» оборвалась неожиданно. После очередного запоя, он застрелился. Для всех это был шок. Рогожкин любил жизнь. Почему сделал подобное, никто толком не знал. Многие сельчане винили в этом водку. Искренне жалели незлобивого и неугомонного человека.

Николай Бесоногов, худосочный, с солдатской выправкой мужчина. Даже в будние и праздничные дни не расставался с солдатской гимнастеркой, на которой тускло, поблескивал «иконостас» из орденов и медалей. Такого обилия наград не было ни у одного жителя. Фронтовиком был настоящим: провел в окопах не один год войны.

Как и многие воевавшие, любил выпить, выставить напоказ награды. Делал это своеобразно. После стакана водки перед собеседником обычно стучал себя в грудь, да так, чтоб медали звенели. Старался также во всех делах показывать личный пример. Первым бросался разнимать дерущихся, заступиться за слабого, оказывал

посильную помощь нуждающему.

как он подстригал!?! Это была песня. Любую мужскую прическу мог, что называется, с закрытыми глазами соорудить. Никому не отказывал.

– Война этому научила, – не без гордости говорил.

Погиб фронтовик нелепо, на субботнике. Молодежь решила возле клуба построить спортивную площадку. Устанавливалась мачта для аттракциона. Неожиданно столб начал падать. Бесоногов сразу же бросился к нему, пытаясь удержать. Не получилось. Лесина со всего размаха упала на него. Судьба.

Как оказался в поселке дед Падерин, никто не знал. Как и не знали, кем он работает. Одно время будто бы обслуживал водокачку, затем сторожил на нижнем складе. Но, ни там, ни там, в рабочие часы его никто не видел. Зато летом перед закрытием магазина всегда стоял с ведром грибов. Продавал недорого – лишь бы хватило на флакон «тройного одеколона». На замечания поселковых отвечал лаконично:

– «Тройной» – это дешево и сердито.

Что интересно, сильно пьяного деда никто не видел. Потом его, полуослепшего и больного, увезла не весть, откуда – то приехавшая дочь. И если вспоминали Падерина, то всегда подчеркивали: «Классный грибник был».

БАНКА АЛЫЧОВОГО ВАРЕНЬЯ

Поселковские любили собираться вместе. Охотно принимали участие во всех мероприятиях, проводимых руководством. Особое предпочтение отдавали выборам в Советы депутатов трудящихся. Знали, значимее политической кампании для них нет и то, что в этот день будут продавать дефицит. Поэтому с 6 утра на ногах не только избирательный участок, но и жители. Люди, едва продрав глаза, по – одиночке и группками спешили в клуб, стараясь проголосовать первыми, а значит получить возможность отовариться дефицитными продуктами в клубном буфете и магазине. Купить можно было сухое вино, шоколадные конфеты, колбасу, сгущенное молоко. После обеда этих деликатесов уже на прилавках не было.

... Клуб, как никогда, наряден. На его фасаде различные транспаранты и лозунги. Герб СССР. Торжественным выглядит зал голосования. На видном месте – портреты Ленина, руководителей Советского правительства. Оформлен «Уголок избирателя». Бросаются в глаза красивые напольные дорожки, кабины для тайного голосования, строгие лица членов избирательной комиссии. Это создает праздничную торжественность.

Проголосовав, люди – прямиком в буфет. Здесь уже яблоку негде упасть. Вокруг шум, звон граненых стаканов, подвыпившие голоса. То же самое в магазине и столовой.

К 21.00, за исключением лесника Ивана Северина, проголосовали все жители. Последний наотрез отказался выполнить свой гражданский долг: вчера его жене в магазине не досталось алычового варенья.

После долгих уговоров, лесник выдвинул ультиматум: отдаст голос только тогда, когда купит сладкий дефицит. В поселковой избирательной комиссии инцидент отнесли к чрезвычайному. Доложили в район. Оттуда поступила директива: требование избирателя выполнить любой ценой!

Тут же состоялось экстренное совещание триумvirата в лице начальника лесопункта, начальника отдела рабочего снабжения и участкового милиционера. После упорных поисков, алычовое варенье все же нашлось в подсобке столовой соседнего поселения. Через сорок минут председатель избирательной комиссии с несколькими банками злополучного варенья стоял в прихожей дома Ивана.

– Жалко, что выборы не каждый месяц, – проворчал довольный лесник, пряча принесенное в шкаф.

ОЧЕРЕДЬ

– Завтра в магазине будут продавать муку, – которой в продаже не было уже давно, по секрету сказала соседке Муська Канакова, продавщица. Та – под честное слово зятю. Тот – товарищу по работе. Через два часа страшную тайну знали все жители поселка.

Очередь стали занимать с вечера. Чтобы не замерзнуть, ночью разожгли костер, кипятили в ведре чай, вели разговоры о ско-

ром светлом будущем – нужно только потерпеть немного. С этим соглашались..., но не все.

Наша семья тоже заняла очередь. Сначала у магазина дежурила мама, потом – сестры. К утру в очередь стал я с братом, поскольку было воскресенье и не нужно идти в школу.

Возле магазина появилась Верка Тарасова, местная скандалистка и матерщинница.

– Кто последний?

– Все первые сегодня, – съязвил старик Пантюхин.

– Помолчи, пердун старый, не осталась в долгу Верка. – Спрашиваю: кто последний!?

– Я, – отозвалась Люська Поливцева.

– За тобой буду!

– Сейчас вся очередь переругается – Верка появилась, – заметила тетя Феня, техничка из конторы.

Как в воду смотрела баба! Не прошло и часа, и Тарасова уличила соседку в том, что та, якобы, не стояла в очереди.

– Я ее утром дома видела! Не могла она оказаться впереди меня. – Стала оттеснять ее с крыльца магазина.

– Уйди, стерва! – заорала соседка, – чай домой пить ходила. Как и все, всю ночь простояла. Подтвердите, люди.

– Вроде стояла, – неуверенно проговорил дед Пантюхин.

– А-а-а, стояла... вроде, – не отступала Тарасова, – значит, не было!

– Да перестань, Верка, морочить людям голову, – ввязались в склоку бабы с лесозавода. – Уйди.

– Что значит – уйди! Я за справедливость.

Постепенно нашлись сторонники и противники скандалистки. Ругань набирала обороты. Вспомнили «добрым словом» всех, кто любил отовариваться без очереди.

– Муська идет! Магазин сейчас откроется.

Взвинченная ночным бдением, толпа ринулась в помещение. В мгновение ока меня внесли в магазин и придавили к прилавку.

– А-а-а, – невольно вырвалось.

– Ребенка задавите!

Толпа замерла, но уже через секунду вновь так сдавила, что дыхание остановилось. Увидев мое состояние, стоящий рядом муж-

чина, стал расталкивать очередь.

– Выпустите мальчонку на улицу!

Не помню, как оказался на крыльце магазина. Болели ребра и голова. Подошла мать и увела домой.

Муки в тот день хватило не всем. Растрепанные и злые бабы расходились по домам, на чем свет костеря неизвестно кого.

БАБКА – ПЬЯНИЦА

В нашем поселке все работающие мужики много и с удовольствием по выходным пили. Стаканами. То ли тяжелый физический труд тому способствовал, то ли суровые климатические условия Северного Урала. В эти тонкости никто не вдавался. Но стиль жизни у многих выработался такой: в воскресный день никак нельзя без бутылки водки. А там как карта ляжет. Ложилась она всегда в масть. За первой бутылкой следовала вторая, третья...

Начальство не делало из этого трагедии. Знали, все без исключения рабочие завтра выйдут на работу, причем, каждый будет трудиться по – стахановски. Но при всей многообразной тяги к спиртному, сельчане не любили алкоголиков, всячески их осуждали. Поэтому появление в поселке вечно пьяной пожилой женщины, не осталось незамеченным.

Любопытные навели справки. В списках рабочих, приехавших по вербовке, она значилась под фамилией Пичугина. Оформлена истопником в конторе. Занимала маленькую комнатку в бараке для семейных. Более подробных биографических данных узнать не удалось.

Местные видели утром бабку, когда шла на работу и вечером, когда покупала в магазине бутылку водки. Так было ежедневно. Люди душещипательных разговоров с ней не вели, по возможности, сторонились. Не пристало с пьющими женщинами заводить дружбу. Через полгода Пичугина примелькалась, к ней привыкли. Наиболее языкастые приклеили кличку «бабка – пьяница». На это она не обижалась. При встрече, если была навеселе, всем улыбалась и грозила пальцем невидимому собеседнику.

В день полочки бабка была щедра. Угощала выпивкой всех.

Действо обычно происходило перед закрытием магазина. У прилавка появлялась Пичугина в расстегнутой фуфайке и хрипло командовала:

– Продавец, всем, кто тут есть желаю налить по стакану пиздянского! – Так пренебрежительно она называла «Советское шампанское»

– Пять бутылок хватит? – Выставляла на прилавок продавщица.

– Может, хватит, а может, и нет! Как Бог подскажет. Но давай пока столько.

Женщина брала бутылки в охапку и ставила на пол. Затем вынимала несколько стаканов и раздавала желающим. Вскрыв емкости, наполняла тару. Некоторые из присутствующих отказывались от угощения, но большинство пило с удовольствием. За здоровье! Свое и бабка – пьяницы!

Чем еще запомнилась она? Своей матерщиной и трудолюбием. Раньше всех зимой вставала и шла на работу.

– Бабка – пьяница уже раскочегарила печки, – говорили люди, показывая на дымы из труб административного здания лесопункта, первые во всем поселке.

Летом Пичугина работала уборщицей, выполняла, выполняла обязанности курьера. Друзей у нее по-прежнему не было, никто с ней водиться не хотел, хотя отдельные граждане с удовольствием откликались на ее предложение распить вечером бутылочку «пиздянского».

Простился народ с бабкой – пьяницей в феврале. После аванса. Она выпила лишнего и, не рассчитав силы, замерзла по дороге в барак. Помочь ей никто не смог. По темну в поселке не ходили.

КЛЯТВА НА ВЕРНОСТЬ

– Наш вождь, товарищ Сталин, тяжело заболел, – сказала на уроке учительница. – Об этом сообщили по радио, написали во всех газетах.

– А вожди разве болеют?

– Конечно, дети, болеют! – Октябрина Ивановна маленьким

платочком вытерла слезу.

Через два дня в школе объявили траур. Умер вождь всех стран и народов Иосиф Виссарионович Сталин. Хотя занятия в школе и были отменены, домой никого не отпустили. Все находились в классе. Октябрина Ивановна с девочками плакали. Нам, пацанам, было жалко вождя, но как – то со слезами не получалось. Наоборот, настроение было приподнятое – ведь сегодня свободный от учебы день.

Октябрина Ивановна раздала чистые тетрадные листки.

– Дети, – обратилась она. – Сейчас каждый из вас напишет клятву верности заветам нашего вождя Иосифа Виссарионовича Сталина. Вы должны пообещать, что будете учиться не только на четыре и пять, но и быть достойными продолжателями его славных дел.

– А что если в делах я не смогу быть похожим на товарища Сталина? – задал бестолковый вопрос Витька Ефименко.

– Значит, предашь его и имя? – сказала Октябрина Ивановна, – с таким учеником нам не по пути. Правда, дети?

Мы молчали, так как не понимали, что означает «быть продолжателями славных дел вождя» и что такое «не по пути».

– Давайте пишите! – оборвала «дискуссию» педагог.

Через полчаса мы положили ей на стол свои клятвы. В них добросовестно написали все, о чем просила Октябрина Ивановна: об отличной учебе, примерном поведении, активной работе в деле построения коммунизма. Наши листки она аккуратно скатала в рулончик и перевязала красной ленточкой.

– Ваши клятвы будут храниться в учительской за портретом Иосифа Виссарионовича Сталина. Теперь он будет знать, как вы выполняете его заветы.

Было как – то жутковато от таких слов, хотелось спросить, как вождь будет следить за нами, но тут прозвенел звонок.

Прошел год. Наши клятвы Сталину стали забываться, да и учительница о них не вспоминала. Через восемь лет был развенчан культ личности Сталина. Его портрет кто – то забрал домой, а с ним и наши клятвы, аккуратно перевязанные красной ленточкой.

БЕРИЯ ВЫШЕЛ ИЗ ДОВЕРИЯ

Прошел слух, что в Москве разоблачена шпионская группа. Возглавлял ее главный начальник чекистов и милиции Лаврентий Берия. Одни жители связывали это событие с улучшением политической обстановки в стране и искренне радовались, другие – наоборот, никому и ничему не верили: слишком много в жизни хлебнули лиха.

Мы, мальчишки, также охотно обсуждали необычайную новость. Особенно нам было по душе, когда узнали, что «врагов народа» разоблачил соратник Сталина Маленков. Ведь его именем после смерти вождя мы часто клялись.

Вскоре появилась частушка, которую ребятня декламировала с удовольствием:

Берия, Берия
Вышел из доверия,
А товарищ Маленков
Надавал ему пинков

Кто сочинил эти строки, мы не знали. Спустя много лет, рассказал данную историю товарищу, с которым жил уже за много тысяч километров от своей малой родины. Оказалось, что и в его деревне после смерти Сталина эта частушка была в моде у детворы. Народная классика!

КОННЫЙ ДВОР

Он стоял на окраине домов, недалеко от железнодорожной ветки. Привлекал внимание высоким побеленным забором, за которым проглядывались добротные строения из бруса и огромные скирды сена. На фоне черных низкорослых бараков и частных домов конный двор выглядел светлым пятном на все пространстве.

Территория считалась зоной санитарного контроля, поэтому туда зайти мог не каждый житель поселка. Однако детворе это не касалось. Мы знали заветную дыру в заборе, без особого труда с горбушкой хлеба в кармане проникали к стойлам лошадей.

У каждого животного был свой рацион. Например, лошади,

занятые на трелевке и погрузке леса, овса получали больше, чем те, которые работали на хозяйственных работах. Их пацаны жалели, при первой возможности подкармливали. Кони привлекали своей силой, чистотой, благородным нравом. Не было случая, чтобы какая-нибудь лошадь укусила или ударила копытом.

Без боязни быть выгнанным с территории конного двора, часто навевались с ним, когда на смене был старый конюх Миша Кульматов, репрессированный в прошлом узбек. Мне казалось, что любил он только лошадей и детей. Нередко зимой зазывал в дежурное помещение погреться. Там было тепло, вкусно пахло подгоревшим хлебом. Это, наверное, потому, что на раскаленной плите всегда жарился овес. Им он нас, вечно хотевших есть пацанов, щедро потчевал. Мы шелушили поджаренное зерно, охотно жевали.

До сих пор в памяти остался запах конского пота, жареного овса и раскаленной плиты в дежурке конюха.

ВИТЬКА – С ГАРМОШКОЙ, ВОВКА – С ГРАНАТОЙ

Братья Витька и Вовка Туркины среди населения были на слуху. Это оттого, что в делах и поступках продвинутые были. Первый, ладно скроенный крепыш, по воскресеньям ходил по поселку с гармошкой и пел под ее аккомпанемент заунывные песни. В дни же государственных праздников с клубной сцены декламировал Маяковского. Читать стихи «глашатая революции» в концертных программах по тем временам доверялось не каждому. Туркину – старшему секретарю парткома леспромхоза разрешил это делать персонально: как – никак учился в летном училище, поступал в институт. Правда, потом что – то не заладилось – вернулся домой. Одним словом, Виктор слыл человеком образованным. Хотя и со странностями.

Младший, Вовка, с детства бредил найти клад и на вырученные деньги построить танк. Затем, отправиться, на нем служить в армию. Клад, естественно, не нашел, но вот противотанковую гранату из чурки выпилил классную. С ней он практически не расставался. Брал с собой даже тогда, когда ходил на болото за клюквой.

А как подрывал он воображаемые танки противника! Это было почище спектакля. Вовка, затаивался в канаве, и подолгу лежал в ней, поджидая условного противника. Наконец, тот появлялся. Туркина – младшего не смущало, что «танком» могла быть, например, корова или коза. Хлебовозка или велосипедист. Юркой ящерицей он подбирался к объекту и с криком «ура», «за Сталина», бросал «противотанковую гранату». Не раз за это Вовка был бит мужиками и бабами, однако со своим увлечением распрощаться не хотел

– Смотрите, Вовка Туркин опять вражеский танк выслеживает, – говорили глазастые соседки, показывая в сторону односельчанина, который изготовился в кустах к очередной атаке.

Через два года он уехал в районный центр учиться на автослесаря. Вернувшись, работал кочегаром на паровозе, затем – в гараже. В армию Вовку, к сожалению, не взяли по состоянию здоровья. Детское танковое увлечение со временем, переросло в страсть к мемуарной литературе о войне. Любому знакомому обязательно навязывал разговор о войне, мог часами вести монолог, о каком –нибудь танковом сражении в годы Великой Отечественной войны. Это не всем нравилось, многие сразу старались отделаться от такого собеседника. Демонстрируя свое отношение к оратору, сельчане вертели пальцем у виска. Мол, не в себе парень!

Старший же Туркин, по – прежнему, по выходным ходил по улице с гармошкой, распевая песни. В дни праздников продолжал читать со сцены стихи Маяковского.

С ТОМИКОМ МАРКСА ПОД МЫШКОЙ

Рабочий клуб был единственным местом, где по выходным дням, вечером, собирался поселковый народ. Здесь работала библиотека, красный уголок, танцплощадка. Люди среднего возраста обычно занимали помещение библиотеки и красного уголка. Они играли в шашки, на бильярде, вели споры о житье – бытье.

Молодежь толпилась на танцплощадке. Звучали «Рио - рита», «Бесемэ - муче», «Аргентинское танго». Парни и девушки без устали танцевали. Всем было весело и легко. Люди отдыхали от тяже-

лой физической работы за неделю.

В середине вечера возле клуба обычно появлялся Леонид Корнеев, молодой человек лет 30-ти. В шляпе, сером френче, тщательно начищенных хромовых сапогах. На фоне молодежи, ходившей в вельветовых куртках, фуражках, кирзачах, он выглядел начальником, хотя работал на железной дороге бригадиром путей. Еще солидность Леониду придавал объемистый том «Капитала» К. Маркса, который держал под мышкой.

С загадочным видом пять – десять минут Корнеев стоял возле танцплощадки, разглядывая молодежь: будто ни с кем не знаком, затем появлялся в библиотеке и ждал, когда наберется побольше народа. Тогда с важным видом подходил к библиотекарше и громко говорил:

– Людмила Дмитриевна, спишите с меня первый том «Капитала». Знаете, запоем прочитал. Очень полезное для молодежи издание. Попрошу второй.

Говорить Корнеев старался так, чтобы его слышали окружающие. А если еще и видел, что к разговору прислушиваются присутствующие, его прорывало. Начинал сыпать иностранными терминами, экономическими определениями и еще Бог знает чем.

Старалась показать свою начитанность и библиотекарша, бывшая десятник нижнего склада.

– Обязательно порекомендую эту книгу подрастающему поколению, - ворковала она, - капиталистов нужно знать изнутри. Недавно вот прочитала сталинскую работу о языкознании. Потрясающая вещь!

– Знаком, знаком с этим сочинением, – мужчина многозначительно посмотрел на Людмилу Дмитриевну.

Все. Кто находился в библиотеке, с интересом прислушивались к разговору.

– Люди начитанные – сразу видно, – с завистью сказал, игравший в шашки Николай Ладейщиков, - были бы все такие, может и пьянства стало меньше.

– Знамо дело, поубавилось бы пьяниц, поддержали товарища остальные.

– К следующему выходному постараюсь добить второй том «Капитала», - проговорил опять громко поклонник Карла Маркса

девушке, – готовьте третий...

– Далеко пойдет у нас Леонид, – улыбнулся Ладейщиков, как только за активным читателем закрылась библиотечная дверь.

К сожалению, сельчанам не удалось проследить дальнейшую судьбу Леонида Корнеева. Неожиданно женившись на библиотекарше, уехал из поселка. Но помнили его еще долго. Ведь как выяснилось, только он брал для чтения «Капитал», хотя никогда не цитировал из него выдержки.

БОСТОНОВЫЙ КОСТЮМ

Леспромхозовские мужики и бабы жили от получки до получки. Зарплаты низкие, подсобного хозяйства были только у небольшой части населения, семьи многодетные. Поэтому справиться, скажем, более – менее приличное пальто или костюм для большинства было событием. Вначале нужно было накопить необходимое количество денег. Потом в один из выходных, побегам по комиссионным магазинам и местному рынку в поисках нужной вещи. Повезет – купишь. Нет – вернешься ни с чем. После войны в отделах рабочего снабжения кроме ширпотреба ничего выдающегося не купить.

... Семья Кости Семеняка, вальщика леса, на отпускные деньги купила на рынке костюм. Красиво пошитый. Бостоновый. Через день весь поселок знал об этой обнове. Многие соседи перебивали в доме Семеняков. Цокали языками, завидовали: не всем позволял достаток приобрести такую вещь.

Население поселка – люди рабочие. Так, что «парадную» одежду надевали обычно по случаю государственных праздников и Нового года. Остальное время ходили. В чем придется. Кто носил спецовку, кто домашнюю робу, кто и военной формой обходился. У бывших фронтовиков она к тому времени еще сохранилась.

Свой бостоновый костюм Костя надел по случаю Первомая. Прошелся по улицам, зашел в магазин, клуб. Все, с кем встретился. По достоинству оценили его обнову. После обеда с женой отправился к соседу. Попраздновали на славу. К вечеру пошли домой. И хотя выпито и съедено было много, проходя мимо магазина, Костя

попросил жену купить бутылку «зубровки».

– Обойдешься, итак целый день пил в три горла, – бросила она мужу. Костя обиделся:

– Не купишь?

– Не куплю!

– Пожалеешь!

– Еще чего!

И тут Семеняк неожиданно прыгнул с тротуара.

Пошатываясь, подошел к

луже, которая рыжим пятном блестела рядом.

– Купишь «зубровку»? – еще раз спросил он жену.

– Нет!

– Тогда смотри! – Костя решительно шагнул в грязь.

– Ты что делаешь, ирод! – закричала баба. – На тебе же новый бостоновый костюм.

– Ну и пусть! – Семеняк сделал еще несколько шагов вперед.

– Купишь?

– Ни за что!

– Хорошо! – Костя присел на корточки, – если не купишь бутылку, сяду в костюме в жижу. В гробу я видел твой бостон, – предупредил он жену.

– Люди, посмотрите, как этот изверг издевается надо мной! – заорала на всю улицу женщина, – Все отпускные деньги истратили на костюм, а он – на тебе – враз изговнять хочет!

Возле Семеняков стали собираться люди. Одни подбадривали Костю, мол, не сдавайся, держи марку. Другие, наоборот, осуждали его поступок.

– Костян, будь мужчиной! – кричали мужики.

– Изверг! – орала супруга: и не выдержала, – не садись, дома есть «зубровка»!

– Поздно! – мужик лег в лужу.

– Молодец, Костян! Так надо учить баб.

Жена завыла в голос. Нахохотавшись вдоволь увиденным

спектаклем, все стали расходиться по домам. Семеняк истуканом сидел в луже.

– Вылазь! – женщина шагнула в грязь, стала тащить его за рукав.

– Уйди! Терпеть ненавижу!

Костя с трудом поднялся и, не отряхиваясь, побрел домой. С бостонового костюма струйками стекала жижа. Чуть позади, причитая, семенила жена.

КОЛЬКА КНИГУ ПИШЕТ

Очкарик Колька Нестеров из многодетной семьи. Ему тринадцать лет. Учится средне. Если с математикой у него дела шли так себе, то с русским языком – одни проблемы. В - первых, писал как курица лапой: мелко и буквы не разберешь. Во - вторых, с орфографическими ошибками. В - третьих, не признавал знаков препинания. Учительница с ним замучилась. Не раз вызывала в школу родителей. Но отец вечно был на работе, а мать из – за домашних дел даже на час не могла оставить хозяйство и малолетних детей. Колька знал, мать или отец в школу не придут, поэтому не очень – то и расстраивался, когда Марья Павловна в очередной раз обязывала привести их в школу.

Особых талантов у Нестерова не было, тем не менее, он старался выделиться в нашей школьной среде, подчеркнуть свою значимость. Если ходил в лес, обязательно с отцовской одностволкой (в тайне брал ружье). Ну а в ребячьем кругу, когда речь заходила о занимательных историях, приписывал себе героические поступки, которые не совершал. Особенно гордился баяном, по случаю купленным отцом в городе. Такого музыкального инструмента жители не имели. Был, правда, клубный, но доступ к нему имел только Ленька Криони, местный музыкант. Но тот брал баян в руки только, когда молодежь просила поиграть на танцплощадке, да по государственным праздникам, аккомпанируя поселковскому хору.

Научиться играть на баяне Колька хотел страстно. Часами сидел на завалинке с инструментом, подбирая мелодии песен. К сожалению, ввиду отсутствия музыкального слуха, фальшивил.

Молодого баяниста это не смущало. В присутствии ребят, по обыкновению, вдохновенно рвал меха, и тогда писклявые звуки издаваемые баяном раздавались далеко окрест.

Однажды ему дали ноты. Но как ими пользоваться, не научили. Показали только на басовых регистрах ноту «до», которая помечена рисками. Нестеров – младший с гордостью демонстрировал перед нами эту ноту, как ее находит на ощупь, и с удовольствием басил, растягивая меха. Через пару лет он осилил музыкальную грамоту, но разучить нормально песню по нотам так и не научился.

Колькина мать, добрая и доверчивая женщина, самозабвенно любила своих детей. Редко наказывала за проступки. Этим иногда пользовался мой одноклассник. Например, многие свои школьные прогулы объяснял матери просто: занимался по арифметике с товарищем у него дома. Дополнительно. Или: читал сказки Пушкина в клубной библиотеке – задавали в школе. Для родительницы этих объяснений было достаточно, она хвалила сына за усердие. Этой радостью при случае обязательно делилась с соседками.

Как - то балуясь, Колька разбил стекло в школе. Учительница, выставив его за дверь, пригрозила, если родители не придут, не допустит к занятиям. О случившемся Нестеров, конечно, никому ничего не сказал. На вопрос матери, почему ошивается дома, когда все дети в школе, без тени смущения ответил:

– Освободили от занятий. Поручили написать книгу о войне.

Мать сначала засомневалась в искренности слов сына, но увидев, что Колька вот уже несколько часов усиленно что - то пишет, успокоилась: не врет. Главное, без дела не болтается.

Целый день отрок не выходил из дома. Это заметили даже вездесущие кумушки. Никто у них по заборам не лазил, кур не пугал, ягоды с кустов не обрывал.

– Где твой пацан? – поинтересовалась одна из них, – что - то его не видно.

– Как где? Книгу пишет.

– Надо же! Раньше не замечалось в нем таланта писарчука, – не без иронии удивилась та. На второй день о писательской деятельности нашего одноклассника стало классному руководителю. Она пришла к Нестеровым домой. Но застать Кольку за письменным столом не успела.

– Ушел на рыбалку, - сказала мать, – будет обдумывать очередную главу книги, которую вы поручили ему написать.

... Как развивались события дальше в доме Нестеровых, неизвестно, но через несколько дней разбитое стекло в классе было вставлено, А Колька какое - то время был даже в числе примерных учеников.

СТАРСТЬ ПОНЯТИЕ РАСТЯЖИМОЕ

Вы замечали, что с годами ваши временные оценки происходящего с возрастом меняются? Заметили? Я тоже. Сейчас, когда мне шестьдесят, семидесятилетние уже не кажутся очень старыми. Хотя в десятилетнем возрасте семнадцатилетние, казались взрослыми. В двадцать – люди, которым было под пятьдесят, для меня казались пожилыми и нудными. К чему я об этом.

... В нашей детской компании случилось несчастье. От сердечного приступа прямо на работе умер отец Женьки Дряхлова. Горе друга было нашим общим. Как могли, утешали. В разговоре с ним кто – то сказал:

– Не плачь, слезами не вернешь. Да и старый он уже был.

Все молчали, мысленно соглашаясь. Отцу Женьки было тогда тридцать шесть лет. Для нас семи – восьмилетних это была старость.

МУЖ ДА ЖЕНА – ОДНА САТАНА

Витька Кошелев пьяный заснул в железнодорожном тупике на рельсах. Ночью туда поехал паровоз за груженным полувагоны лесом. Машинист не заметил лежащего человека, и в результате тому отрезало обе ноги ниже колен. Боль, стресс со временем прошли. Остались, как память протезы. Кошелев быстро их освоил и неплохо передвигался, опираясь на палку.

Позже он женился на девушке из Белоруссии. Та приехала вместе с матерью (по слухам , активной партизанкой) на заработки. Прижились друг к другу. Вначале жили тихо и скромно. Затем люди стали замечать, что чета частенько бывает «под шефе». При чем, жена мало в чем уступала мужу. А где пьянка, там ругань, рев-

ность, драки.

Однажды, мы с группой «корешей», слонялись по улицам, не зная чем заняться. Навстречу попались Кошелевы в обычном уже для всех состоянии алкогольного опьянения, споря между собой. В пылу полемики Люська (так звали женщину) сильно толкнула Мужа в грудь. Тот со всего маху рухнул на спину. Видимо сильно ушибся и на несколько минут потерял сознание.

– Ты, что делаешь, возмутился я, Он же без ног!

– Тоже мне заступник нашелся, – поперла на меня баба.

Видя ее агрессивность, подогретую спиртным, струхнул. И чтобы не получить такой же тычок, как поверженный на землю Витька, схватил ее за руки, пытаясь оттащить в сторону.

В это время очнулся безногий – узрел, что какой - то парень «лапает» его жену. Поднялся с помощью ребят на протезы и, подойдя к нам, залепил мне сильную оплеуху. Не успел я обидеться, как с другой стороны Люська, у которой руки освободились, врезала тоже. Поняв, что сейчас они всерьез возьмутся за меня, позорно отступил. А только что ругавшиеся супруги, обнявшись, подались домой.

Долго я обходил эту семейку стороной. Долго еще надо мной подсмеивались друзья. Мама же, узнав о происшествии, заметила:

– Муж да жена – одна сатана.

С годами часто убеждался в этом и в семейные конфликты чужих людей не вмешивался.

ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР

Был у нас дед Пелевин. Сколько ему лет никто точно не знал: говорили, что воевал еще в первую мировую войну. Ходил босиком в любую погоду, но в телогрейке и шапке. Еще дед Пелевин никогда не брился, поэтому борода у него была густая, длинная, практически закрывающая все лицо и белая.

Любил он выпить. В день выдачи пенсии покупал две чекушки водки, которые в народе называли «мерзавчиками». Одну выпивал дома. В карман телогрейки ставил вторую и выходил на улицу беседовать с людьми. Причем, был всегда в гимнастерке, на которой поблескивали Георгиевский крест и две медали «За отва-

гу». Поверх ее неизменная телогрейка. Надета она была так, чтобы были видны награды.

Путь традиционный – до продовольственного магазина. По дороге останавливался с каждым встречным и беседовал. Дойдя до конечной цели, укрывался в укромном закутке на задворках, где принимался за вторую чекушку. Мы, пацаны, любили наблюдать за дедом, как не спеша он снимал шапку и клал ее на землю. Доставал из кармана «мерзавчик», ставил рядом. Из другого появлялся хлеб, репчатый лук, спичечный коробок с солью, соленый или свежий огурец. Спиртное принимал только из «горла». Брал корочку хлеба, макал лук в соль: жевал. После второго глотка откусывал огурец, после третьего опять хлеб с луком и т.д. Когда в четвертинке оставалось на пару глотков, затыкал ее бумажной пробкой, прятал в шапку. Оставшуюся закуску заворачивал в обрывок газеты, клал опять в карман. Некоторое время мурлыкал под нос какую – то песню, затем ложился на землю, положив под голову шапку, в которой были остатки водки, и засыпал.

Сколько раз мы пытались выкрасть чекушку из шапки, но увы... Даже будучи очень пьяным, дед Пелевин никогда не терял бдительности. В самый последний момент он просыпался и, незлобно ругаясь, отгонял нас приговаривая:

– Ну, варнаки, что надумали! Старого кавалера обворовывать. Не выйдет!

Допивал остатки и возвращался домой.

НЕМОЙ

Правильнее было сказать глухонемой. Его жена тоже страдала этим заболеванием. Зато их дети – две девочки – были очень разговорчивые. Одна из них, Дашка, училась со мной в одном классе. Единственное, чем она отличалась от остальных девчонок, так это стрижкой под «Котовского». При этом запах дуста постоянно исходил от ее головы, повязанной платком. Таким образом, мать боролась с проблемой тех лет – вшивостью.

«Немой» работал водовозом. На лошади, запряженной в телегу с большой бочкой, возил воду в детские сады, школы, больницу и т.д. Кроме того, весной его приглашали пахать огороды под кар-

тошку: лошадь – то была за ним закреплена постоянно.

Однажды отец пригласил его помочь нам вспахать картофельное поле. Дело было весной 1961 года. Только что прошла деноминация рубля: поменяли купюры и уменьшили в десять раз их достоинство. Так десятка стала рублем. Появились монеты, того же достоинства.

Откуда у моего родителя оказался металлический «рупь», не знаю. В ходу еще были старые деньги, о новых мы только слышали по радио. Но он расплатился им, с «Немым», который закончил пахать. Ведь обычной платой – выпивкой с закуской было трудно рассчитаться: надо было в процессе обеда беседовать, что согласитесь, весьма затруднительно с глухонемым.

Как радовался, необычной для него монетке пахарь, не передать словами! Он пробовал ее на зуб, внимательно рассматривал рисунки на обеих сторонах и ребре, сравнивал со старыми монетами. При этом заразительно смеялся и похлопывал себя по ляжкам от избытка чувств.

Мне запомнился «Немой» и в другой ситуации. Как – то раз пока сливалась вода из бочки в школьный титан, кто – то запачкал его чернилами. «Немой» заметил это, когда вымазал руки о титан. Разгневанный выскочил из бойлерной и ... первого кого увидел, был ваш покорный слуга, который спокойно возвращался в класс с улицы. Лицо у него было искажено страшной гримасой, сопровождавшейся визгливыми звуками. Схватил за шиворот и измазал мне лицо чернильными руками. От неожиданного нападения я совершенно не сопротивлялся. А водовоз, жестикулируя руками и что – то мыча, сделав, как он видимо, думал правое дело, толкнул в спину так, что я кубарем покатился по школьному коридору.

Вот такой был «Немой»: наивный, эксцентричный, грубый, непосредственный. Кстати, фамилия его – Якимов, но об этом мало кто помнил в поселке. Все звали по прозвищу.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Ее звали Нина Юрпалова. Учились мы с ней с пятого класса вместе. Она была обыкновенной белобрысой девчонкой. Почему запала в душу? Почему встречаясь с ней, холодело в груди, и я на-

чинал вытворять всякие глупости? Объяснялось просто – я влюбился своей первой ребячьей любовью. Из – за нее добился перевода в параллельный класс, в котором училась она. Стал «хорошистом», чтобы не было стыдно перед своим кумиром. Даже попросил классного руководителя посадить к ней за парту. Слава Богу, та поняла мое состояние и не возражала. Вот так учился, страдал и любил до окончания школы.

Нельзя сказать, что Нина не догадывалась о моем чувстве. Наверное, да, потому что периодически получала записки влюбленного балбеса. В них я предлагал ей дружбу и приглашал то в кино, то на школьный вечер, то просто погулять вечером. На большее смелости не хватало. Нина иногда соглашалась на эти предложения. Во время встреч почему – то в основном молчали или перекидывались незначительными фразами, просто гуляли. Тогда это выглядело странно, хотя объяснялось просто: были молоды, неопытны и целомудренно честны.

Окончив школу, наши пути разошлись, как оказалось навсегда. Моя первая любовь уехала в Восточную Сибирь, я – учиться в техникуме на Урал. Прощаясь, мы не сказали ни слова. Просто смотрели, не отрываясь друг на друга, пока не подошел поезд. Она села в вагон и уехала.

Затем были редкие письма. Не часто. Но они связывали нас чем – то особенным, сокровенным, одновременно информируя о своем житье – бытье, радостях и проблемах.

Прошло двадцать лет. Я работал в газете в Западной Сибири. И все эти годы не забывал о своем светлом чувстве к той девчонке, хотя уже был женат и имел двоих детей. А однажды, после большого перерыва, пришло письмо от Нины. Обыкновенное. В нем рассказывала о

своей жизни, семье, детях, муже. Говорила, что есть возможность встретиться на Урале – едет в отпуск к подруге детства.

Но самой сенсационной новостью для меня была концовка письма: «Только сейчас, спустя двадцать лет, могу признаться, что всегда любила того мальчика, который сидел со мной за одной партией. Тогда же стеснялась признаться в этом. Да и он тоже никогда не говорил мне о любви. Почему?»

...Судьба не позволила нам встретиться. Известие о том, что Нина приехала в Свердловск, шло до меня слишком долго. Я попросту опоздал.

Шло время. Я часто вспоминал о своей первой любви. Но о встрече уже не мечтал. Представлялось, что увижу чужую женщину, с которой кроме разговора о детстве, говорить будет не о чем, что двадцать лет это большой срок, который мы прожили совершенно по-разному. Боялся, что образ той девочки из детства при встрече рассыплется как карточный домик.

СМЕРТЬ ФРОНТОВИКОВ

Они жили по соседству с нами: муж и жена. Появились в поселке после Великой Отечественной войны. Молодые, красивые, в военной форме. На которой рядами красовались ордена и медали. Работали в лесопункте как все.

Однажды муж уехал в районный центр. Пробыл там несколько дней. Вернулся поздно вечером домой. А наутро их нашли мертвыми. Одеты были в ту самую военную парадную форму со всеми наградами на гимнастерках.

...Он вначале застрелил супругу, а затем себя. Хоронили всем поселком. Мы, ребяташки, несли на подушечках их ордена и медали до самого кладбища.

Спустя время поползли слухи, что мужа вызывали в НКВД. Как было на самом деле, никто так и не узнал. Но финал поездки еще долго обсуждался людьми.

ПИОНЕРСКИЙ ГАЛСТУК

Нас приняли в пионеры в третьем классе. Готовились к этому событию основательно: изучали биографию Ленина, Павлика Морозова – пионера героя, продавшего своего отца работникам НКВД. Про него усатый генералиссимус сказал: «Ну и сволочь этот Павлик, но нам нужны такие Морозовы для воспитания подрастающего поколения». Заучивали пионерский гимн, пели песни, учились ходить строем с барабаном и горном.

Все искренне волновались: примут или нет? Обошлось – нам повязали красные галстуки. Гордые и довольные разгуливали по школе, чтобы было видно - мы пионеры.

... Через неделю Юзик Кочинский по кличке «Зюта» пришел в класс без галстука. Это было ЧП.

– Почему? – поинтересовалась пионервожатая.

– Зинка сжевала, – опустил голову Зюта.

– Как, она же хорошая девочка, не балованная, – удивилась предводительница пионеров, считая, что мальчик говорит о своей сестре – второкласснице Зинаиде.

Глупая, она не знала, что точно так же звали их козу, которой очень понравился галстук, подсыхавший после стирки на веревке.

С ОРЛОМ «СОСТАВОМ!»

Увлечения детворы в 50-ые прошлого столетия менялись с завидным постоянством. В течение лета, например, до тошноты успевали наиграться в футбол, городки, лапту. Находили время также сходить в лес за ягодами, позагорать и покупаться в речке. Одним словом, ничему и никому не отдавали особого предпочтения. И все же, однажды наши летние каникулы оказались заложниками нового веяния – появились игры на деньги. Не помню сейчас, кто ими «заразил», но знаю точно: азартнее игры еще не было.

С утра до вечера группками уединялись по укромным местам. И без усталости бросали небольшую железную шайбочку в кучку монет. Игра называлась «чика». В чем ее смысл? В том, чтобы попасть в столбик с монетами. Или так бросить железку, чтобы она

максимально близко упала от него. Игроку в этом случае давалась возможность бить «битой» по кучке мелочи. Деньги считались выигранными, если монеты переворачивались на «орла».

Еще деталь. Случалось, от меткого броска шайба попадала в столбик с деньгами. В этом игроку надо было в долю секунды прокричать: «С орлом составом!», чтобы опередить соперников. Тогда «снайпер» имел право собирать монеты в кучку и вновь ударить по ней, опустившись на одно колено. Не успел первым «застолбить» – переворачивай монеты на «орла» по одной. В любом деле, как и в игре на деньги, есть мастера. Таким среди нас был Андрей Пашкевич, подросток, с вечно тлеющей сигаркой в зубах. Отца у него не было. Мать, постоянно пропадала на работе. Поэтому за подростком присмотра никого. Хотел Андрей – ходил в школу. Не хотел – прогуливал. Но время зря не терял. За банку варенья, например, охотно мастерил арболеты и поджиги, так сказать, со знаком качества.

Нравилась в его характере настойчивость: за что бы ни брался, всегда добивался совершенства. Так и «чикой». За несколько недель виртуозно отработал технику игры, что уже мало кто из пацанов стали годиться ему в соперники.

Что только мы не предпринимали, чтобы не дать себя обыграть. Тренировались, коллективно обсуждали промахи и ошибки в игре, организовывали даже «заговоры». Например, один из игроков мешал Пашкевичу прицельно бросить «биту». Это, правда, помогало, но не всегда. В итоге все равно наша мелочь перекочевывала ему в карман.

Однажды Васька Канаков отлил нам несколько «бит» из свинца. Они приятно холодила ладонь, были увесистыми, а значит, по нашему общему разумению, «прицельными». Играть договорились каждый своей шайбой.

– Теперь Андрюха не должен в чистую нас обыграть, – рассуждали мы, – у него «бита» легче.

На кон было выставлено рубль шестьдесят копеек. Все монеты по двадцать копеек. С расстояния десяти метров кучка денег поблескивала завораживающе. Бросили жребий. Первый бросок достался Олегу Корягину. Среди нас он был лучшим игроком. Бывало, на равных играл даже со старшими ребятами. Не всегда усту-

пал и Пашкевичу. Олег пару раз присел, сделал несколько круговых движений руками, разминая суставы. Прицелился и с глубоким выдохом метнул «биту». Сделав плавную траекторию, свинец мягкого приземлился впереди осевой линии, на которой стоял столбик мелочи. Кинулись к кону. Расстояние до денег составляло несколько сантиметров. Молодец!

Бросили свои «биты» и мы. Но никто не смог попасть в кучку монет. Поэтому очередность распределилась, как говорится, по ранжиру. Долговязый Ленка Мусатов был вторым, за ним – Сашка Серебрянский, потом я и Колька Нестеров, Андрей Пашкевич замыкал очередь.

Все с нетерпением ждали, как «отстреляется» главный соперник. Вот он, с нашего согласия, сделал пробный бросок. (Мы отказались от этого права). Шайба на полметра вперед перелетела осевую линию. Результат был хуже нашего. Затем Андрей постоял, как бы прицеливаясь и взвешивая свои возможности, вытянул руку вперед и «бита» легко полетела. Шлепок раздался в сантиметре от осевой линии. Пашкевич вновь был первым!

Как могли, успокаивали Корягина. В душе каждого все – таки теплилась надежда на успех. Все страстно желали, чтобы Андрюха промахнулся, разбивая столбик с мелочью. Надо сказать, Бог услышал наши молитвы. В последний момент кто – то из болельщиков прямо под руку сказал, чтобы, тот бил сильнее. «Бита» дрогнула и просвистела рядом с целью.

– Ура! Олег, теперь бей ты! Покажи, где раки зимуют!

Железка Корягина опустилась на кучку с мелочью. Поскольку удар пришелся по касательной, столбик плавно разъехался во все стороны. Ни одна из них не перевернулась на «орла». Расстроенный пацан отошел в сторону и стал наблюдать за другими. Ленка Мусатов бил что есть силы по каждой монетке. В результате, только две перевернулись на «орла». Остальные разделили банк поровну. Андрюхе Пашкевичу в этот раз не досталось ни копейки.

Продолжить игру помешал родитель Сашки Серебрянского. Он неожиданно появился возле кона – проморгали стоящие на шухере ребята. Пригрозив, что сдаст всех Безденежных – участковому милиционеру, дал подзатыльник Саньке и увел с собой. При этом прихватил всю мелочь, предназначенную для продолжения игры.

Настроение было испорчено. Все стали расходиться по домам. Впервые лидер игры в «чику» ушел домой без выигрыша.

Прошел месяц. Нужно было идти в школу. Увлечение «чикой» прошло. Вскоре уже многие смутно представляли, что обозначал боевой клич: «С орлом, составом!».

НАШИ ПЕСНИ

Характерная особенность детворы – жизнерадостность. Не унывали, когда за проступок доставалось от старших, когда не получалось с учебкой, когда не удавалось досыта поесть. Зато с большим удовольствием пели песни. Исполняли не только детские, но и взрослые шлягеры, услышанные по радио или в кино.

Отдельная тема – школьные уроки пения. Здесь ребята выступали авторитетными солистами. Учительница обычно вызывала к доске трех – четырех учеников. Прикрепляла к ним самого голосистого. В его задачу входила поддержки мини – хора. Случалось, не все поющие обладали музыкальным слухом, тогда мелодию песни в разноголосице тянул солист. Нередко такая какофония резали слух, но не смущала.

Любовь к пению была естественной. Мы переписывали друг у друга слова понравившееся песни, соревновались, кто больше знает текстов стихов, кто кого перепоеет:

– Вот мчится тройка почтовая, – запевал Ефименко.

– По Волге матушке – реке, – подхватывал я с Андреевым.

К песне подключались остальные. Причем, каждый стремился продемонстрировать свой голос. Неожиданно в мелодию этой песни вклинивался тенор Антона Гаврилова:

– Ямщик, не гони лошадей!

Несколько пацанов сразу переключались на новую песню:

– Мне некуда больше спешить, поддерживают они Антона, – Мне некого больше любить!

Несколько минут звучат сразу две. Группа Витьки Ефименко, наконец, сдается и тоже начинает петь о ямщике...

Нередко с нами пели и взрослые. Помню, в свободные от домашней работы летние вечера наша семья с соседями собирались

вместе, и тогда далеко по улице слышались стройные голоса домо-рощенного хора. В нем органично звучали и детские.

Сейчас, когда смотрю на нынешних школьников, с горечью отмечаю: ни в кругу друзей, ни дома дети не поют – слушают готовое: на магнитофоне, по телевизору. Современная эстрада и всевозможные однодневные песенные хиты вытеснили из повседневной жизни часть народной культуры – застольную песню, а вместе с ней и русский дух.

ПОСЛЕДНИЕ ПОЧЕСТИ

Тарный цех лесозавода считался «теплым» местом. Особенно зимой. В помещении ни сквозняков, ни морозца – теплынь со смолистым запахом опила. Да и физические нагрузки щадящие. Собирай ящичные дощечки в кучки и связывай в аккуратные стопки. Это не обрубка сучьев на лесосеке в морозную стужу или подбивка щебенки под шпалы УЖД в дождь и слякоть. Работай – и радуйся! Именно сюда стремились устроиться женщины и подростки.

После окончания школы я с братом также пришли наниматься в тарный цех. Начальник, именуемый в народе «Соколиным глазом», принял нас хмуро: опять – де малолетки пожаловали.

– Разрешение профсоюзного комитета на работу есть? – строго спросил он, – без него не приму.

– Да!

– Идите, подумаю...

Мы стали терпеливо ждать в коридоре конторы. Прошел час, два... никто не приглашает. Проторчали в коридоре до вечера. Начальник то уходил, то приходил, однако нас с братом в упор не замечал. Перед окончанием смены все же «снизошел» и пригласил в кабинет. Несколько минут внимательно рассматривал каждого, густо дымя папирасой, затем нехотя произнес:

– Валите домой.

Принял он нас на работу или нет, так и не поняли. Обо всем рассказали отцу.

– Ничего, обойдемся без тарного цеха, – сказал он, – пойдете трудиться на узкоколейку. Я договорился.

Прошло много лет. О своем первом устройстве на работу,

почти забыл. Да и повода не было, чтобы вспоминать. Но правильно говорят: пути Господни неисповедимы. Как – то, во время одной командировок в Ленинград, случайно встретил дочь того начальника Ангелину, с которой учились вместе в школе. Поохали, поахали, вспомнили школьные годы, друзей. Как – никак жили вместе. На прощание Геля сообщила, что отец умер.

– Если будешь у своих стариков в поселке, сходи, пожалуйста, на кладбище. Покрась оградку на могиле папы. У меня никак не получается туда съездить.

– Какой разговор, сделаю!

Осенью навестил родителей. Помог выкопать картошку, заготовить на зиму дрова. Вспомнил и просьбу Ангелины. Могилку нашел без труда Оградка покосилась, краска облезла. Пришлось сначала поправить ее, потом приступил к покраске. Медленно водил кистью по штакетнику и невольно вспоминал тот день, когда много лет назад целый день выстоял у кабинета, ожидая решения.

– Странно устроена жизнь, – размышлял я без обиды, – начальник своим поведением тогда унизил меня, а вот сейчас крашу оградку на его могиле.

И тут же устыдился своих мыслей.

«МОСКВИЧКА»

Мы, подростки, практически не носили магазинной одежды. Ходили в перешитых из старых солдатских шинелей пальто, штаны и рубашки шила мама. О теплой обуви вспоминали, когда наступала глубокая осень или зима. Были кирзовые сапоги на несколько размеров больше, чем нужно (на вырост), или армейские ботинки с заклепками (их почему – то называли «рабочими»). Как – то пошли весной на речку рыбачить. К нам напросился соседский пацан. Проходя мимо бурного ручейка, он решил помыть сапоги. Опустил их под струю воды. Неожиданно сапог слетел с ноги: были очень велики, и поплыл по течению. Больших трудов стоило выловить обувку.

Одежду из магазина я надел, когда пошел работать. Накануне отец справил красивое полупальто с цигейковым воротником. Оно

называлась «москвичкой». Сколько было радости! Я - то снимал, то надевал его, беспрестанно вертелся перед зеркалом.

Купил папка и новую обувь – боты, которые в народе назывались «прощай молодость». (Почему так до сих пор не знаю.) В них было тепло и удобно. Ботинок заталкивался в войлочный полусапог, окаймленный резиновым ободком и закреплялся специальной застежкой. Эти вещи носила практически вся молодежь.

Конечно, в этих обновках красовались в клубе, на танцах. Чтобы все видели, «москвичек» не снимали даже в помещении. У кого их не было завидовали, девчонки становились внимательнее.

Прошло более двух десятков лет. Как – то во время отпуска решил помочь родителям навести порядок в чулане. Избавляясь от старых тряпок и хлама, неожиданно наткнулся на свою «москвичку», скромно висевшую в углу. В душе шевельнулся теплый огонек воспоминаний. Старую, уже не модную, никому не нужную вещь, я не выбросил. Отряхнул от пыли. Попытался примерить – маловата, и аккуратно повесил обратно, как память.

ЗЕЛЕНЬ

Как – то спросил у своего сына: играл ли он в детстве в игру под названием «зелень»? Тот удивленно посмотрел на меня и спросил:

– В доллары, что ли?

– Да нет, это совершенно другое.

Продолжать разговор на эту тему не имело смысла: не знал отпрыск этой забавы.

Игру в «зелень» мы, пацаны 50-ых, обычно начинали с весны, когда природа оживала. Смысл ее заключался в том, чтобы каждый играющий по просьбе товарища смог показать ему зеленую растительность. Это могли быть листик березы, травинка, мох и т.д. Не предъявил – значит, должен отдать все, что находилось в карманах и представляло определенную ценность.

Хранили «зелень» обычно в кепках, потайных карманах брюк (их называли пистонами). Более изобретательные ребята – прятали

в гультфики или ширинку.

Часто можно было увидеть такую картинку: подходит парнишка к другому и говорит:

– Ни рвать, ни щипать, вашу «зелень» показать! Тот расстегивает ширинку и достает из шва травинку. Через минуту уже он с той же речевкой подступает к следующему.

С наступлением зимы игра в «зелень» затухала, появлялись новые увлечения.

БАСКО ПОГУЛЯЛ

На лесопункте, наверное, не было человека, который - бы не любил громкие застолья, особенно, свадьбы. На ней можно от души попить водки, поесть вкусенького, поплясать и проорать песни. Гульба продолжалась обычно сутки, но с размахом. Если с вечера молодых чествовали приглашенные, то к утру – все, кто появлялся в доме жениха и невесты. Никто уже не помнил, в том числе и родители, был ли зван на торжество тот или иной гость.

О сервировке столов в таких случаях нужно сказать отдельно. У каждой тарелки обязательно стоял граненый стакан и бутылка водки или самогонки. Рюмки не приветствовались. Этот натюр-морт дополняли блюда с холодцом и винегретом. Как только гость расправлялся с емкостью и съедал холодец, ему тут же ставилась новая бутылка, но уже с вареной картошкой и соленой рыбой.

Помню, справляла наша семья свадьбу старшей сестры. Торжество пришлось не только на воскресенье, но и красный день календаря. Поэтому гуляли два дня. Было добросовестно съедено и выпито все, что приготовили родители. Даже бидон браги не устоял, который обычно предназначался для уличных прохожих.

Но это было не главное. Родственники, гости, друзья молодых все сделали для того, чтобы строго были соблюдены свадебные традиции. Это не только приколы, шутки и матерные частушки, посвященные жениху и невесте, но и шествие ряженных по улицам с гармошкой, что придавало свадьбе особый колорит.

Отдельный разговор – опоздавшие на торжество гости. Их на нашей свадьбе оказалось несколько человек. У каждого была

уважительная причина. Виктор Поливцев, холостякующий шофер, например не успел к столу потому, что задержался в рейсе. Костя Ткачев: электрик – был в командировке. А Виктор Маракулин, технорук лесопункта, просто перепутал время. Эти люди сразу стали в подвыпившей компании предметом пристального внимания.

– Витьке, штрафную! – протянул граненый стакан водки Иван Руселик. – Давай за молодых!

– Поесть бы сначала...

– Потом!

– Поздравляй!

– Поздравляю, – растерянно произнес Поливцев, пытаясь в гудящем улье человеческих голосов разглядеть жениха с невестой.

– Пей!

К Ивану присоединились соседи.

– Пей до дна. Пей до дна. Пей до дна, – скандировали они.

«Штрафник» встал, сделал глубокий выдох и залпом осушил стакан.

– Молодец! Уважил!

– Занюхай, – Руселик протянул корочку хлеба.

Поливцев взялся было за тарелку с квашеной капустой, но тут неожиданно появился тамада.

– Опоздавшему санкции! За молодых! – и всучил гостю новую порцию.

– Да я... только что...

– Тогда за родителей!

Выпить пришлось опять. В голове у Витьки зашумело, перед глазами стало двоиться. Он попытался попасть вилкой в капусту, но не смог. Его стало клонить набок. Потом ему налили еще и еще..

Через полчаса со счастливой улыбкой на лице аккуратно сполз под стол. Через час его, как безымянную личность, затолкали под лавку. Здесь он никому не мешал. Примерно такая же участь была уготована и остальным «штрафникам», только в разных вариациях.

После свадьбы местные мужики и бабы дали событию отличную оценку. А Витька Поливцев всем рассказывал, как баско погулял.

ДЕВЯТЫЙ БАРАК

Он всегда был горячей темой для разговоров, вносил в размеренную жизнь лесопункта разнообразие и головной болью для начальства. Там проживала молодежь – выпускники ФЗО и ремесленных училищ, слушатели различных курсов, вербованные: все холостые.

– В воскресенье вечером в девятом бараке фэзэушники опять передрались со слесарями из гаража, стекла все повышибали, – докладывала комендант поселка начальнику.

– Чем закончился мордобой?

– Как чем? Совместным распитием водки.

– Помирились, значит?

– Вроде, помирились.

– Ну и ладно. Окна застеклить! За их счет! Проследить, чтобы прогульщиков не было. Об инциденте участковому докладывать не нужно.

Через неделю комендант доложила «наверх» о краже в девятом бараке: у помощника машиниста паровоза пропала майская получка вместе с костюмом. Вора нашли, набили морду до полусмерти.

Нередко случались там и всеобщие гулянки. Тогда, что называется, рекой вино текло, и музыка играла. А местные бабы цепко держали своих мужиков возле себя, зорко следили, чтобы никто из них не попал в этот «пчелиный» улей. От греха подальше.

Но не только такими «громкими» делами славилось это место. Вспоминали о нем, когда речь шла о каком – либо его выдающемся обитателе.

– Вот «Дизель» из девятого... Вечером у клуба подбросил кверху свою гирию тридцать пять раз, – сообщил новость во время перекура рабочий нижнего склада Виктор Печенев.

– Дурная сила! Лучше бы лес грузил, – упрекнули товарищи по работе.

Речь шла о Вовке Лазарькове – здоровенном парне, который постоянно демонстрировал свою силу. У него была трехпудовая гирия: противовес от железнодорожной стрелки. Так вот, с этой тяжестью он ходил по поселку.

– Что Дизель... Белобрысый Одегов на спор целый час чечетку отбивал, – вставил крановщик по фамилии Пепа.

– А Горбунов с Кокориным! Истинные артисты – и поют, и танцуют, и на гитарах играют. Такими талантами никто из местных не похвастает.

Девятый барак, вернее его постояльцы, словно магнитом, притягивали к себе и нас, детвору. У каждого там был свой кумир. Вокруг Вовки Лазарькова – «Дизеля», всегда крутилась лесозаводская ребятня. Он работал слесарем на пилораме. Пацаны гордились знакомством с ним, подражали ему. Зареченские же, в отличие от первых, пропадали в комнате Ленки Одегова. Он прекрасно резал по дереву, конструировал, танцевал.

Взрослел с обитателями общежития и я. После занятий в школе с Витькой Ефименко, Сашкой Серебрянским и Петькой Фадеевым бежали к Кокорину и Гобунову. Они занимали отдельную комнату. Там мы осваивали гармошку и гитару, играли в карты, распевали блатные песни. Нам нравилось общаться с взрослыми: здесь ничего не запрещалось.

Шло время. Холостяки женились, переходили жить в барак для семейных. Их место занимали другие, постоянными оставались только новые группы поселковых ребят, крутящихся у девятого барака.

«ЧЕСТНОЕ ВСЕХ ВОЖДЕЙ»

Самой распространенной клятвой для нас, детей послевоенной поры, была фраза «честное ленинское». По этому, если надо было убедить товарища в чем – то значимом, обязательно клялись: «честное ленинское». Врать или обманывать после таких слов уже не имел никто. Такова у каждого была вера в ленинский авторитет, которая в нас вколочена чуть ли не пеленок. Позже, с кончиной вождя всех стран и народов Сталина, к словам «честное ленинское» стали добавлять «честное сталинское». Клятва получалась значимее вдвойне.

Обычно клялись друг перед другом, когда оценивали или подтверждали свои поступки, когда убеждали товарищей в безусловной справедливости своих действий.

Со временем торжественный смысл этой клятвы стал утрачиваться. Слишком много вождей за последние годы появилось. К Ленину и Сталину прибавились Маленков, Булганин. Теперь многие из нас, говорили: «честное ленинское», «честное сталинское», «честное маленковское», «честное булганинское». Но, сколько бы не было вождей, всегда старались сдержать данное слово.

... Сашка Андреев, одноклассник, пообещал принести пачку пороха для стрельбы из поджигов. Его он должен был незаметно утащить у отца. Не поверив намерениям Сашки, мы заставили его поклясться. После того, как последний торжественно произнес: «честное ленинское, честное сталинское, честное маленковское и честное булганинское», мы успокоились – не подведет.

Прошел день, второй, третий. Пороха не было. И тут Андреев заявил, что красть у отца не будет, боится.

– Ах, ты, продажная шкура! – первым взорвался Витька Ефименко, – вождей предаешь! – и залепил оплеуху.

– Не предавал я вождей, – заревел Сашка, – просто отца боюсь. Узнает – убьет.

– Пусть лучше убьет, чем вождей предавать, не унимался Витька, – поклялся ведь! С «предателем» не разговаривали целый месяц.

После прихода к власти Хрущева, еще некоторое время продолжали клясться руководителями партии и правительства, однако, уже поименно их не перечисляли. Говорили просто: «честное всех вождей».

Вскоре не стали верить ни одному политическому деятелю – повзрослели.

КРИК ТАРЗАНА

Одно из развлечений у нас было кино». Крутил» его вечно пьяный Васька Круглов. Он вывешивал возле рабочей столовой объявление с названием фильма. Затем шел на конный двор выпрашивать лошадь. Кинобанки – то с лентами нужно было доставлять с узловой железнодорожной станцию. Путь не близкий, туда и обратно – двадцать километров. На это уходило полдня. Так что к

моменту появления киномеханика, у клуба стояла толпа. Детей, как всегда, было больше, чем взрослых.

Билеты Васька продавал у входа в зал. Вместо стульев в помещении стояли скамейки, и каждый размещался там, где хотел. Нам, ребятам, обычно доставалось место на полу, у экрана.

Аппарат устанавливался в углу. Там же аккуратно укладывались и бобины с фильмом. Мигала несколько раз электрическая лампочка, подавая сигнал о начале показа картины, и зал погружался в темноту. Начинал трещать движок, на самодельном экране – простыне появлялись первые изображения. Все затихали.

Неизгладимое впечатление оставил четырехсерийный фильм «Тарзан». На фоне сценариев о гражданской и Великой Отечественной войнах, где белогвардейцы и немцы, в отличие от советских воинов, обязательно наделялись самыми отрицательными чертами характера, это кинолента не несла никакой политической подоплеки. За много лет люди, может быть, впервые увидели на экране свободного от всяких идеологий человека. Он жил в полной гармонии с природой. Привлекала нас его полуголая атлетическая фигура, прекрасные физические данные, умение вести диалог с животными. Дикий человек не знал фальши, страха. Ему было чуждо чувство неравенства и приспособленчества..

Каждую новую серию «Тарзана» жители ждали с нетерпением. Клуб набивался битком. В ходе демонстрации фильма, когда случались заминки в работе аппаратуры, рьяные киношники уже не кричали: «сапожник», не свистели. Народ балдел от увиденного. Всю следующую неделю только и были разговоры о просмотренном фильме.

Лучше, чем пятнадцатилетний цыган Ибрагим, по – тарзаньи никто не кричал. Голос у него был сильный и звонкий. Обычно зычно трубил он, когда возвращался с друзьями из леса или рыбалки.

Коронным номером местного «Тарзана» было купание в водоеме возле клуба. Ибрагим подходил к воде, издавал боевой клич, как его киношный кумир, и в чем был – нырял в пруд. Зеваки с восхищением смотрела на новоиспеченного свободного человека джунглей.

ТАНЦПЛОЩАДКА

Если сказать, что летняя танцплощадка была очагом культурного отдыха, значит, ничего не сказать. Слишком многое связано с ней у каждого жителя: и досуг, и личная жизнь, и самоутверждение. Она появилась в середине 50-ых годов возле клуба. И сразу же внесла свежую струю в воскресный выходной и праздничные дни.

Ровно в семь вечера заведующая клубом Полина ставила пластинку на радиолу «Минск» и в динамиках над танцевальной площадкой раздавалась музыка. Первые посетители – мелюзга. Они гроздьями висят на перилах, любопытствуют, дурачатся. К восьми часам вечера «подгребали» обитатели девятого барака – бывшие фезеушники и вербованные. Все – холостяки. Парни крепкие и статные. Многие из них отлично пели, хорошо танцевали.

Особенно выделялся Иван Горбунов, Леонид Одегов и Вовка Шинкарецкий. Ни одно общественное мероприятие, будь то субботник, концерт художественной самодеятельности или спортивное состязание, не обходилось без активного участия этих ребят. Да и на танцплощадке вне конкуренции. Любая девушка с удовольствием составит им пару.

Группками подходят девчата. В ситцевых платяицах и парусиновых тапочках, тщательно натертых мелом. Они вначале держатся обособленно, но уже через полчаса вместе с юношами смеются и кружатся в вальсе. Завклубом строго следит за чередованием танцевальных ритмов. После вальса обычно звучит танго, а затем – фокстрот. Иногда понравившуюся всем мелодию «крутит» дважды подряд. Время от времени объявляет «белый танец». Одним словом, танцевальный тамада.

Начинают надоедать комары. Молодежь отмахивается от них березовыми ветками. Всякого гнуса здесь хоть отбавляй. Самое эффективное средство от него – натертый чеснок. Однако молодежь пахнуть чесноком не желает, поэтому предпочтение отдает веникам.

Объявлена пауза. К вербованным подходит выпивший Витька Ефименко, поселковый хулиган:

– Олять пацаны из соседнего поселка пришли к нам на танцы.

Без спроса девок тискают, – констатировал он.

– Я тоже обратил на это внимание – вольно себя ведут. Надо бы их проучить, – поддержал его Петька Фадеев.

Его предложение поддержали не все холостяки. Горбунов и Шинкарецкий были категорически против.

– Ну, за что мы их бить будем? За то, что они у нас в гостях? Что с ними охотно танцуют наши девушки? Не честно это! Многие из наших ребят тоже бывают у них в гостях. Им что тоже боятся местных?

Эти доводы не убедили часть агрессивно настроенных молодых людей. У них с самого начала чесались кулаки. А тут такой случай! И потом, почему бы не подраться, если чужаков всего трое.

– В прошлом году в соседнем поселке я спасся бегством от местных, – вспомнил Колька Патюхин, зашел вечером к ним в клуб, а там местная шпана...

– Попроси выйти с танцплощадки вон того, длинного, – попросил Фадеева Витька Ефименко, Сначала с ним разберемся, потом с остальными.

Потенциальные противники сразу поняли, что на них «наезжают», поэтому, наотрез отказались от всяких переговоров на стороне. Держались вместе. По всему чувствовалось, ухажерский пыл пропал. Они уже не приглашали девушек на танцы – раздумывали, как достойно выйти из положения.

Начинать же драку на танцплощадке не входило в планы наших задир. Они выждали, когда закончатся танцы. Тогда они покажут! Но их планам не суждено было осуществиться. Ванька Горбунов с друзьями во время очередного танца незаметно завели гостей в клуб. Оттуда через пожарный выход те вышли на противоположную сторону улицы и были таковы...

О том, что пришлые оставили местных женихов с носом, последние особенно не расстраивались. Даже рады были: носы и скулы остались целые. Да и реноме сохранили – крутые ребята – создали вид хозяев.

К середине вечера танцплощадку навестило пожилое население поселка. Мужики и бабы чинно уселись вокруг танцующих, лузгали семечки, наблюдали за происходящим. Среди них выделялся Владислав Стажевский. Ему за пятьдесят, но он строен и под-

тянут. У мужчины светлые бриджи, (таких больше ни у кого нет) заправленные в хромовые сапоги, военного покроя френч. Выглядит щеголем. Он любит вальсы, не пропускает ни одного. Любую девушку закружит.

– Чистый кавалер, хотя и старый, – шептались бабы.

– Завидуете, – парировали старики, – молодец Владислав! Не каждый в его возрасте так может.

Музыка слышна по всему поселку: «Рио – Рита», «Цветущий май», Аргентинское танго».

За полчаса до окончания мероприятия влюбленные парами начинают расходиться в разные стороны.

– Нам тоже пора, – спохватываются старики и старухи, крихтя, отправляются по домам.

Гаснет прожектор над танцплощадкой, замолкает музык. Завтра рабочий день...

ЖОСТКА

Ленька Клобуков к нам приехал вместе с матерью по вербовке. Несмотря на свои четырнадцать лет, доучился только до пятого класса. Оправдывался, что там, где жил раньше, школы не было. Врал, конечно. Потом мы узнали: учился парень в райцентре, но на одни двойки. Во втором и третьем классе сидел по два года.

Классные задания не выполнял, уроки прогуливал. Одним словом, не любил школу. С утра до вечера шлялся по улицам, выпрашивая у ребят что –нибудь вкусенькое поесть. Летом Клобуков неожиданно исчез из поселка. Соседка по бараку, где он жил, сказала, что мать отвезла его к тетке.

В школе Ленька появился в начале сентября. Подросший, повзрослевший. Первым делом похвастался, что пересмотрел все фильмы, которые шли в городском кинотеатре. С увлечением поведал о своих летних похождениях и знакомых. Затем показал нам кусочек круглой овчинки, в середине которой был закреплен кусочек свинца.

– Это жостка, сказал он.

– Что?

220-ый квартал

– Жостка! Название такое.

На кой фиг она нужна? Для украшения?

– Нет, для игры. Смотрите.

Подкинув овчинку к потолку, Ленька упасть ей не дал. Ловко задержал ее внутренней стороной ступни у земли и ударом снова подбросил вверх. Так каждый раз жостка оказывалась у потолка. В течение нескольких минут работал он ногой. Мы насчитали около ста бросков.

– Кто сделает больше? – перевел дух дух мальчик.

Раньше никто из нас не был знаком с этой игрой, поэтому все молчали.

– Попробуй, Ленька протянул жостку Сашке Серебрянскому. Тот подержал ее некоторое время в руке, зачем – то помял и только потом подбросил вверх. Всего несколько секунд продержалась жостка в воздухе.

– Вот видишь, получается, подбодрил Ленька.

– Кто еще хочет попробовать?

Желающих нашлось немало. Вот только овчинка была одна на всех. Поэтому каждый по ней мог бить до тех пор, пока она не падала на землю. После этого в игру вступал очередной школьник. К вечеру Сашка Серебрянский был признанным лидером. Он без перерыва «настукал» семьдесят раз.

– Будет конкурентом, Клобукову, – определила ватага.

Эта игра так всем понравилась, что через несколько дней у многих ребят были уже свои жостки. На изготовление шло все, что напоминало овчину. Вадька Антоновских, например, использовал отцовские шубы, которые мать припрятывала на зиму. Вадька Калачев – унты, Васька Конаков – старый полушубок. Через месяц вся улица от двенадцати и старше «колотила» жостку. В нее играли в школе на переменах, около домов. Состязались все. Но превзойти зачинателя не мог никто.

В конце второй четверти в школу неожиданно пришла мама Жени Сидоровой, отличницы и активистки. Скалаза, что у дочери в раздевалке отрезали от подола цигейковой шубки кусок овчины.

– Пошла шкурка на жостки, догадались мы.

Но кто это сделал? Все были в недоумении. Так испортить вещь мог только беспредельщик. Себя не считали таковыми, хотя

и не любили Сидорову за ее цигейковую шубу. Не вписывалась ее одежда в наше фуфаечно – шинельное братство.

Несколько дней длилось разбирательство, однако злодей так и не был выявлен. Только много лет спустя, я случайно узнал от Татьяны Гладких, одноклассницы, что «диверсию» в отношении Сидоровой осуществили они, ее подруги. Из – за зависти.

Игра в жостку вскоре пошла на убыль. Появились новые увлечения.

НАЦИОНАЛЬНОЕ БЛЮДО

Так случилось, что самыми близкими моими друзьями детства были Иосиф и Володя Кочинские. Они двойняшки. На улице их соответственно звали «Зюта» (сокращенно «Юзик») и «Колода» – перефразировано от «Володя».

Приехали они из Белоруссии в начале пятидесятых из разрушенной и сожженной фашистами Белоруссии. Вначале жили в пятом бараке: занимали одну комнату впятером. Впоследствии получили трехкомнатную квартиру. Я постоянно ошивался у них: играли в карты, мастерили поджиги. Они жили бедновато т. к. на столе в семье часто была картошка, капуста, изредка суп. С удовольствием питался у Кочинских, и, ведь, нравилось.

Как-то тетя Люба (их мать) предложила попробовать национальное белорусское блюдо. Готовилось оно просто: черный хлеб резался небольшими кусками в большую миску, туда же шинковался репчатый лук. Все это солили по вкусу и добавляли подсолнечного масла. Перемешивали...

Ничего вкуснее я не едал. Помню, прибежал домой и с порога попросил маму приготовить такое же кушанье. Та сделала, как ей рассказал. Попробовал. Вкус был совсем другой: не понравилось.

УЧИТЕЛЬ ФИЗИКИ

Школьная жизнь – незабываемое время. Не случайно люди всегда с ностальгией вспоминают его. Чаще хорошее, смешное,

реже неприятности. Однако и то, и другое из жизни не выкинешь.

Она пришла к нам прямо из педагогического училища восемнадцатилетней девушкой. Симпатичная, но характер был скверный. Это сказывалось и на учениках. Ей ничего не стоило оскорбить ребенка, вести себя высокомерно с родителями чувствуя, что все сходит с рук, уверовала в свою непогрешимость.

Мы – старшекласники – переживали это особенно болезненно. Видимо сказывался переходной возраст. Бунт назревал незаметно, но неуклонно. Последней каплей стало то, что «физичка» приказала дежурному по классу подавать ей чернильницу и ручку, считая, что свои канцелярские принадлежности иметь ни к чему. Так продолжалось, пока очередь не дошла до Ленки Казанцева – парня чуть постарше нас – отличника. Когда в очередной раз Нина Васильевна попросила ручку с чернильницей, Ленка подошел и положил на стол двадцать копеек, предложив ей купить, если у нее нет денег, все что надо. Что произошло с женщиной словами не передать. Она смогла лишь выдохнуть «Вон». Казанцев забрал учебники и вышел из класса. Следом встал я и тоже пошел на выход в знак солидарности с товарищем.

К слову сказать, мы заканчивали выпускной класс. И отметка в свидетельстве об образовании играла большую роль. Так что приходилось материал изучать самостоятельно – помогали однокласники. Дело шло к экзаменам. Между тем, мы с Ленкой продолжали не посещать ее уроки физики, так как Нина Васильевна заявила, что пока мы не извинимся, на занятия не пустит.

Однако за месяц до выпускного, решением директора школы нам позволили присутствовать на уроках. Было очень тяжело наверстывать упущенное – но к сожалению учительницы Ленка и я сдали на отлично.

Прошло много лет. Окончив техникум и отслужив в армии, возвращался пригородным поездом на «Двадцатый». В купе встретил односельчанку: стали вспоминать, что да как. Пришлась к слову и учитель физики. Я заметил, что ей пасти коров нельзя было доверять: доброта нужна и им, а с ее характером... Тут заметил, что собеседница как-то странно молчала. В соседнем купе сидела Нина Васильевна. Она все слышала...

СОКОЛИНЫЙ ГЛАЗ

Был у нас начальник по фамилии Федотов. Мужик неплохой, специалист классный. Но имелся у него один недостаток: – Федотов имел искусственный глаз. Это нередко становилось причиной шуток над ним.

Надо сказать, что в те времена существовали телефонные коммутаторы, но их номеров было недостаточно для лесопункта. Поэтому абонентов паралелили т. е. спаривали. Таким образом, на одной линии оказались кабинеты мастеров разделки древесины и погрузке леса в вагоны МПС. Нередко для отдыха этими помещениями пользовались простые рабочие: чаю попить, просто отдохнуть, перекурить.

...Два часа ночи. Все спят. Вдруг на коммутаторе раздается звонок: «Соедините с квартирой Федотова. Телефонистка видит, что звонят с нижнего склада. Соединяет. Сонный голос начальника:

– Слушаю, в чем дело?

В ответ:

– Ты пописал, Соколиный глаз? Если да то ложись спать, работа идет нормально. – Что, – взвывается Федотов, – да я тебя...

А в ответ «пи, пи, пи». Отбой связи. И так два, три раза в неделю.

Что только не предпринимал начальник: телефонисток предупреждал, мастеров тоже, прибегал полуголый на нижний склад ночью. Но поймать звонившего не мог. Телефона – то было два. Могли звонить хоть откуда.

«Соколиный глаз» в конце – концов, собрал общее собрание, взмолился:

– Прекратите, жена не спит, дети пугаются.

Рабочие недоуменно оправдывались. Вслух пообещали разобраться. И разобрались – нашли хулигана, отдубасили как следует. Пришлось тому убираться из поселка. Для Федотова наступило душевное спокойствие.

САЛО

Дядька Серебрянский был своеобразный человек: очень хозяйственный и работающий. Правда, про него говорили, что скуповат, прижимист, нелюдим. Все это имело место – в поселке ничего не скроешь. Был раскулачен. Приехал сразу после войны с женой и сыном.

О нем всегда рассказывали необычные истории. Вот одна из них. В хозяйстве имелась, как впрочем, почти у всех, корова, телка, другая живность. Так что лето проходило в заботах. Необходимо было накосить травы, высушить, сложить сено в стога.

Покосы, как правило, выделялись вдоль речек далеко от поселка. Уходили на весь день, прихватив с собой еду. Брал «тормозок» и дядька Серебрянский. В нем всегда была булка хлеба, бутылка молока, шмат сала.

Рассказывают, что обедал он следующим образом. Разрезал булку хлеба вдоль, сверху клал небольшой кусок сала. Затем подносил бутерброд ко рту: носом отодвигал сало и откусывал хлеб, прихлебывая молоком. В результате с последним куском хлеба съедался и деликатес.

– Ну, вот наелся, и сало еще осталось, – приговаривал он.

Была ли это скупость или отголоски войны и голода в 30-х трудно сказать. Но, уезжая в середине пятидесятых годов из поселка на родину, он сдал в магазин фанерный ящик спичек. На коробках стоял год выпуска 1936. Там, говорят, лежало более тысячу штук. Две денежные реформы пережили спички. Так что Серебрянский на них заработал.

ПРИКОЛЫ

Любили в поселке пошутить друг над другом, так сказать приколоть. Особенно этим отличалась поселковая молодежь. Ну, например, поздно вечером, когда в основном семьи после трудового дня укладывались спать, шутники подвешивали к оконной раме картофелину. От нее шла длинная, метров 10 нитка. Все прятались в укромном месте, и методично дергая за нее, стучали картошкой

в окно. Представляете, что спросонья может показаться? Нередко громко кричали:

– Кто там?

Или муж женой занимаются любовью, а тут в окошко «Стук, стук». В общем, хозяевам – неудобство, нам – весело.

Пользовался успехом и такой прикол. Выбиралась группа девчонок и ребят. Причем, что бы были пары, которые нравились друг другу (обычно это происходило перед танцами или началом кинофильма). К ним подходили приколисты. Приветствуя, протягивали руку. Конечно, с ними здоровались. Во время рукопожатия, кто-нибудь громко выпускал характерного «голубка». Запах, смущение. Все начинают стыдить парня:

– Ну, ты даешь. Хоть бы постеснялся. Ведь люди кругом.

Тот начинал оправдываться. В общем, вгоняли человека в краску. Нередко все заканчивалось дракой. Не совсем культурный прикол, но нам казался остроумным.

Шутили мы и по-другому. В школе была общая раздевалка, за которой практически никто не следил. Да и зачем: воровать нечего, одежонка так себе. Во время урока кто-нибудь отпрашивался в туалет. Там, сделав свое дело, бумажку не выбрасывал, а аккуратно складывал, и по дороге в класс в раздевалке незаметно подкладывал ее кому-нибудь в карман пальто.

После занятий незаметно следили за этим учеником. Представляете, человек машинально засовывает руку в карман, чувствует там что – то такое, чего не клал. Вынимает бумажку, разворачивает... , а там дерьмо. Вокруг, конечно, все отпускают соответствующие шутки, советы и т. д. Единственное неудобство: ты тоже не был застрахован от этого прикола.

ПОДЖОГ

Прибегает как-то прораб жилищно-коммунального хозяйства в кабинет Петра Федоровича и кричит благим матом:

– Клуб загорелся, дым валит из-под пола.

Тот дает команду срочно принять меры к ликвидации пожара, и выяснить по какой причине произошло возгорание. Через некоторое время докладывают. Так, мол, и так, нашли поджигате-

лей – местные пацаны – забрались под крыльцо, и пытались там развести костер. В результате испугались огня, убежали. Хорошо еще люди заметили вовремя дым: быстро потушили.

Начальник в гневе стучит кулаком по столу:

– Узнать фамилии хулиганов, родителей под суд отдам, ущерб за их счет...

Прораб пытается что-то сказать ему на ухо, Петр Федорович отмахивается в запале:

– Что? Какая фамилия? – удивленно переспрашивает он.

Гнев на его лице заменяется удивлением, затем смущением.

– Кокорин? Какой Кокорин? Андрей? Ну, это..., – начальник в замешательстве, – разберусь сам, – выпроваживает прораба из кабинета.

Долго сидит за столом. Затем решительно берет телефонную трубку и звонит сестре жены:

– Аля, твой Андрюха поджог клуб: – послушав, что ему говорят в ответ, добавляет:

– Вот племянника бог дал, не соскучишься.

ЖЕНА ТЕХНОРУКА

Почему-то технические руководители, (в обиходе – технорук, это что-то вроде главного инженера в лесопункте) долго не держались. Может быть потому, что приезжали молодые люди, окончившие техникумы или институты: работали хорошо и их забирали на повышение. Может по бытовым условиям: многие были городскими людьми. Но факт был фактом: менялись часто.

Очередной технорук был из Свердловска. Его запомнили плохо, а вот жена в памяти людей осталась надолго. Особенно среди женщин.

Выглядела она экстравагантно для тех далеких пятидесятых годов. На голове шляпка с вуалью, черные ажурные перчатки до локтей, туфли на высоком каблуке, ярко покрашенные губы, выщипанные брови. Все это на фоне поселковских баб, вечно ходивших в кирзовых или резиновых сапогах, фуфайках, серых платках. В общем, не любили они супругу технорука, но терпели – как-никак начальница.

...Это случилось в магазине. Городская дама купила булку хлеба, прихватив ее двумя пальчиками, вышла на улицу. На крыльце споткнулась и булка выпала из ее изящных пальчиков. Стоявшая тут же тетя Мотя, больших габаритов женщина, с грубым простуженным голосом пробасила:

– За хрен мужика, небось, берешься двумя руками, за хлеб так двумя пальчиками, интеллегения хилая. Жена технорука, не поднимая покупку, побежала домой.

Вскоре они уехали. Но знаменитая фраза тети Моти о хрене жива в народе до сих пор.

ДВЕ ТАМАРЫ

Нравы, моих земляков будут полными, если рассказать об этой категории граждан. В конце 50-ых годов прошлого века они периодически наезжали в наш таежный, богом забытый поселок. Это были тунеядцы, условно осужденные, проститутки. Последних сельчане называли «фестивальными». Вероятно, в честь прошедшего недавно в Москве Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

В то время проститутки и тунеядцы из столицы волевым решением правительства выселялись на окраины нашей необъятной Родины для перевоспитания. Так у нас появились две Тамары. Москвички, разительно отличавшиеся от местных женщин. Они были жеманны в своих движениях, писклявы в разговорах, пудры и губной помады на лицах столько, что можно смело принимать их за клоунов.

Начальство определило сначала их в тарный цех. Но долго там не продержались. Бригада их попросту выгнала за леность. Потом с неделю поработали на нижнем складе подсобными рабочими. И там долго не задержались.

– Забирай своих «фестивальных» обратно в район, – предложил участковому милиционеру, который должен был присматривать за ними, начальник лесопункта. Чтобы таких перевоспитать трудом, нужно сто лет. У меня нет столько времени.

– Не торопи меня Алексеич, давай повременим. Может,

освоят какую – нибудь профессию.

– Последнее, что могу предложить: нужно на лесосеке собрать отходы от валки деревьев в кучи. Природа, воздух! Никаких бригадиров и начальников. Может понравиться им.

На том и порешили. В то время, будучи на практике (я учился а лесотехническом техникуме), работал мастером на верхнем складе лесоучастка. Именно мне предстояло ежедневно определять фронт работы для девиц, контролировать их труд.

... С утра привел их на деляну, рассказал, что надо делать. Напомнил, что в 18.00 они должны быть на пункте сбора, чтобы ехать домой. Однако в назначенное время парочка не объявилась. Попросил машиниста мотовоза немного задержаться. Через полчаса рабочие занервничали: что случилось? Пришлось объяснить сложившую обстановку. Сказал, что бабы первый раз в лесу, негоже бросать на ночь в тайге.

– Вот и ищи, – был резонный ответ лесорубов, – деляна находится рядом с узкоколейкой, так что не заблудятся. Может, дрыхнут и не слышат гудков? Отправляйте теплушку...

Что предпринять? Не отправлять еще какое – то время вагоны с рабочими – скандал. Но и оставлять людей в лесу нельзя. Вдруг что – то серьезное произошло с ними? Идея пришла спонтанно. Я зашел в теплушку.

– Коммунисты есть? – обратился к мужикам.

Вопрос был до того неожиданным, что вокруг все замолчали. Даже самые «языкастые», а их в коллективе было немало, недоуменно смотрели на меня. Прошла минута, другая и вот в конце вагона послышался голос:

– Я член партии.

Никогда бы не подумал, что чокеровщик Васька Калашников, партиец. Уж очень был тихий и замызганный.

Вдвоем вышли на дощатый перрон, я дал отмашку машинисту. Раздался свисток, и состав медленно пополз в сторону жилья.

На деляну пришли минут через двадцать – никого. Мало того, сучья валялись в беспорядке, как и месяц назад. Что делать? Искать пропавших Тамар в ближайших окрестностях бесполезно. Тем более, что уже смеркалось и нас до безобразия донимал гнус.

Возвращаясь обратно, неожиданно в сосновом бору, услы-

шали пение! Прислушались. Точно – голосили наши девки. Пошли к ним. У огромной сосны сооруженный наспех шалаш. Возле него дымокурил костерок. Рядом сидели Тамары и двое вздымщиков (работники химлесхоза, заготавливающие живицу). Все навеселе.

– Ой! К нам гости пожаловали, – развязно произнесла одна из них, – наверное, мы потерялись.

– Может с нами выпьете, – пригласил лохматый детина и достал из шалаша недопитую трехлитровую банку браги.

– Да пошел ты... А вы почему не пришли в сборному пункту, почему не работали?

– Почему не работали? – рассмеялись бабы, – неужели ты, сосунок, думаешь, что мы этими вот ручками сучья долбаные собирать будем? Этими перстами только мужиков ласкать да бокалы с вином держать! А ты нам – на деляну, в лес. – Вот наши новые друзья и то отнеслись к нам с пониманием. Валите вы отсюда, никуда не поедем.

В поселок добрались ночью, на грузовом составе. Утром доложили начальнику об инциденте.

– К черту этих проституток, выкину из поселка, – только и сказал он.

Слово свое сдержал. От вздымщиков Тamar забрал участковый и увез в город. Больше их никто не видел.

ВОЗРАЩЕНИЕ В ДЕТСТВО

*По несчастью или к счастью
Истина проста –
Никогда не возвращайся
В прежние места.
Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищем –
Ни тебе, ни мне.
Путешествие в обратном
Я бы запретил.
И прошу тебя, как брата,
Душу не муди...*

Геннадий Шпаликов,
поэт, драматург

...Прошло более 30 лет. Разговоры о том, что обязательно надо побывать на «Двадцатом» между мной и сестрами ходили давно. Но, как это бывает в реальной жизни, всегда что-то мешало. Но права пословица: «Не было бы счастья, да несчастье помогло...». В конце июля собрались в Андриановичах помянуть брата Николая, который скоропостижно скончался полгода назад, (кстати, он очень хотел побывать на малой Родине, но не судьба...) сходили на кладбище, посидели за поминальным столом. И тут же решили – завтра едем на «Двадцатый».

Выехали рано утром в Серов, там заправили топливом свой «жигуленок» и двинулись в путь. Нам предстояло преодолеть 45 километров по асфальту до поселка Красноглинный (железнодорожная станция Сотрино), затем 15 километров по грунтовке до Первомайского и пять верст по лесной дороге, которая является единственной «артерией» связывающей поселок с «большой землей».

На душе беспокойно – как же, более тридцати лет не были в поселке, хотя всегда интересовался судьбой его жителей. Периодически доходили слухи: бараки снесли, разбирают дома на дачи и перевозят в ДОК или Серов. Многие семьи уезжают в более перспективные места и т. д. И чем ближе мы подъезжали к месту назначения, тем больше волновались. Вот мелькнули знакомые с детства названия деревень – Морозково, Поспелково, Семеново, Мальгино. Впереди замаячило селение – Красноглинный (в народе просто ДОК т. к. там был деревообрабатывающий комбинат). Кстати, Красноглинным практически никто и не называл. Навстречу нам проехала машина. Показалось, что в ней сидит кто-то из старых знакомых.

– Митька Бухорский, что ли? – обратился я к сестре. И тут же осекся: ведь столько лет прошло, как не обознаться.

В ДОКе поинтересовались, как проехать на Первомайский? И есть ли дорога на «Двадцатый»? Получив пояснения, окрыленные ринулись дальше в путь навстречу детству. Перебивая друг друга, спорили о том, где мы едем, правильно ли? То узнавали, то не узнавали наши уральские ландшафты. Вот тут должна быть железная

дорога – остановились. Выйдя из машины, долго искал ее или хотя бы щебеночную насыпь. С трудом нашел: все заросло молодыми деревцами. (Позже узнал, что в далекие времена чубайсовской приватизации «новые русские» даже щебенку вывезли для своих нужд, не говоря о шпалах, рельсах и т. д.).

Дорога становилась все хуже и хуже. Но вот и Первомайский. Впервые по телу прошел озноб. Я совершенно не узнавал места, где провел детство. На Первомайске (так мы звали этот поселок) жила сестра, и я часто бывал у нее. Здесь находилась школа – десятилетка и головная контора Сотринского леспромхоза, так что он был самым цивилизным из трех лесопунктов.

Перед нами же были старые полуразрушенные дома, заброшенный клуб, контора леспромхоза. Решили еще раз (чтоб не ошибиться) поинтересоваться в нужном ли направлении едем? Спросили женщину: «Дорога на Печеневку эта?» И услышали официальный ответ: «На Печеневку не знаю, а на «Двадцатый» эта». Мы покатались со смеху. Ведь любой местный житель должен был знать, что это одно и то же. Последние пять километров, хотя была яма на яме, колдобина на колдобине проехали быстро (спасибо засушливой погоде).

Первое, что увидели – знаменитые горы опилок (отходы производства лесо-и шпалозаводов) на «Двадцатом». Правда, оказалось их не так уже много как раньше. Проскочили до конца дороги, встретив на пути магазин и два двухквартирных дома. Остановились, потому что никак не могли сообразить – где мы. Вокруг все заросло травой, кое-где уже полуметровые сосенки, березки. Во дворе одного дома чистила картошку женщина. Вышли из машины.

– Послушайте, – обратился я к ней. Это «Двадцатый»? Наша семья жила здесь лет тридцать назад...

– Валя, это же Валентина Вишницкая, я с ней в одном классе училась, – завопила за моей спиной сестра Галина.

Пошли охи, ахи, расспросы...

– Где дома, дороги, наконец, – поинтересовался я.

– Их вывезли отсюда, люди разъехались. Ведь лесопункт-то закрыли, – Валентина печально улыбается. – Вот только козловой

кран для погрузки леса в вагоны МПС остался. Еще не растащили. Да полусгнившая водокачка, некогда снабжавшая водой население поселка, – добавила она.

– А где дом, в котором я жила, – подключается к разговору Алевтина – вторая моя сестра, – никак не соображу.

– Вот напротив, – показывает рукой Вишницкая. – Там сейчас мой брат Володя живет.

– Это Вовка что ли, где он? – я устремляюсь к дому.

Аля охает: в памяти добротный двухквартирный дом, а наяву покосившийся забор, истлевшее от старости крыльцо, скособоченная крыша.

– Мужик, ты меня узнаешь? – я буром пошел на вышедшего к нам пожилого мужчину, в котором сразу узнал 15-летнего пацана, с которым учился вместе в школе.

– Не - а, – Володя внимательно рассматривает нас. – Вроде бы ... нет, не узнаю.

– Да, Борька Карташов я! Узнал?

Вишницкий с недоверием еще раз оглядывает нас: – Здравствуйте, может, кофе зайдете выпить?

Мы наперебой расспрашиваем его о жизни поселка, о нашем родительском доме.

– Ну, ты даешь, – Володя смеется, – вон крыша видна.

Пристально смотрю в сторону, где одиноко стоят два домика. В одном я родился, в другом прожил свои первые 15 лет. Вокруг заросли кустарников, трава.

– Где же улицы, дороги? – недоумеваю.

– Исчезли, – Вовка от досады машет рукой, – исчезли вместе с домами, бараками, клубом, конторой, детскими садами, людьми. Вначале 90-ых приехал Васька Бобровников, он тогда был директором Сотринского ДОКа и леспромхоза. Сказал, что вывезет нас «в светлое будущее». Мол, нечего здесь прозябать на «Двадцатом». И вывез, все вывез, вплоть до рельс, шпал, даже щебенки. А люди: часть переехала в Серов, часть в ДОК, остались вот такие как я, человек 60–70 пенсионеров. Доживаем свой век здесь, – в глазах рассказчика появился сухой блеск, – Кому мы нужны? Никому.

От монолога запершило в горле. В это время появилась еще одна жительница поселка. Узнали ее сразу. Варя Пашкевич была в школе своего рода знаменитость. Неуемной энергии, участница во всех мальчишеских играх. Ее серьезно побаивались парни – могла и поколотить. Казалось, жизнь бьет у нее через край, выплескивая непосредственность, порядочность, честность.

Опять охи, вздохи, слова «а помнишь». Все это по пути к нашему дому. Я сразу узнал ворота, и щеколду, которую мастерил вместе с отцом лет 45 назад. Боже мой, каким он стал! Некогда казавшийся мне огромным (да и действительно в нем постоянно проживало до 10 человек) с большим, добротным хоздвором, сенокосными угодьями, где накашивали более двух тонн сена, двумя водоемами, баней – все это казалось сказкой.

Передо мной стояло покосившееся на бок, строение. С вросшим в землю крыльцом, под которым был у нас, пацанов, штаб. Туда прятали оружие: деревянные пистолеты, гранаты, шашки, автоматы и т. д. Попытались войти, но ворота оказались закрыты изнутри. Пришлось перелезть через забор, как в старые, добрые времена, когда поздно возвращался домой и уже все спали. В это время из соседнего дома (кстати, я родился-то в нем) к нам вышел пожилой мужчина с женщиной. И опять память меня не подвела – это были Иван и Светлана Шлык – наши дальние родственники.

– Ты куда лезешь? – строго спросил Иван.

– Я, домой, – съязвил в ответ.

– Это не твой дом.

– Нет, мой, – все это проходило в момент нашего сближения друг с другом.

– Борька, ты?! – Мы обнялись.

– Да, вот что время с людьми делает, – Иван улыбается – встретил бы, не узнал. А Шишко (ему отец продал дом) бросил все и уехал. Вот сейчас приглядываю. Баней, правда, пользуюсь.

Мы с волнением входим в отчий дом. Все знакомо до боли и... пугающе незнакомо. Вот здесь стоял умывальник, вот лаз в подвал, где хранили картошку, вот мамина комната, вот наша, мальчишечья: здесь стояли топчаны, на которых мы спали. Кухня: плита

переделана, а стол тот же и лавки, (стульев, да табуреток трудно было купить в то время) на которые дети рассаживались на обед. Ба, шкаф – наш. В нем я прятался, играя в прятки с сестрой. Чувствую, как из глаз текут слезы, у сестер тоже.

Заходим в хозяйственные стайки. Все узнаю: в этом углу жили козы, дальше корова с теленком, наверху сеновал (сколько раз я прятался в нем, то от обиды на кого-нибудь, то просто помечтать).

Огород зарос сорняком. Видно, что много лет нет хозяйской руки. Ходим по траве, заглядываем в закоулки усадьбы, узнаем что-то, а что-то нет.

Возбужденные идем к Ивану Шлыку: в дом, где родились Галина и я. Снова сердце захолонулось. В потолке вбитый крюк, на котором висела моя колыбель (так рассказывала мама). Осторожно осматриваемся. Кажется, каждый из нас хочет впитать все в себя и оставить в памяти каждый гвоздь, каждую трещинку в стене. Ведь отсюда начиналась наша жизнь.

Спонтанно собираем всякую снедь, что захватили с собой, садимся за импровизированный стол. Первый тост за малую родину, за отчий дом. Грустно молчим, думая каждый о своем. Душа печальна и покойна – мы дома. После второй рюмки Варвара вдруг начинает петь песню...

– Когда выпьет, всегда поет о сыне, – шепчет мне Иван, – он служил в Афганистане, там пристрастился к наркотикам. Одиннадцать лет боролась она с этим недугом. Не спасла – умер три года назад.

Я с удивлением вслушиваюсь в слова:

Теперь облака между нами.

С тобою не поговорить,

Ты знаешь, сыночек милый,

Как трудно одной мне жить.

А боль с каждым днем подступает,

И нету предела ей,

И если ты слышишь сыночек,

Скажи, как мне справиться с ней.

220-ый квартал

*А знали б вы, он был какой?
Он не такой как все,
Он не такой – другой,
Возил подарки нам домой,
Сыночек мой, ты мой родной.
А я была как за стеной,
Но хоть во сне побудь еще со мной,
Сыночек мой.
Служил ты в далеком Афгане,
Не жаловался нам никогда,
Ты только писал братьям,
Какая там жизнь твоя.
Там пули вокруг свистели,
Попить не хватало воды.
Зато там вдоволь было
Одной только наркоты.
Последний раз уезжал ты,
Сказал мне «мама не плачь.
Я скоро, скоро приеду,
Приеду к тебе опять».
И вот ты приехал сыночек,
Приехал ко мне домой.
Теперь твои глазки милы,
Закрывают сырой землей.*

Варвара уронив голову на руки, затихла. В комнате повисла гнетущая тишина.

– Я вас на кладбище свожу, покажу его могилку.

Мы с трудом переключаемся на другие темы. Время летит незаметно. Вечереет. Пора собираться в обратный путь. Прощаемся со всеми с твердой уверенностью, что обязательно вернемся еще сюда.

Заезжаем на кладбище: оно делится как бы на два: старое и новое. Старое, это то, где хоронили лет 30–50 назад. Деревянные оградки, упавшие кресты. Все это заросло густым ельником. Мрач-

но и тоскливо вокруг. Новое – рядом, отличается только тем, что здесь еще можно прочесть, кто захоронен, и вместо крестов скромные памятники (дань времени).

Подходим к могиле сына Вари. С фотографии смотрит на нас молодой парень в солдатской форме. Смотрит и молчит. Молчим и мы. Помянув всех, кто здесь захоронен, едем в Серов. Разговор не клеится. Каждый думает о своем, а может об одном и том же.

Вот и закончилось мое повествование о семье, поселке, жителях «Двадцатого». Перечитал написанное - будто заново прожил то трудное, но по-своему счастливое время. Жизнь «Двадцатого», его традиции и привычки считались когда-то обыденным, частью собственной судьбы. Хорошая она или плохая не берусь судить, но и другой мне не надо.

Я любил свой «Двадцатый». В моей памяти он навсегда останется добрым и светлым. Это часть моей жизни.

Содержание

1.	<i>Последний поклон. От автора.....</i>	4
2.	<i>220-КВАРТАЛ.....</i>	9
3.	<i>Приговор приведен в исполнение.....</i>	12
4.	<i>Неоплаченный долг.....</i>	15
5.	<i>Пропала без вести.....</i>	16
6.	<i>«Расстрелять, как немецкого шпиона».....</i>	17
7.	<i>Умер в тюрьме.....</i>	18
8.	<i>Что такое «двадцатый».....</i>	21
9.	<i>Экскурс в прошлое.....</i>	24
10.	<i>О столовой и первой зарплате.....</i>	27
11.	<i>Школа.....</i>	28
12.	<i>Наши игры.....</i>	32
13.	<i>Как отдыхал «интернационал».....</i>	36
14.	<i>Аванс плюс получка.....</i>	38
15.	<i>Моя семья.....</i>	41
16.	<i>Свадьба.....</i>	47
17.	<i>Про коменданта.....</i>	47
18.	<i>Допрос.....</i>	48
19.	<i>А ты Кирова убила.....</i>	48
20.	<i>Торжественное собрание.....</i>	49
21.	<i>Враг народа.....</i>	49
22.	<i>«Анна Каренина» в портфеле.....</i>	50
23.	<i>«...Валька провалилась».....</i>	51
24.	<i>Борщ с сюрпризом.....</i>	52
25.	<i>Бочка.....</i>	53
26.	<i>Пожар.....</i>	53
27.	<i>Розочку спасите.....</i>	54
28.	<i>Сука лысая.....</i>	55
29.	<i>Торт на 8-е марта.....</i>	56
30.	<i>Елка «в рассольнике».....</i>	56
31.	<i>Бурундук-говешка.....</i>	57
32.	<i>Говнобой.....</i>	57
33.	<i>«Таз раздавили».....</i>	58

34. Как я лук продавал.....	59
35. Диверсия и демократизатор.....	60
36. Халтура.....	61
37. Завтрак на уроке.....	62
38. Взрыв на пустыре.....	63
39. Укротитель велосипеда.....	64
40. Мамины папиросы.....	65
41. «Мы из Брянска».....	66
42. Клад.....	67
43. Лампочка.....	67
44. Свидетель.....	68
45. О белочке.....	69
46. Малая родина.....	71
47. Вилка.....	72
48. «Козуля».....	73
49. Бизнесмен.....	73
50. Далеко от дома.....	75
51. Про быка.....	75
52. Патефон.....	76
53. Бурки.....	77
54. Натюрморт.....	78
55. Ворона и кукла.....	79
56. Сочинение на тему... ..	79
57. Грибы.....	81
58. Война с религией.....	82
59. Ради спасения.....	83
60. Другое поколение.....	83
61. Отголоски войны.....	85
62. Ягодные места.....	85
63. Диссидент.....	88
64. Эх, Мор-розова!.....	91
65. Рогожкин, Бесоногов и дед Падерин.....	92
66. Банка алычового варенья.....	94
67. Очередь.....	95
68. Бабка - пьяница.....	97

220-ый квартал

69. Клятва на верность.....	98
70. Берия вышел из доверия.....	100
71. Конный двор.....	100
72. Витька с гармошкой, Вовка – с гранатой.....	101
73. С томиком Маркса под мышкой.....	102
74. Бостоновый костюм.....	104
75. Колька книгу пишет.....	106
76. Старость понятие растяжимое.....	108
77. Муж да жена – одна сатана.....	108
78. Георгиевский кавалер.....	109
79. Немой.....	110
80. Первая любовь.....	111
81. Смерть фронтовиков.....	113
82. Пионерский галстук.....	114
83. С орлом «составом».....	114
84. Наши песни.....	117
85. Последние почести.....	118
86. «Москвичка».....	119
87. Зелень.....	120
88. Баско погуляли.....	121
89. Девятый барак.....	123
90. «Честное всех вождей».....	124
91. Крик Тарзана.....	125
92. Танцплощадка.....	127
93. Жостка.....	129
94. Национальное блюдо.....	131
95. Учитель физики.....	132
96. Соколиный глаз.....	133
97. Сало.....	134
98. Приколы.....	135
99. Поджог.....	136
100. Жена технорука.....	136
101. Две Тамары.....	137
102. Возращение в детство.....	140

Карташов Борис Пантелимонович

220-ый квартал

Документальная повесть, рассказы

*Редактор В. Карташев
Дизайн-верстка Е. Мозоленко
Художник С. Юрченко*

Сдано в набор 15.04.2013
Подписано в печать 20.05.2013
Формат 60x90/16
Гарнитура Times New Roman
Условных печатных листов 9,5
Тираж 100.

200

041052014

Государственная библиотека Югры

